

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

1

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волынец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Намеснікі галоўнага рэдактара ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

Адказны сакратар ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонок В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editor-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.161.3'04.09

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАНОНИЗАЦИИ

Ж. В. НЕКРАШЕВИЧ-КОРОТКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с преподаванием древней белорусской литературы XI–XVIII вв. в курсе средней и высшей школы, с перспективы проблемы литературного канона, активно обсуждаемой с конца XX в. как в западном, так и в восточнославянском гуманитарном дискурсе. Констатируются очевидный перекос внутри академического канона (в частности, полное отсутствие литературы XVIII в. в программе для средних школ), случаи трансформации апорематического дискурса в канонический, высокая степень эклектичности имеющейся информации, низкий уровень систематизации знаний. Предлагается изменение вектора от «постулированного» («идеального») к «активному» («реальному»), от «смыслового» к «конструктивному» канону, а также отказ от порочной традиции понимания цели учебной программы как составления нормативных списков литературы. Утверждается необходимость адекватной авторской идентификации и важность задачи выделения эпистемологических профилей каждой литературно-художественной эпохи.

Ключевые слова: древняя белорусская литература; преподавание литературы; литературный канон; академический и исследовательский канон; учебная программа по литературе; художественный текст; апорематический и канонический дискурсы; насильственная канонизация.

Образец цитирования:

Некрашэвіч-Кароткая Ж. В. Вывучэнне даўняй беларускай літаратуры ў кантэксце праблемы літаратурнай кананізацыі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 1. С. 5–13.

For citation:

Nekrashevich-Karotkaja Zh. V. Studying of old Belarusian literature in the context of literary canonization. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 5–13 (in Belarus.).

Автор:

Жанна Вацлаваўна Некрашэвіч-Кароткая – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры истории белорусской литературы.

Author:

Zhanna V. Nekrashevich-Karotkaja, doctor of science (philology), docent; professor at the department of the history of Belarusian literature, faculty of philology.
zhanna.nekrashevich-karotkaja@uni-oldenburg.de

ВЫВУЧЭННЕ ДАЎНЯЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў КАНТЭКСЦЕ ПРАБЛЕМЫ ЛІТАРАТУРНАЙ КАНАНІЗАЦЫІ

Ж. В. НЕКРАШЭВІЧ-КАРОТКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца актуальныя пытанні, звязаныя з выкладаннем даўняй беларускай літаратуры XI–XVIII стст. у курсе сярэдняй і вышэйшай школы, з перспектывы праблемы літаратурнага канона, якая з канца XX ст. актыўна абмяркоўваецца як у заходнім, так і ва ўсходнеславянскім гуманітарным дыскурсе. Канстатуецца відавочны перакос унутры акадэмічнага канона (у прыватнасці, поўная адсутнасць літаратуры XVIII ст. у праграме для сярэдніх школ), выпадкі трансфармацыі апарэматычнага дыскурсу ў кананічны, высокая ступень эклектычнасці наяўнай інфармацыі, нізкі ўзровень сістэматызацыі ведаў. Прапануецца змяненне вектара ад «пастуліраванага» («ідэальнага») да «актыўнага» («рэальнага»), ад «сэнсавага» да «канструктыўнага» канона, а таксама адмаўленне ад заганнай традыцыі разумення мэты вучэбнай праграмы як складання нарматыўных спісаў літаратуры. Сцвярджаецца неабходнасць адэкватнай аўтарскай ідэнтыфікацыі мастацкага твора і прыняцця пад увагу задачы стварэння эпистэمالагічных профіляў кожнай літаратурна-мастацкай эпохі.

Ключавыя словы: даўняя беларуская літаратура; выкладанне літаратуры; літаратурны канон; акадэмічны і даследчыцкі канон; вучэбная праграма па літаратуры; мастацкі тэкст; апарэматычны і кананічны дыскурсы; прымушаная кананізацыя.

STUDYING OF OLD BELARUSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF LITERARY CANONIZATION

Zh. V. NEKRASHEVICH-KAROTKAJA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article examines the current issues of teaching of old Belarusian literature of the XI–XVIII centuries that arise from the secondary school and higher education curricula. The examination is done from the viewpoint of the literary canon discussions that have been wide and considerable in the humanities discourses of the West and East since the end of the XX century. It reports an obvious bias within the academic canon (particularly, a lack of the XVIII century literature in the secondary school curriculum), instances of the transformation of the aporetic discourse into canonical, and a high level of existing information eclecticism together with a low level of knowledge systematization. It proposes a vector change from a «postulated» («ideal») to an «active» («real»), from «sense-based» to «design-based» canon; a disavowal of the enduring tradition of compiling normative reading lists as the goal of the curriculum. It suggests the importance of an adequate author identification of a literary text and claims the necessity to take into account the objectives of creating epistemological profiles of each literary epoch.

Key words: old Belarusian literature; teaching literature; literary canon; academic and research canon; curriculum in literature; works of fiction; aporetic and canonical discourses; forced canonization.

Уводзіны

Праблема літаратурнай кананізацыі (гэта значыць ацэначнага адбору літаратурных артэфактаў) у той ці іншай форме актуалізавалася практычна з часоў Арыстоцеля, які ў сваёй «Паэтыцы» лакалізаваў паняцце канона ў межах жанравай класіфікацыі: узорнымі прызнаваліся гераічны эпас і трагедыя. Уласна ж паняцце «канон» пачало праецыравацца на сферу прыгожага пісьменства з канца XVIII ст. Праблематызацыя гэтага тэрміна ажыццяўлялася пераважна ў сувязі з асноўнымі сацыяльнымі эфектамі літаратурнай творчасці: цензурай і практыкай выкладання літаратуры. Навуковыя развагі пра прыныцыпы літаратурнай кананізацыі ажыццяўляліся таксама праз прызму паняцця культурнага капіталу [1]. Публікацыя кнігі амерыканскага літаратуразнаўцы і тэарэтыка культуры Гаральда Блума «Заходні канон» (*The Western Canon*. New York, 1994) пашырыла актыўнасць даследчыкаў у межах вызначанай праблематыкі.

Ва ўсходнеславянскім літаратуразнаўчым дыскурсе пытанне пра літаратурны канон, па-першае, вылучаецца як адзін з аспектаў актуальнага ў XXI ст. даследавання нацыянальнай ідэнтычнасці

(напрыклад, у 2016 г. у Санкт-Пецярбургскім дзяржаўным універсітэце прайшла Міжнародная навуковая канферэнцыя «Праблема нацыянальнага літаратурнага канона»). Па-другое, найчасцей абмеркаванне літаратурнага канона шчыльна карэлюе з задачай выкладання літаратуры [2; 3]. Па-трэцяе, адпаведны даследчыцкі ракурс аказваецца запатрабаваны сярод літаратуразнаўцаў у сувязі з праблемай масавай літаратуры, а таксама ў кантэксце разваг пра тое, ці ўпішацца літаратура ў новую парадыгму цывілізацый [4]. Аб'ектам даследавання пры гэтым, як правіла, выступаюць помнікі пісьменства новага часу, XIX–XXI стст. Мэта гэтага артыкула – вызначыць асноўныя матывацыйныя прынцыпы літаратурнай кананізацыі ў дачыненні да даўняга беларускага пісьменства XI–XVIII стст., якія праяўляюцца і ўлічваюцца ў адукацыйным і культурна-асветніцкім дыскурсе сучаснай Беларусі. Структура і змест літаратурнага канона пры гэтым выступае прадметам даследавання. Аб'ект даследавання – пісьмовыя помнікі, прыналежныя да беларускай культурнай прасторы вызначанага перыяду.

Даследчыкі (у прыватнасці, нямецкія) адрозніваюць два віды літаратурнага канона. У першую чаргу яны гавораць пра так званы матэрыяльны канон (*materialer Kanon*), разумеючы пад ім корпус літаратурных тэкстаў, «якія нейкая група носбітаў, напрыклад пэўная культура або субкультурная групавая, лічыць вартаснымі, надае ім асаблівае значэнне і ў перадачы якіх яна зацікаўлена»¹ [5, S. 344]. Акрамя таго, выкарыстоўваецца паняцце «сэнсавага» канона (*Deutungskanon*) як «корпуса інтэрпрэтацый, што дазваляе вызначыць, якія сэнсы і каштоўнасці ўяўленні звязваюцца з кананізаванымі тэкстамі» [5, S. 344]. У ходзе распрацоўкі тэорыі канона тэрміналагічны дыкурс набываў большую разнастайнасць, што адлюстроўваюць публікацыі ў галіне як літаратуразнаўства, так і школьнай і акадэмічнай дыдактыкі. Так, Рэната фон Гайдэбранд, прапануючы тэрмін «сэнсавы канон», лічыць прынцыпова важнымі тыя аксіялагічныя і сэнсавыя ўзоры, якія прымаюцца за аснову. Пры гэтым, на думку даследчыцы, сэнсавы канон накладваецца на канон матэрыяльны. Пад ім, у сваю чаргу, маецца на ўвазе «пэўная колькасць твораў і аўтараў, якім незалежна ад іх рэальнай папулярнасці і прыхільнасці да іх прыпісваецца “каштоўнасць” унутры пэўнай супольнасці (нацыі, групы, інстытуцыі)» [6, S. 613].

У адукацыйнай практыцы сярэдняй і вышэйшай школы Германіі прымаецца за аснову ўяўленне пра канон «як строга адбор пэўных твораў і аўтараў, якія на працягу доўгага перыяду прызнаюцца ўзорнымі ў пэўнай супольнасці» [7, S. 129]. Звернем увагу на тое, што ў абодвух выпадках ключавым момантам з'яўляецца наяўнасць пэўнай супольнасці, якая ўплывае на прызнанне таго ці іншага аўтара (твора) вартым кананізацыі. Адпаведна, інтарэсам пэўнай супольнасці можа адпавядаць таксама акцэптаванне нацыянальнай літаратурнай гістарыяграфіяй «нулявога варыянта» ў дачыненні да пэўнага перыяду нацыянальнага пісьменства. Гэта заўвага мае значэнне ў межах дадзенага даследавання ў сувязі з «нулявой» прадстаўленасцю цэлага стагоддзя ў гісторыі беларускай літаратуры ў межах школьнай праграмы, што будзе паказана ніжэй.

Прынцыпы кананізацыі і практыка выкладання даўняй беларускай літаратуры

Для ўсталявання літаратурнага канона мае значэнне такая пазіцыя рэцыпіента, якая звязана з каштоўнасцямі арыентацыямі, што дазваляюць прыпісаць тэксту тое ці іншае значэнне. Як адзначае Міхаіл Ямпольскі, «кананізацыя аўтара адбываецца дзякуючы як яго паслядоўнікам, так і крытыкам-інтэрпрэтатарам, якія адыгрываюць найважнейшую ролю ў расшырэнні сэнсу першапачатковага тэксту» [8, с. 220]. Актыўныя даследаванні ў галіне семіётыкі тэксту, ключавыя для вызначэння меж літаратурнага канона, у сваю чаргу, цесна звязаны з задачай вызначэння меж і дамінант дыскурсу пэўнай культурнай ідэнтычнасці. Юрый Лотман справядліва даводзіў, што літаратура функцыянуе згодна з прынцыпамі самаарганізацыі як двухадзінага працэсу: адны тэксты выключаюцца з кола літаратуры, другія падлягаюць іерархічнай арганізацыі і таксанаметрычнай ацэнцы. Менавіта так, на грунце першапачатковага сутыкнення эстэтычных інтарэсаў і ацэначнага адбору, паступова фарміруецца канон. «Адабраны ў адпаведнасці з пэўнымі тэарэтычнымі канцэпцыямі склад імён і тэкстаў, якія ўключаюцца ў літаратуру, у далейшым падлягае кананізацыі ў выніку складання даведнікаў, энцыклапедыяў і хрэстаматый, пранікае ў свядомасць чытачоў. Адценне палемікі, уласцівае яму, страчваецца, забываюцца канкрэтныя імёны стваральнікаў легенды, і тое, што ўяўляла сабой палемічныя гіпербалы і метафары, пачынае ўспрымацца ў прамым сэнсе» [9, с. 205].

Ідэалогія – у той ці іншай форме – адыгрывае ролю сугестыўнага фактару ў працэсе фарміравання канона. Лія Кісялёва адзначала: «Кожны тэкст утрымлівае пэўныя ідэалагічныя структуры, адэкватнасць разумення якіх залежыць ад ідэалагічнай жа пазіцыі чытача» [10, с. 71]. Паколькі працэс стварэння літаратурнай прадукцыі адбываецца ў межах сацыяльнай прасторы, названай П'ерам Бурдзье «палямі культурнай вытворчасці», якія, у сваю чаргу, займаюць эканамічна і палітычна падначаленае становішча ў полі ўлады [11, S. 38], то сацыяльны кантэкст, унутры якога ідэалогія часта адыгрывае

¹ Тут і далей пераклад наш. – Ж. Н.-К.

ролю ініцыятара грамадскіх памкненняў, непазбежна ўплывае і на стратэгію кананізацыі, і на прынцыпы адбору ў працэсе фарміравання канона.

Калі мець на ўвазе літаратуразнаўчы і адукацыйны дыскурсы Беларусі, то першапачаткова аксіялагічная канцэптуалізацыя ўяўленняў пра прыгожае пісьменства XI–XVIII стст. ажыццяўлялася паводле мадэлі «сэнсавага» канона. На працягу XX ст. ва ўмовах панавання славянафільскіх падыходаў літаратурны канон старажытнай літаратуры ўтваралі выключна беларускамоўныя творы, а таксама творы на царкоўнаславянскай мове, якая не выклікала непажаданых асацыяцый з прыкрым «акаталічваннем» або «прыгнётам польскіх феадалаў»: «Жыццё Еўфрасінні Полацкай», гаміліі Тураўскага епіскапа Кірыла, «Аповесці мінулых гадоў», прадмовы да Бібліі Францыска Скарыны, прысвячэнне і прадмова да «Катэхізіса» Сымона Буднага, прадмова да «Евангелля» Васіля Цяпінскага, вершы Сімяона Полацкага. Менавіта гэтыя творы і цяпер складаюць аснову адукацыйнага канона сярэдняй школы [12, с. 59–61]. З падачы выдатнага расійскага вучонага Ільі Галіянішчава-Кутузава намаганнямі беларускіх вучоных і перакладчыкаў Віктара Дарашкевіча, Якава Парэцкага, Язэпа Семяжона ў 1960–70-х гг. быў «дапушчаны» ў гісторыю беларускай літаратуры лацінамоўны паэт Мікалай Гусоўскі з «Песняй пра зубра», а потым і іншыя аўтары, якія пісалі па-лацінску. Адам Мальдзіс, Уладзімір Кароткі і Сяргей Кавалёў праклалі сваімі навуковымі працамі шлях польскамоўнаму пісьменству. Наогул фарміраванне погляду на беларускую літаратуру Рэнесансу і Барока як на літаратуру полілінгвістычную С. Кавалёў слухна лічыць найважнейшым дасягненнем беларускай філалагічнай навукі на пераломе XX і XXI стст. [13, с. 8].

Такім чынам, «сэнсавы» канон на працягу ўсяго XX ст., але найперш на мяжы XX і XXI стст., быў цесна звязаны з даследчыцкім канонам. Пачынаючы з 1990-х гг. і да сёння вектар кананізацыі гэтай літаратуры ў вельмі высокай ступені абумоўлены практыкай універсітэцкага выкладання. Іншымі словамі, структура і змест канона звязаны з тым, якія аўтары і творы ўключаюцца ў тыпавыя, вучэбныя і рабочыя праграмы па беларускай літаратуры. Пры гэтым стратэгія «не-ўключэння» дзейнічае не менш актыўна: літаратурны канон можа быць арыентаваны і на спараджэнне негатыўных сэнсаў. Так, у сучаснай праграме па беларускай літаратуры для сярэдняй школы творы і аўтары XVIII ст. папросту адсутнічаюць. Гэта не дзіўна: для вывучэння тэмы «Барока. Класіцызм. Асветніцтва» ў дзявятым класе адводзіцца... адна гадзіна. Пры гэтым у праграме побач з імёнамі Іпацыя Пацея, Мялеція Сматрыцкага, Андрэя Рымшы і Сімяона Полацкага мы не знойдзем ніводнага імя аўтара XVIII ст. [12, с. 63]. Адпаведная структура праграмы па беларускай літаратуры (якая ў адносінах да XVIII ст. засталася нязменнай з савецкіх часоў) прадвызначыла тую дзіўную, на першы погляд, акалічнасць, што састарэлая ў метадалагічных адносінах сітуацыя «нулявога варыянта» ў дачыненні да XVIII ст. адлюстроўваецца нават у вучэбных дапаможніках XXI ст. [14], амаль праз сорок гадоў пасля таго, як Адам Мальдзіс ажыццявіў «прырыў» у той перыяд сваёй кнігай «На скрыжаванні славянскіх традыцый» (Мінск, 1980).

У такой сітуацыі, бадай што, карысным варта прызнаць вопыт нямецкіх даследчыкаў, якія з асцярожнасцю ставяцца да самога тэрміна «канон» прымяняльна да нямецкай літаратуры як адукацыйнага прадмета. Эксперты адзінадушна прызнаюць, што базавыя (змястоўныя) веды мастацкіх твораў павінны быць апасродкаваны ў накірунку культурна-гістарычнага кантэксту; аднак гэтыя арыентацыйныя веды не павінны атаясамлівацца з усталяваннем канона [15, S. 21]. Знайсці разумны баланс паміж уласна літаратурным і гісторыка-культурным складнікамі курса «Гісторыя беларускай літаратуры» – надзвычай складаная задача, асабліва ва ўмовах трывалага скарачэння колькасці вучэбных гадзін.

Прыярытэт мастацкага тэксту ў рэчышчы літаратурнай кананізацыі

Як гэта ні парадасальна, аднак і даследчык, і выкладчык старажытнай літаратуры нярэдка «забываюцца» пра мастацкі тэкст як аб’ект даследавання. Пашырэнне навуковай інфармацыі і тэкставага корпуса адбываецца даволі часта ў рэчышчы своеасаблівай каталагізацыі, калі ў інтэлектуальны дыскурс уводзіцца ўласна тэкст, перакладзены на беларускую мову, без належнага тэксталагічна-даследчыцкага суправаджэння. У лепшым выпадку публікацыя суправаджаецца ўступным артыкулам гісторыка-біяграфічнага характару і перакладчыцкімі або культурна-гістарычнымі каментарыямі. Тым часам пытанні механізмаў стварэння і функцыянавання літаратурнай прадукцыі, далейшай рэцэпцыі літаратурных твораў па-ранейшаму не атрымліваюць належнай увагі даследчыкаў.

Пры падыходзе да паняцця канона з гістарычнай перспектывы, як слухна адзначае Леанард Герман, акцэптуецца дапушчэнне, згодна з якім канону як культурнаму феномену ўласцівая найперш **дынаміка** [16, S. 18]. Мэтазгоднасць дынамічнай эпістэمالагізацыі, у сваю чаргу, грунтуецца на **функцыянальным** успрыманні як асноўным прынцыпе сучаснай тэорыі канона: «Гэты канон дзейнічае як цэнтральны складнік “культурнай памяці” грамадства і ў такой якасці выконвае пэўныя функцыі для кожнай сацыяльнай групы, якая яго ўсталёўвае, – перадусім функцыі “сцвярджэння і стабілізацыі

калектыўнай ідэнтычнасці», адмежавання вонкі, а таксама забеспячэння і перадачы спецыфічных этычных і эстэтычных норм» [16, S. 18]. Літаратурны канон XVIII ст. у беларускай культурна-гістарычнай сітуацыі непасрэдным чынам звязаны з усімі названымі функцыямі, паколькі ў гэты час беларуская культурная ідэнтычнасць, бадай што, у найвышэйшай ступені (у параўнанні з папярэднімі і наступнымі эпохамі) была інтэгравана ў складаную структуру гетэрагенных мастацкіх парадыгм: паміж вытанчанасцю арыентаваных на італьянскую і французскую драматургію п'ес прыдворнага тэатра «саксонскай» эпохі і «сармацкім» гумарам інтэрмедый школьнай сцэны, паміж стракатым у жанравых і стылявых адносінах дыскурсам гісторыка-мемуарнай прозы і шаблоннасцю ўзораў шматмоўнай панегірычнай паэзіі «высокага стылю», паміж прадстаўнічай плыню гратэска-травесцыйных твораў і арыентаванай на перадачы літаратурныя тэндэнцыі творчай практыкай паэтаў *Societatis Jesu*, паміж дэмакратычнымі формамі духоўнай паэзіі і песенна-інтымнай лірыкай.

Праблематызацыя літаратурнага канона ў дачыненні да старажытнага пісьменства патрабуе скрупулёзнага аналізу асобных мастацкіх феноменаў у іх сувязях з побытавай культурай, вывучэння эпистэمالагічных аспектаў інтэлектуальнага жыцця грамадства, усведамлення структуры культурнага капіталу (найперш – яго адукацыйнага складніка). Надзвычай важна ў кожным выпадку бачыць сувязь літаратурнай творчасці з маўленчай стыхіяй таго часу. Пра адметны эстэтычны патэнцыял, своеасаблівую «полюснасць» мастацкага тэксту, які арганічна існуе ў стане кантраснасці, слухна разважаў Ю. Лотман: «Только художественные тексты могут быть предметом взаимоисключающих аксиологических оценок. Хотя художественным текстам в общей иерархии культуры отводится определенное место, они постоянно проявляют тенденцию к расположению на противоположных концах лестницы, то есть в исходной позиции задают некоторый конфликт, создающий потенциальную возможность дальнейшей нейтрализации в некоторых амбивалентных текстах» [9, с. 205].

Думаецца, найперш у акцэнтаванні такіх неадназначных у аксіялагічных адносінах мастацкіх тэкстаў найлепшым чынам будзе рэалізаваны эфект накладання «сэнсавага» канона на «матэрыяльны». У беларускай культурнай сітуацыі ён праяўляецца найперш у спалучэнні культурнага і канфесійнага фактараў пры вызначэнні гісторыка-культурных эпох (на што звярнуў увагу У. Г. Кароткі [17, с. 16–20]), а таксама ў акцэнтаванай фемінізацыі даследчыцкага кантэксту ў XVIII ст. Маючы на ўвазе апошні фактар, адзначым, што цікавасць навукоўцаў, навучэнцаў і проста аматараў айчынай гісторыі да жанчын-пісьменніц Францішкі Уршулі Радзівіл і Саламеі Пільштыновай з Русецкіх (пазней – да Тэафілі Канстанцыі Мараўскай з Радзівілаў) даволі хутка выйшла за межы навуковага і адукацыйнага дыскурсаў. Дзвюм першым жанчынам-пісьменніцам былі прысвечаны кароткаметражныя папулярна-асветніцкія фільмы (аўтар сцэнарыя – Ганна Фурс); яны ж сталі галоўнымі гераінямі дзвюх герменеўтычных драм Сяргея Кавалёва: «Саламея і амараты» (1996), «Францішка, або Навука кахання» (2000).

Даследчыкі канца XX ст. рупіліся аб стварэнні пісьменніцкага канона, «запаўняючы» напаяўпустыя з савецкіх часоў эпохі позняга Сярэднявечча і позняга Барока ў беларускай літаратуры. Менавіта ў выніку даследчыцкай кананізацыі трапляюць у тыпавую праграму для ўстаноў вышэйшай адукацыі «Гісторыя беларускай літаратуры (XI–XIX стагоддзі)» (Мінск, 2011) імёны мітрапаліта Рыгора Цамблака, літаратараў-езуітаў Караля Жэры, Міхала Карыцкага і Францішка Князьніна, Францішкі Уршулі Радзівіл, Францішка Рысінскага і Яна Аношкі. Пры гэтым час ад часу дапускаліся пэўныя нацяжкі. Менавіта так у навуковым і адукацыйным дыскурсах адбываецца своеасаблівая **прымусовая кананізацыя** аўтара верша «Полска квітнет лациною...» Яна Казіміра Пашкевіча, які акрамя як у гэтым адзіным творы наўрад ці праявіў сябе ў галіне прыгожага пісьменства. Падобны феномен назіраецца ў дачыненні да пісьменніка-езуіта Дамініка Рудніцкага (1676–1739), які пісаў вершы на польскай мове і цікавіўся фальклорам. Так, з розных крыніц вядома, што Д. Рудніцкаму падабалася займацца літаратурнымі падробкамі і містыфікацыямі. Зыходзячы з усіх гэтых акалічнасцей, А. Мальдзіс атрыбуе Д. Рудніцкага як аўтара беларускамоўных вершаў з рукапісных зборнікаў, якія захоўваліся ў Пецярбургу і былі даследаваны Уладзімірам Пятатцам. Разам з тым, сам вучоны прызнае спрэчнасць сцвярджэнняў наконт аўтарства Д. Рудніцкага ў дачыненні да беларускамоўных вершаў [18, с. 77]. Нягледзячы на гэта, пасля апублікавання кнігі А. Мальдзіса «На скрыжаванні славянскіх традыцый» імя Д. Рудніцкага пачало актыўна выкарыстоўвацца ў навуковых і адукацыйных выданнях Беларусі. Так, у першым томе «Анталогіі беларускай паэзіі» (Мінск, 1993) ён пазначаны як аўтар (хаця і пад знакам пыталніка) групы тэкстаў, аб'яднаных пад назвай «звярыныя гратэскі»: вершаў «Птушыны баль», «Нязгода птаства і суд над крукам», «Апісанне птушынай хворасці», «Ваенны паход грыбоў» [19, с. 117–121]. А ўжо ў «Анталогіі даўняй беларускай літаратуры» (Мінск, 2003) усе «звярыныя гратэскі» адназначна прыпісваюцца аўтарству Д. Рудніцкага.

Што да верша Яна Казіміра Пашкевіча «Полска квітнет лациною...», адзіны спіс якога захаваўся ў першай рукапіснай рэдакцыі Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г., то яго варта разглядаць як узор аматарскага версіфікатарства, якое пашырылася на землях Беларусі і Літвы дзякуючы адпаведным

адукцыйным інтэнцыям. Надзвычай дысцыплінаваная форма запісу гэтага верша (з пазначэннем не толькі поўнага імя аўтара, але нават дакладнай даты напісання твора) нагадвае выкананне паэтычнага практыкавання школяром. У такім самым рэчышчы варта разглядаць матывацыю ўзнікнення прынагоднага беларускамоўнага верша XVIII ст. «Усім многі век у новай хаце». Яго аўтарам абвешчаецца Іаахім Літавар Храптовіч (1729–1812), вядомы дзяржаўны дзеяч, бліскучы вучоны і дыпламат, які напісаў шэраг сачыненняў на розных еўрапейскіх мовах, у тым ліку трактат «Аб прыродным праве» (трохмоўнае перавыданне было здзейснена ў 2014 г.). Аднак з самога тэксту верша яўна вынікае, што ён быў напісаны Іаахімам Храптовічам разам з яго сястрой Ганнай, што, прынамсі, адпавядала новым тэндэнцыям у галіне аўтарскага пазіцыянавання творцы XVIII ст.: *Усім многі век у новай хаце / Пры гоўнай неба заплаце. / Жывіце без всякай тугі / І як паны, тако ж слугі / Пры новай гадзіне. <...> Брат з сястрой – адно зданне, / Вас славіці не прастане. / Без разлукі, як чытаюць, / Нашы імёны спамінаюць: / Ёахім і Анна* [19, с. 123–124]. Перад намі ў дадзеным выпадку тыповы ўзор паэтычнай «дэкламацыі» (прывітальнага верша, прачытанага паслядоўна некалькімі выступоўцамі), якая была складзена маладымі Храптовічамі ў сувязі з пераездам іх бабুলі і дзядулі ў новую хату.

У цэлым працэсы літаратурнай кананізацыі набылі з канца XX ст. выразна акадэмічныя абрысы: пашырэнне кантэксту шматмоўнага пісьменства XVIII ст. адбываецца дзякуючы перакладчыцкай і даследчыцкай дзейнасці выкладчыкаў вышэйшай школы, а таксама супрацоўнікаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Іх намаганнямі ажыццяўляецца вельмі важны прарыў, паводле Ралана Барта, з твора ў тэкст, пераход ад твора як аб'екта спажывання (*l'objet d'une consommation* [20, р. 913]) да тэксту, які «качышчае твор і назапашвае з яго гульню, працу, вытворчасць, практычную дзейнасць» (*Le Texte (ne serait-ce que par son «illisibilité» fréquente) décanter l'œuvre (si elle le permet) de sa consommation et la recueille comme jeu, travail, production, pratique* [20, р. 914]). Ужо А. Мальдзіс у вышэй цытаванай кнізе звяртаў увагу на **функцыянальны аспект бытавання літаратуры ў XVIII ст.**: «Любоўная песня не толькі спявалася. Яна была своеасаблівай “гульнёй” у пытанні і адказы. Пад яе словы танцавалі. Яна выконвалася на балах у магнатаў, “забавах” у дварах сярэдняй і дробнай шляхты, у салонах гараджан; адтуль яна пранікала ў вясковую карчму, на сялянскія вечарынікі» [18, с. 97].

І ўсё ж функцыянальна-рэцэптыўныя, інтэграцыйныя аспекты бытавання літаратуры ў старажытны перыяд і ў XVIII ст. пакуль не займаюць прыярытэтнага становішча ў даследчыцкіх працах. Да гэтага часу ў многіх публікацыях, а таксама ў падручніках фігуруе ў якасці нібыта насамрэч канцэптуальнага фактару ўказанне на ўмовы, «неспрыяльныя для развіцця літаратуры» [21, с. 825, 854]. «Вандруе» з аднаго дапаможніка па гісторыі беларускай літаратуры ў другі згадка пра нібыта важны факт: у 1697 г. сейм выдаў пастанову, паводле якой беларуская мова была «выціснута з судова-адміністрацыйнай практыкі» [22, с. 45; 23, с. 126; 24, с. 69]. Ці ўсё ж з перспектывы сінхранічнай гісторыі, паводле Ганса-Роберта Яўса, названая сеймавая пастанова мела нейкае значэнне для прадукцэнтаў мастацкіх твораў? Нават М. Гарэцкі, прыгадаўшы тое рашэнне, далей пісаў: «У іншым ужытку наша старадаўняя кніжная мова існавала і далей, аж да канца XVIII веку»¹ [22, с. 45]. «У іншым ужытку» – гэта і азначае ў галіне прыгожага пісьменства, перш за ўсё ў паэзіі, дзе яны ў канцы XVII, ані на працягу ўсяго XVIII ст. беларускай мовы ніхто не забараняў. Наадварот, **беларуская мова не была занябана ў цырыманяльным жыцці шляхты на Беларусі**: найперш падчас урачыстасцей яе гучанне ў межах тосту або панегірыка сведчыла пра культурны ўзровень арыстакрата, які паходзіў з Беларусі, як сёння гэта пацвярджалася б цытаваннем лацінскіх выслоўяў. Так, А. Мальдзіс цытуе ўспаміны Яўстахія Тышкевіча «*Nasze strony*» (Кракаў, 1871) з апісаннем прыезду караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага да Радзівілаў у Нясвіж, калі кароль палічыў мэтазгодным прамовіць вершаваны тост, які пачынаўся такімі словамі: *Пане гаспадару, каж віна даці, штоб тваей хаці ліха не знаці* [25, с. 130]. Да таго ж інтэнцыі да вершавання на розных мовах, у тым ліку па-беларуску, з'яўляюцца сталай культурна-адукцыйнай традыцыяй, якая склалася на Беларусі з канца XVI ст.: настаўнікі-*patres* у каталіцкіх і ўніяцкіх (базыльянскіх) школах клапаціліся пра пашырэнне моўнай кампетэнцыі сваіх вучняў, у сувязі з чым многія старажытныя ўзоры сілабічнага вершавання па-беларуску маглі быць проста вынікам паэтычных штудый школяроў-беларусаў.

Праблематызацыя і высновы

1. На сучасным этапе назіраецца відавочны перакос унутры акадэмічнага канона: вучэбныя праграмы па беларускай літаратуры для вышэйшай школы ўлічваюць найноўшыя дасягненні сучаснага беларускага гістарычнага літаратуразнаўства, тым часам як у школьнай праграме па беларускай літаратуры адсутнічае фактычна цэлае XVIII стагоддзе, у якім прадстаўлены дзве літаратурна-мастацкія эпохі – позняе Барока і Асветніцтва.

¹ У цытаце захаваны моўныя асаблівасці арыгінала. – Ж. Н.-К.

2. У вучэбных праграмах, падручніках і анталогіях па беларускай літаратуры назіраюцца выпадкі трансфармацыі апарэматычнага дыскурсу ў кананічны (напрыклад, аўтарства Д. Рудніцкага ў дачыненні да беларускамоўных вершаў).

3. Найноўшыя навуковыя і дыдактычныя ўяўленні пра даўнюю беларускую літаратуру вызначаюцца высокай ступенню эклектычнасці наяўнай інфармацыі, нізкім узроўнем сістэматызацыі ведаў. Прынцып складання анталогій і зборнікаў тэкстаў па беларускай літаратуры для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі застаецца пераважна каталагічным, не надаецца ўвагі сэнсавому канону. Пры гэтым не ўлічваецца рэцэптыўнае поле мастацкіх тэкстаў: навучэнцы і аматары часцей за ўсё не маюць папярэдніх гісторыка-культурных ведаў («перадразумення» (*Vorverständnis*), паводле Г. Г. Гадамера), у выніку чаго некаторыя выданні (напрыклад, большасць тамоў серыі «Залатая калекцыя беларускай літаратуры») аказваюцца непрыдатнымі для выкарыстання ў працэсе выкладання беларускай літаратуры.

Прапановы

Усё адзначанае дазваляе вылучыць шэраг прапаноў:

1) рухацца ад «пастуліраванага» («ідэальнага») да «актыўнага» («рэальнага») канона (*postulierter/idealer Kanon* → *aktiver/realer Kanon* [26, S. 209]); адмовіцца ад заганняй традыцыі разумення мэты вучэбнай праграмы як складання нарматыўных спісаў літаратуры (так званых спісаў для абавязковага прачытання); праводзіць адэкватную аўтарскую ідэнтыфікацыю мастацкага твора; увесці паняцце рэдукаванага (містыфікаванага) аўтара ў літаратуры XVIII ст.;

2) змяніць вектар даследавання і выкладання літаратуры XVIII ст. з абумоўленасці працэсам фарміравання нацыянальнай самасвядомасці ў накірунку да канцэпта культурнай памяці [15, S. 21]; пераарыентаваць уяўленні пра літаратурную кананізацыю з паняцця «сэнсавы канон» (*Deutungskanon*) да тэрміна «канструктыўны канон» (*operationaler Kanon*) у разуменні Элізабет Штук: «У супастаўленні з паняццем сэнсавога канона прапанаваны тэрмін (канструктыўны канон. – Ж. Н.-К.) мае тую перавагу, што ў ім можа быць узятая пад увагу не толькі аспект “сэнсу” як частка роднасных літаратуры практычных ведаў, але таксама даследчыцкая дзейнасць літаратуразнаўцы іншага кшталту, напрыклад класіфікацыя тэкстаў, да таго ж пры гэтым можа набываць асаблівае значэнне так званыя эпістэمالагічныя профілі пэўнай эпохі» [15, S. 28]. Пад эпістэمالагічным профілем французскі сацыёлаг П. Бурдзье разумеў тых культурных або грамадскіх дзеячаў, якія спрычыніліся асаблівым чынам да пэўнай актыўнасці ў полі літаратуры [27, р. 372], пры гэтым неабавязкова павінен мець на ўвазе ўласна літаратар. Так, эпістэمالагічным профілем эпохі Барока ў маштабах усходнеславянскага пісьменства XVII ст. можа быць прызнаны Кіеўскі мітрапаліт Пётр Магіла. Паказальная ў гэтым сэнсе назва двухтомнай кнігі выдатнага рускага гісторыка царквы Сцяпана Голубева «Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники» (т. 1 – 1883, т. 2 – 1898). Сапраўды, гэта асоба непазбежна выступае як ключавая постаць не толькі для высвятлення фактаў рэлігійнага жыцця першай паловы XVII ст., але і ў межах вывучэння творчасці такіх пісьменнікаў, як Мялецій Смятрыцкі, Іосіф Вельямін Руцкі, Афанасій Філіповіч, Кірыл Транквіліён-Стаўравецкі, Антоній Радзівілоўскі;

3) у працэсе вывучэння помнікаў даўняга пісьменства Беларусі прыняць пад увагу задачу вылучэння эпістэمالагічных профіляў розных літаратурна-мастацкіх эпох у гісторыі беларускай літаратуры.

Рабочая гіпотэза: *Кірыл Тураўскі* – эпістэمالагічны профіль эпохі Сярэднявечча; *Францыск Скарына* і валадары-мецэнаты (*кароль Жыгімонт I і каралева Бона*) – эпістэمالагічныя профілі культурна-мастацкай эпохі Адраджэння; *Сымон Будны*, а таксама *Мікалай Радзівіл Чорны* і *Мікалай Радзівіл Руды* – эпістэمالагічныя профілі канфесійнай эпохі Рэфармацыі; *Мялецій Смятрыцкі* і *Сімяон Полацкі* – эпістэمالагічны профіль эпохі Барока; *Францішка Уршўля Радзівіл* – эпістэمالагічны профіль перыяду позняга Барока; *Іахім Літавор Храптовіч* і *Іаіль Быкоўскі* – эпістэمالагічныя профілі эпохі Асветніцтва.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Guillory J. Cultural Capital. The Problems of Literary Canon Formation. Chicago ; London : Univ. of Chic. Press, 1993.
2. Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе // Новое лит. обозрение. 2001. № 51. С. 2–13.
3. Malygin E. Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre. Zur Bildung eines literarischen Kanons. Bamberg : Univ. of Bamb. Press, 2012.
4. Адамовіч Г. Славянскі свет як цэнтр літаратурнага канона // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка : дакл. беларус. дэлегацыі на XIII Міжнар. з'ездзе славістаў (Любляна, 2003) / адк. рэд. А. А. Лукашанец. Мінск, 2003. С. 229–245.
5. Winko S. Kanon literarischer // Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe / Hrsg. A. Nünning. Stuttgart ; Weimar, 2009. S. 344–345.

6. Heydebrand R. von. Kanon – Macht – Kultur. Versuch einer Zusammenfassung // *Kanon – Macht – Kultur. Theoretische, historische und soziale Aspekte ästhetischer Kanonbildungen*. Stuttgart ; Weimar, 1998. S. 612–625.
7. Bernsmeier H. Kanonisierungseffekte, Klassikerlektüren, schriftliche Abiturprüfungen // *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion*. Frankfurt am Main, 2014. S. 129–144.
8. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // *Иностр. лит.* 1998. № 12. С. 214–222.
9. Лотман Ю. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // *Избр. ст. : в 3 т.* Таллин, 1992. Т. 1. С. 203–216.
10. Кислялёва Л. Белоруская літаратура XVIII–XIX стст.: тэарэтыка-камунікатыўныя аспекты даследавання // *Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Белдзяржуніверсітэта*. Мінск, 2008. Вып. 2. С. 66–81.
11. Bourdieu P. Das literarische Feld. Die drei Vorgehensweisen // *Streifzüge durch das literarische Feld*. Konstanz / Hrsg. L. Pinto, F. Schultheis. 1997. S. 33–147.
12. Белоруская літаратура: V–XI класы : вучэб. праграма для ўстаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання. Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2012.
13. Кавалёў С. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнэсансу : манаграфія. Мінск : Кнігазбор, 2010.
14. Навумовіч У. Белоруская літаратура. Мінск : Выш. шк., 2007.
15. Stuck E. Kanon und Literaturstudium. Theoretische, historische und empirische Untersuchungen zum akademischen Umgang mit Lektüre-Empfehlungen. Paderborn : Mentis, 2004.
16. Hermann L. Kanon und Gegenwart. Theorie und Praxis des literarischen Kanons im Zeichen von Historizität, Dynamik und Pluralität // *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion*. Frankfurt am Main, 2014. S. 15–32.
17. Кароткі В. Г. Эпохі і стылі ў старажытных усходнеславянскіх літаратурах (дыскусійныя праблемы літаратуразнаўчай тэрміналогіі) // *Белоруская літаратура і гісторыя*. Мінск, 2013. С. 7–21.
18. Мальдзіс А. І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. Літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII–XVIII ст.). Мінск : Навука і тэхніка, 1980.
19. Анталогія беларускай паэзіі : у 3 т. Мінск : Маст. літ., 1993. Т. 1.
20. Barthes R. De l'œuvre au Texte // *Euvres complètes*. T. III. 1968–1971 / nouv. ed. rev., corrigée et présentée per É. Marty. [Paris], 2002. P. 900–916.
21. Мальдзіс А. І. Літаратура позняга барока // *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т.* Мінск, 2006. Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя. С. 824–855.
22. Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літаратуры. 2-е выд., папраўл. Вільня : Друк. Вілен. выд-ва Б. Клецкіна, 1921.
23. Ахрыменка П., Ларчанка М. Старажытная беларуская літаратура. Мінск : Выш. шк., 1968.
24. McMillin A. Die Literatur der Weißrussen: a history of Byelorussian literature from its origins to the present day. Giessen : Wilhelm Schmitz Verl., 1977.
25. Мальдзіс А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мінск : Маст. літ., 2001.
26. Schindler A. Was man gelesen haben muss – und was gelesen wird. Mittelhochdeutsche Literatur gestern und heute // *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion*. Frankfurt am Main, 2014. S. 207–228.
27. Bourdieu P. Systèmes d'enseignement et systèmes de pensée // *Rev. Int. Sci. Soc.* 1967. № 19. P. 367–388.

References

1. Guillory J. Cultural Capital. The Problems of Literary Canon Formation. Chicago ; London : Univ. of Chic. Press, 1993.
2. Loskutova M. [National literary canon in secondary school]. In: *Nov. lit. obozr.* [New lit. rev.]. 2001. No. 51. P. 2–13 (in Russ.).
3. Malygin E. [Literature as a subject in the Soviet school of the 1920s and 1930s. To form of the literary canon]. Bamberg : Univ. of Bamb. Press, 2012 (in Ger.).
4. Adamovich G. [Slavic world as the center of the literary canon]. In: *Movaznavstva. Litaratura. Kul'turalogija. Fal'klarystyka* [Linguistics. Literature. Culturology. Folclore] : rep. of the Belarus. deleg. at the XIII Int. Slav. Congr. (Ljubljana, 2003). Minsk, 2003. P. 229–245 (in Belarus.).
5. Winko S. [Canon literary]. In: *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe* [Metzler lexicon literary and cultural theory. Approaches – personalities – basic terms]. Stuttgart ; Weimar, 2009. P. 344–345 (in Ger.).
6. Heydebrand R. von. [Canon – authority – culture. Try of the summary]. In: *Kanon – Macht – Kultur. Theoretische, historische und soziale Aspekte ästhetischer Kanonbildungen* [Canon – authority – culture. Theoretical, historical and social aspects canon formation]. Stuttgart ; Weimar, 1998. P. 612–625 (in Ger.).
7. Bernsmeier H. [Effects of the canonization, classics reading, written exams]. In: *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion* [Canon and literary history. Facets of a discussion]. Frankfurt am Main, 2014. P. 129–144 (in Ger.).
8. Jampolskii M. [The literary canon and the theory of a strong author]. *Inostr. lit.* [Foreign lit.]. 1998. No. 12. P. 214–222 (in Russ.).
9. Lotman Y. [On the content and structure of the «fiction» concept]. In: *Izbr. stat'i* [Sel. articles] : in 3 vols. Tallinn, 1992. Vol. 1. P. 203–216 (in Russ.).
10. Kisjalova L. [Belarusian literature of the XVIII–XIX centuries: theoretical and communicative aspects of the study]. In: *Pracy kafedry histaryi belaruskaj litaratury Beldzharzhunivertsyteta* [Proceeding of the department of history of Belarusian literature of BSU]. Minsk, 2008. Issue 2. P. 66–81 (in Belarus.).
11. Bourdieu P. Das literarische Feld. Die drei Vorgehensweisen In: Pinto L., Schultheis F. (eds). *Streifzüge durch das literarische Feld* [Forays through the literary field]. Konstanz, 1997. P. 33–147 (in Ger.).
12. [Belarusian Literature: 5–11 classes] : curric. for inst. of gen. second. educ. with Belarus. and Russ. lang. Minsk : Nacyjanal'ny instytut adukacyi, 2012 (in Belarus.).
13. Kavaljow S. [Multilingual Renaissance-poetry of the Grand Duchy of Lithuanian] : monograph. Minsk : Knigazbor, 2010 (in Belarus.).
14. Navumovich U. [Belarusian literature]. Minsk : Vyshhejschaja shk., 2007 (in Belarus.).
15. Stuck E. [Canon and literature studies. Theoretical, historical and empirical studies on the academic handling of reading recommendations]. Paderborn : Mentis, 2004 (in Ger.).

16. Hermann L. [Canon and present. Theory and practice of literary canon in terms of historicity, dynamics and plurality]. In: *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion* [Canon and literary history. Facets of a discussion]. Frankfurt am Main, 2014. P. 15–32 (in Ger.).
17. Karotki U. G. [Epochs and styles in ancient East Slavic literatures (discussion problems of literary terminology)]. In: *Belaruskaja litaratura i gistoryja* [Belarusian literary and history]. Minsk, 2013. P. 7–21 (in Belarus.).
18. Mal'dzis A. I. [At the crossroads of Slavic traditions: the literature of Belarus in the transitional period (the second half of the XVII–XVIII century)]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1980 (in Belarus.).
19. Antalogija belaruskaj paezii [Antology of Belarusian poetry] : in 3 vols. Minsk : Mastackaja litaratura, 1993. Vol. 1 (in Belarus.).
20. Barthes R. [From the work to the text]. In: *Euvres completes* [Complete works]. Vol. III. 1968–1971. [Paris], 2002. P. 900–916 (in Fr.).
21. Maldzis A. J. [Literature of the late Baroque]. In : *Gistoryja belaruskaj litaratury XI–XIX stagoddzjaw* [History of the Belarusian literature of the XI–XIX centuries] : in 2 vols. Minsk, 2006. Vol. 1 : [Ancient literature: XI – the first of a half of the XVIII century]. P. 824–855 (in Belarus.).
22. Garecki M. [History of Belarusian literature]. 2nd ed., emended. Vil'nja : Drukarnja Vilenskaga vydavectva B. Kleckina, 1921 (in Belarus.).
23. Akhrymenka P., Larchanka M. [Ancient Belarusian Literature]. Minsk : Vyshhejschaja shk., 1968 (in Belarus.).
24. McMillin A. Die Literatur der Weißrussen: a history of Byelorussian literature from its origins to the present day. Giessen : Wilhelm Schmitz Verl., 1977 (in Ger.).
25. Mal'dzis A. [How our ancestors lived in the XVIII century]. Minsk : Mastackaja litaratura, 2001 (in Belarus.).
26. Schindler A. [What you must have read – and what is read. Middle Hight German literature yesterday and today]. In: *Kanon und Literaturgeschichte. Facetten einer Diskussion* [Canon and literary history. Facets of a discussion]. Frankfurt am Main, 2014. P. 207–228 (in Ger.).
27. Bourdieu P. [Teaching systems and thought systems]. In: *Rev. Int. Sci. Soc.* 1967. No. 19. P. 367–388 (in Fr.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 01.11.2017.
Received by editorial board 01.11.2017.

УДК 82-091

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИРИКИ У. Б. ЙЕЙТСА

М. Ю. ШОДА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В мифопоэтическом аспекте анализируется ранний период творчества ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса. Рассматриваются предпосылки обращения поэта к кельтской мифологии и фольклору. Исследуются специфические черты формирования художественной системы У. Б. Йейтса, определяются механизмы художественной мифологизации и роль мифа как устойчивого художественного элемента, способа концептуализации окружающей действительности. Анализируется топоним Святой земли Ирландии, который появляется в трех ранних сборниках поэта и становится ключевым для создания и осмысления «собственной мифологии» У. Б. Йейтса.

Ключевые слова: культурная традиция; символизм; топоним; миф; мифопоэтика; мифотворчество.

МІФАПАЭТЫЧНЫЯ АСНОВЫ ЛІРЫКІ У. Б. ЕЙТСА

М. Ю. ШОДА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У міфапаэтычным аспекце аналізуецца ранні перыяд творчасці ірландскага паэта Уільяма Батлера Ейтса. Разглядаюцца перадумовы звароту паэта да кельцкай міфалогіі і фальклору. Даследуюцца спецыфічныя рысы фарміравання мастацкай сістэмы У. Б. Ейтса, вызначаюцца механізмы мастацкай міфалагізацыі і роля мифа як сталага мастацкага элемента, спосабу канцэптуалізацыі навакольнай рэчаіснасці. Аналізуецца топонім Святой зямлі Ірландыі, які паўстае ў трох ранніх зборніках паэта і з'яўляецца ключавым для стварэння і асэнсавання «ўласнай міфалогіі» У. Б. Ейтса.

Ключавыя словы: культурная традыцыя; сімвалізм; топонім; миф; міфапаэтыка; мифатворчасць.

MYTHOPOETICAL BASIS OF THE POETRY OF W. B. YEATS

M. J. SHODA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The early works of Irish poet William Butler Yeats are analysed in the article in the mythopoetic aspect. Prerequisites of the poet's recourse to the Celtic mythology are considered and the specific features of the formation of his artistic system are characterized. In the article the ways of author's mythologization and the meaning of the myth as a stable artistic element and a method of the conceptualization of the reality are defined. The toponym of the Holy Land of Ireland is

Образец цитирования:

Шода М. Ю. Міфапаэтычныя асновы лірыкі У. Б. Ейтса // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 1. С. 14–20.

For citation:

Shoda M. J. Mythopoetical basis of the poetry of W. B. Yeats. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 14–20 (in Belarus.).

Автор:

Марына Юльяновна Шода – старшій прафесар кафедры культуралогіі факультэта сацыякультурных камунікацый.

Author:

Maryna J. Shoda, senior lecturer at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. marshoda@gmail.com

analysed, which appears in three early collections and which is the main topos for creating and comprehension of William Butler Yeats' «own mythology».

Key words: cultural tradition; symbolism; topos; myth; mythopoetics; myth-making.

На мяжы XVIII–XIX стст. дзякуючы прадстаўнікам рамантызму адбываюцца актуалізацыя ролі міфа і інтэнсіўнае развіццё міфалагізацыі ў літаратуры. У адрозненне ад рэалістаў, якія негатыўна ставіліся да міфа з прычыны яго відавочнай, на іх погляд, «некарыснасці» для літаратурнай творчасці, рамантыкі, у першую чаргу нямецкія, бачылі ў ім узор ідэальнага мастацтва. Яны ставілі перад сабой задачу стварэння новай міфалогіі. Іх ідэя заключалася ў наступным: антычная паэзія, якой так захапляліся тэарэтыкі рамантызму, засноўвалася на развітой міфалагічнай сістэме, адпаведна, новаму мастацтву патрэбная новая міфалогія. Упершыню гэту неабходнасць сфармуляваў Ф. Шлегель: «Новая міфалогія мусіла быць выпрацавана з самой глыбіні нашага духу: яна... павінна абдымаць усе іншыя мастацкія творы, павінна быць рэчышчам і судзінай для старой, вечнай і першабытнай крыніцы паэзіі і сама павінна быць паэтычным творам»¹ [1, с. 162]. Гаворка ішла, па сутнасці, пра стварэнне нейкай азбукі сімвалаў рамантычнага мастацтва, якое абавязалася на абсалютныя духоўныя катэгорыі. Гэта міфалогія павінна была, з аднаго боку, грунтавацца на бязмежнасці чалавечай фантазіі, з іншага – на сучаснай філасофіі і ўсім досведзе мастацкага развіцця чалавецтва. Такім чынам, яна першапачаткова не выключала свядомага стаўлення мастака да матэрыялу і, у адрозненне ад старажытнай міфалогіі, прадугледжвала сумысленую ідэйную ўстаноўку творцы. «Новая міфалогія» была паклікана перакласці філасофскія веды на мову паэтычнай інтуіцыі, выразіць паняццевыя катэгорыі з дапамогай шматзначных і пачуццёва-пластычных сімвалаў. Гэта яшчэ не была цэласна распрацаваная канцэпцыя, але дакладна можна сказаць, што міф, які стваралі рамантыкі, адначасова ўспрымаўся і як спецыфічная форма мастацкага мыслення, і як мадэль эстэтычнага перастварэння свету.

Такім чынам, міф у пачатку XIX ст. перажывае спраўдную рэабілітацыю. Паслядоўнікі рамантызму атрымалі права казаць, што сучасныя культуры роўныя старажытным, а часам і пераўзыходзяць іх. Міф разглядаўся не проста як іншасказанне або алегорыя, а як ісціна, у якой канцэнтруецца рэальнасць, прысутнічае і праяўляе сябе глыбінная сутнасць свету.

На мяжы XIX–XX стст. стала відавочнай неабходнасць абнаўлення мастацкай міфалогічнай прасторы, але гэта іншая ідэя, народжаная дэкадансам. Для мастацкай свядомасці той эпохі міф, які перадае ўспрыманне свету ў цэласнасці, аднасці чалавека і прыроды, дазваляе структураваць стыхію, жыццёвы хаос. Ён пачынае выкарыстоўвацца з мэтай мадэлявання паэтычнага сусвету.

З канца XIX ст. у сусветнай культуры пачынае генэравацца феномен міфалагізацыі (першапачатковы этап міфатворчасці), звязаны з агульнай сутнасцю мадэрнісцкіх эксперыментаў, характэрных для таго часу, з пошукам новых мастацкіх форм. Міф дае ўніверсальную паэтычную мову для апісання вечных калізій паміж людзьмі, выступае як метатэкст у дачыненні да любога тэксту, у якім прысутнічаюць элементы міфа. Але выкарыстанне міфалагічных матываў і вобразаў у якасці элементаў сюжэта або спосабаў арганізацыі апавядання яшчэ нельга назваць міфатворчасцю. Ад традыцыйнага выкарыстання міфалагічных сюжэтаў і алузій міфалагізацыя пераходзіць у міфатворчасць праз адмаўленне ад лінейна-гістарычнага існавання да стварэння аўтарскага міфалагічнага комплексу, «уласнай міфалогіі», што можна назіраць у сталы перыяд творчасці Уільяма Батлера Ейтса (*William Butler Yeats*, 1865–1939), аўтара, асобныя аспекты творчасці якога даследуюцца ў дадзенай рабоце. Менавіта на У. Б. Ейтса як на першага англамоўнага аўтара, які ўсвядоміў неабходнасць міфалагічнага метаду, спасылалася Т. С. Эліят, сцвярджаючы, што «міфалагічны метада дазваляе ўзяць пад кантроль, упарадкаваць, надаць форму і сэнс неабсяжнай панараме пустэчы і анархіі, якой ёсць сучасная гісторыя» [2].

Першы імпульс новай міфатворчасці ў еўрапейскай культуры далі сімвалісты. Яшчэ ў канцы XIX ст., разважаючы пра прыроду сімвалізму як самай значнай з'явы новага мастацтва, Ейтс звяртаў увагу на яго тэндэнцыю да міфалагізму як надзейнага сродку вярнуць паэзіі ўяўленне і ўласнай творчасцю стымуляваў далейшае развіццё мастацтва ў гэтым кірунку.

Сімвалісты, абавязваючыся на эстэтыку рамантызму, узвялі ірацыянальны пачатак мастацкай творчасці ў ранг закону. Французскія паэты выбудоўвалі сімвал на сугуччы і ўзаемапранікненні сэнсавых адценняў, стваралі няясныя адчуванні ў «музыцы слоў». Яны будавалі сімвал, размываючы межы звычайнага вобраза. Па словах А. Ф. Лосева, той сімвал, які стваралі сімвалісты, з'яўляецца, калі ідэйная вобразнасць пэўнай рэчы выступае як «прыныцп стварэння нейкай рэчаіснасці, якая дадзена не наўпрост і непасрэдна, а толькі імпліцытна, стварае вялікую сэнсавую перспектыву» [3, с. 139]. Сімвалісты былі вельмі блізкія да міфатворчасці, бо ў міфе, як і ў сімвале, таксама праяўляецца бясконцасць сэнсавай перспектывы, але з тым істотным адрозненнем, што ў міфе прысутнічае субстанцыя-

¹ Тут і далей, калі не пазначана іншае, пераклад наш. – М. Ш.

нальная тоеснась сэнсу рэчы і самой рэчы. Адпаведна, сімвал не ёсць міф, але «міф, мадэль бясконца і несмяротных стварэнняў, найбольш лёгка паддаецца сімвалічнай апрацоўцы» [3, с. 145].

Сімвал і алегорыя ўяўляліся сродкамі канкрэтна-вобразнай перадачы няўлоўных знакаў універсуму, дзякуючы якім «бачнасць канечнага паўсюль яднаецца з ісцінай вечнага і тым самым распускаецца ў ёй» [1, с. 428–429]. Сімвал выступаў пачуццёвым выражэннем ідэі, алегорыяй бясконцасці, праяўленнем яго ў канечным. На думку тэарэтыкаў, паэт павінен ператвараць свой досвед у абагульненыя вобразы.

Тут пралягае розніца паміж рамантыкамі і сімвалістамі. У рамантыкаў аб'ектыўны свет – гэта звязны тэкст, у які трэба толькі ўчытацца і растлумачыць яго глыбінны змест. У сімвалістаў прадметныя формы – гэта толькі «слоўнік», на аснове якога належыць пабудаваць тэкст. Значыць, творца нанова фармуе тое, што бачыць, стварае новую рэальнасць з вобразаў, якія захоўвае памяць. Таму мастацтва для сімвалістаў – стварэнне сугестыўнай магіі, якая мае ў сабе адначасова суб'ект і аб'ект, вонкавы і ўнутраны свет мастака. Мастак убірае ў сябе знешнія ўражанні, напаўняе імі рэзервуар уласнай свядомасці, дзе яны атрымліваюць новае жыццё, незалежнае ад аб'ектыўнага існавання.

Так і паэт пераўвасабляецца ў носьбіта міфалагічнага сюжэта: ён, спалучаючы свядомыя намеры і несвядомыя структуры, стварае міф, які адпавядае сваёй эпосе, – міфапаэзію. Калі мы дазнаемся «код свайго часу», пра які казаў Карл Ясперс [4], каб расшыфраваць міфалагічныя тэксты, што знаходзяцца пад паверхняй, то абавязкова зразумеем усё, што спрабуюць нам сказаць творцы.

Такім чынам, актывізацыя механізмаў мастацкай міфалагізацыі на мяжы XIX–XX стст. адпавядала сутнасці мадэрнісцкіх эксперыментаў, пошуку новых мастацкіх форм і стварэнню новай сэнсасферы. Міф у мадэрнісцкай культуры робіцца сталым мастацкім элементам, спосабам канцэптуалізацыі навакольнай рэчаіснасці і чалавечай сутнасці, свядома сканструяванай сімвалічнай мадэллю свету, структурнай асновай мастацкага твора і метамавай літаратуры, з дапамогай якой пісьменнік намагаецца растлумачыць сучаснасць.

Міфалагізацыя ранняй паэзіі, стварэнне ўласнай міфапаэтычнай мадэлі свету і містыка-філасофскай сістэмы, пераўвасабленне ў міфалагемы і сімвалы людзей і падзей уласнага жыцця – этапы, якія вызначаюць станаўленне і развіццё паэтыкі У. Б. Ейтса. Даследаванне спецыфікі функцыянавання міфафальклорнай традыцыі ў творах ірландскага паэта прыводзіць да высновы пра наяўнасць «міфапаэтычных канстант», якія выконваюць у яго паэтыцы светастваральную, структурную і стылістычную функцыі. Як даводзяць шматлікія даследаванні, у свядомасці сучаснага чалавека безумоўна прысутнічае міфалагізуючы пачатак, які актуалізуецца пад уздзеяннем мастацкага слова, узброенага падобнымі канстантамі. Міфалагічныя матывы і імёны ў ранніх тэкстах Ейтса адыгрываюць ролю свайго роду гексаметра, крытэрыю ісціны наступных тэкстаў аўтара, яны канвенцыялізуюць камунікацыю, задаюць знакавыя каардынаты будучага дыялогу паміж сучаснай міфалогіяй паэта і яе патэнцыйнымі адэптамі.

Міф выступае ў творчасці Ейтса ў розных формах, у першую чаргу як арсенал паэтычнай вобразнасці і невычэрпная крыніца сюжэтаў. Ірландыя – «краіна, дзе на душу насельніцтва прыходзіцца больш казак і легенд, чым дзе б там ні было ў Заходняй Еўропе» [5, с. 5], у якой захавалася багатая фальклорная традыцыя, што абапіралася на кельцкую міфалогію, якая па сваёй манументальнасці магла параўнацца з класічнай старажытнагрэчаскай. Чалавеку, які нарадзіўся ў графстве Голуэй, дзе, па словах фалькларыстаў, «больш добрых казачнікаў, чым на ўсім кантыненце» [5, с. 5], падавалася натуральным напоўніць свет сваіх твораў вобразамі чарадзейных легенд, якія ён чуў у дзяцінстве. Адмовіўшыся ад традыцыйнай для еўрапейскіх пісьменнікаў міфалагічнай апоры на старажытнагрэчаскую міфалогію, Ейтс, зыходзячы не толькі з літаратурных, але і з нацыянальных меркаванняў, звярнуўся да міфалогіі кельтаў. Некаторыя крытыкі лічаць, што праз нявыпытнасць паэт мог моцна памыліцца з-за гэтага «“ерэтычнага” адхілення» ад традыцыі і пахвальная сімпатыя да нацыянальнага мастацтва замкнула б шматабяцальнага творцу ў вузкіх нацыянальных рамках. Падобную выснову можна зрабіць, напрыклад, са слоў Т. Р. Хенна, які сцвярджаў, што ў выпадку, «калі мяняецца культурны фон, непазбежныя страты сэнсаў, запавольваецца жывасць рэакцыі чытача на літаратурны твор і, каб аўтар не падмануўся ў сваёй працы, варта з разумнай мерай падыходзіць да выкарыстання ў сваёй працы разнастайных культурных алюзій» [6, с. 127]. Але Ейтс не збянтэжыў той факт, што зварот да малавядомай у Еўропе культурнай традыцыі – хутчэй перашкода, чым дапамога для паэта-пачаткоўца. Выбар кельцкіх міфаў па вялікім рахунку быў матываваны жаданнем зрабіць для сваёй краіны тое, што Гамер зрабіў для Грэцыі, або, у крайнім выпадку, працягнуць і ўнесці на больш высокі ўзровень тое, што зрабілі для Ірландыі яго папярэднікі: Дж. Мэнган, С. Фергюсан, Т. Дэвіс, С. О'Грэйдзі.

У маладыя гады Ейтс прайшоў шлях ад збору матэрыялаў кельцкай міфалогіі да стварэння з іх аправы для ўласнай паэтычнай выразнасці. Ён быў добра знаёмы з корпусам кельцкіх легенд, але сярод крыніц, якімі карыстаўся, аддаваў перавагу ўласным кантактам з народнай творчасцю. І хаця, па

меркаванні Ейтса, літаратура – дзіця жыццёвага досведу, а не эрудыцыі, крыніцай першых тэкстаў паэта быў не яго ўласны досвед, а вопыт, назапашаны народам за доўгі час існавання кельцкай міфалогіі і ірландскага фальклору, які вырас на яе глебе. Кантактуючы з носьбітамі старадаўняй традыцыі, паэт сутыкаўся з такімі фальклорнымі і этнічна самабытнымі пластамі свядомасці, у якіх яшчэ былі жывыя элементы міфалагічнага светаўспрымання. У дзяцінстве ён лічыў пачутыя легенды доказам існавання звышнатуральнага свету. І пазней, захапіўшыся акультызмам, Ейтс ацаніў дзіцячыя ўражання як першае сутыкненне з гэтым светам. Пазней у зборніку пад назвай «Міфалогіі» (*Mythologies*, 1902) ён аб'яднаў свае раннія фальклорныя працы, стылізацыі пад назвай «Гісторыі пра Рудога Ханраана» і некалькі акультных сачыненняў, каб падкрэсліць падабенства светаўспрымання філосафаў, якія шукаюць таямніцу, і сялян, якія мірна жывуць побач з таямніцай.

Міфалагічныя і фальклорныя вобразы складаюць сюжэтную канву першых зборнікаў У. Б. Ейтса: ад «Скрыжаванняў» (*Crossways*, 1889) да «Ветру ў трыснягу» (*The Wind Among the Reeds*, 1899). Вершы гэтага перыяду выбудаваны адпаведна аўтарскай логіцы і не ствараюць лішніх, не прадугледжаных аўтарам сэнсаў, якія, аднак, завуляваныя «туманна-жарснай» лексікай. Тэксты гэтых кніг можна ахарактарызаваць як паэтычны пераказ зместу зборніка казак «Кельцкае сутонне» (*The Celtic Twilight*, 1893) толькі з дапамогай спецыфічнага сімвалісцкага сугестыўнага словаўжывання, што размывае многія прамыя значэнні. Той жа эффект разувасаблення дасягаўся і з дапамогай ускладненага сінтаксісу, з якім пазней Ейтс актыўна змагаўся.

Выразная рыса гэтага перыяду творчасці паэта – крайняя ад'ектывізаванасць тэкстаў. Як правіла, яна дасягалася за кошт ужывання прыметнікаў, якія ствараюць суцёмкава-містычны настрой твораў. Напрыклад, найбольш часта выкарыстоўваюцца азначэнне *pale* (бледны) і шматлікія яго варыянты: *cloud-pale* 'воблачна-бледны', *death-pale* 'змярцвела-бледны', *pearl-pale* 'жамчужна-бледны' і г. д. Падобную атмасферу ствараюць прыметнікі *desolate* 'самотны', *glimmering* 'зіхоткі', *shadowy* 'цянiсты, прывідны', *dim* 'цям'яны, няясны', *dreaming* 'сонны, летуценны', *trembling* 'трапяткі', *piteous* 'жалосны' і іншая англамоўная лексіка з падобнай семантычнай афарбоўкай.

Яшчэ адна адметная лексічная рыса гэтага перыяду творчасці Ейтса – актыўнае выкарыстанне кельцкай анамастыкі: *The host is riding from Knocknarea / And over the grave of Clooth-na-Bare. / Caoilte tossing his burning hair; / And Niamh calling: Away, come away...* [7, р. 43] 'Войска скача над Нокнарэй / І над магілаю Клот-на-Бар. / Кайлце трасе сваімі вогненнымі валасамі, / І Ніам кліча: «Хутчэй, давай хутчэй...».

Усе тапонімы з тэкстаў паэта складаюцца ў карту, якая супадае з геаграфічнай, але гэта карта сакральнай зямлі, тым больш што ў першую чаргу Ейтса прыцягвалі мясціны, дзе, па сведчаннях мясцовых жыхароў, назіралася найбольшая актыўнасць праяў іншага свету. У імкненні яго вершаў да частотнага выкарыстання мясцовай тапанімікі бачыцца формаўтваральны элемент нацыянальнай ідэнтычнасці. Дзякуючы гэтаму, як піша, аналізуючы творчасць Ейтса з гледзішча посткаланіялізму, украінская даследчыца І. Сянчук, «вобразы Ірландыі вырастаюць да ўзроўню сімвала, набываюць функцыю мнеманічнага знака, што канцэнтруе памяць пра быццё грамадства. З пазіцыі посткаланіяльнай тэорыі візуалізацыя топасу з'яўляецца спробай літаратурнага знаходжання роднай зямлі» [8, с. 10].

Топас Святой зямлі Ірландыі (*The Holy Land of Ireland*) у творах Ейтса пабудаваны на сукупнасці вобразаў, якія выражаюць гераічныя і містычныя, арыстакратычныя і народныя ідэалы. Да Ейтса ў ірландскай літаратуры існавалі дзве традыцыі, два паралельныя літаратурныя міфы. У сярэдзіне XIX ст. паўстаў рух «Малая Ірландыя», мэтай якога было аднаўленне нацыянальных традыцый. Яго ідэолагамі былі паэт і публіцыст Т. Дэвіс, паэт Дж. Мэнган і вядомы гісторык С. Фергюсан, які імкнуўся вярнуць ірландскаму народу яго эпас і гераічную гісторыю. Актыўная грамадская дзейнасць адбілася на творчасці гэтых аўтараў, і Ірландыя ў іх творах выводзілася як зацятая бунтарка, а песні пра каханне, напісаныя ад імя якога-небудзь старадаўняга паэта, з'яўляліся пераважна сродкам выражэння палітычных жарсцяў, патрыятычным плачам пра лёс радзімы.

Найбольш яркі прадстаўнік другой традыцыі – паэт-рамантык Томас Мур, чые палітычныя перакананні былі значна больш лаяльнымі. У яго творах складаўся сентыментальны вобраз ««пейзанскай» Ірландыі», анекдатычна перабольшаны і адшліфаваны яго паслядоўнікамі. Ейтс неадназначна ставіўся да абедзвюх традыцый, але яму імпанавалі музычнасць вершаў Мура, запазычаная з ірландскіх народных песень, і спробы «маладаірландцаў» размаўляць з народам і ад імя народа. Гэтыя ўласцівасці ён імкнуўся надаць і ўласным творах.

У элегіі «Памяці У. Б. Ейтса» У. Х. Одэн пісаў: *Mad Ireland hurt you into poetry* 'Вар'ятка-Ірландыя заразіла цябе паэзіяй'. Гэты радок можна лічыць рэхам позняга верша «Шкадаванне аб рэзкіх выказваннях» (*Remorse for Intemperate Speech*), напісанага ў 1931 г.: *Out of Ireland have we come. / Great hatred, little room, / Maimed us at the start. / I carry from my mother's womb / A fanatic heart* [7, р. 216] 'Мы

ўсе родам з Ірландыі. / Вялікая нянавісьць, маленькі пакойчык, / Скалечылі нас ад самога пачатку. / І я ад матчынага ўлоння / Маю сэрца фанатыка’.

Старадаўні *genius loci* Ірландыі, яе харызма, чыё ўздзеянне на свядомасць чалавека пачынаецца з чароўнага свету дзіцячых уражанняў, стварае герояў і паэтаў, укладае ў іх душы фанатызм («шаленства», як сцвярджае англічанін Одэн). Але з такім жа перакананнем можна сцвярджаць, што і паэт стварае сваю краіну. Спачатку Ейтс у сваіх вершах насыляе яе героямі міфаў і фальклору, потым іх месца займаюць ідэалізаваныя вобразы рэальных людзей.

Тэкст, які канчаткова замацаваў у творчасці Ейтса топас Святой зямлі Ірландыі, – верш «Руды Ханраан пье пра Ірландыю» (*Red Hanrahan's Song about Ireland*), балада, якую С. Гілберт, каментуючы зборнік «Выбраныя вершы», называе «нацыяналісцкай малітвай». Апублікаваны ў 1904 г., упершыню гэты верш з’явіўся без назвы на дзесяць гадоў раней. Кэтлін, дачка Хоўліэна (*Kathleen-nu-Houlihan*), да якой тройчы звяртаецца лірычны герой, – адно з імёнаў, створаных ірландскімі паэтамі, каб апяваць сваю краіну ў часы, калі сапраўднае яе імя было пад забаронай. У вершы паўстаюць дзве Ірландыі: рэальная зямля, увасабленне гора і пакут, і краіна-симвал, персаніфікаваная ў вобразе чароўнай дзяўчыны, святой, суцяшальніцы і натхняльніцы.

У вершы «Закаханы апавядае пра ружу ў сваім сэрцы» (*The Lover Tells of the Rose in His Heart*), на першы погляд, гаворка ідзе пра нежаданне існаваць у рэальным свеце. Аўтар адмаўляецца ад сляпога наслідавання рэчаіснасці, узбагачаючы арыстоцэлеўскую ідэю мімесісу знаходкамі сімвалістаў, бо мастацтва не лустэрка, якое метадычна перадае падрабязнасці «аб’ектыўнай рэальнасці, дадзенай нам у адчуваннях». Як пісаў сам Ейтс у «Аўтабіяграфіі», «мастацтва таму і ёсць мастацтва, што яно не прырода» [9, р. 279]. Паміж творцам і сукупнасцю навакольных аб’ектаў паўстае важная для творчага працэсу інстанцыя – эстэтычны ідэал. Гэта своеасаблівая прызма, якая ператварае рэальнасць у мастацкі свет. Ружа – символ, які ў творчасці Ейтса мае шмат канатацый, ад традыцыйнай народнай да разэнкрэйцэраўскай, – у згаданым тэксце выкарыстоўваецца як дэкларацыя эстэтычнага ідэалу паэта. І відавочна, што тут ружа ў чарговы раз сімвалізуе Ірландыю, такую, якой паэт хацеў яе бачыць, абстрагуючыся ад непрыглядных рэалій, апісаных у тэксце. Яго не задавальняюць вобразы рэальнай краіны, навакольнага жыцця, нуднага, шэрага і «няправільнага», яны выклікаюць толькі смутак і тугу па прымроенай Ірландыі. І Ейтс абвешчае, што спрабуе сябе ў ролі дэміурга. Што гэта, як не спроба ўласнай касмагоніі, бо, калі свет не падабаецца паэту, ён можа ўнутры гэтага свету стварыць новую краіну – сваю Ірландыю: *Не выразіць гэту роспач, не выплакаць гора з бядой... / Я пераставу ўсё на нова, у велічы й пекнаце – / Зямлю, ваду і нябёсы шкатулкай зраблю залатой / Для мрояў пра мілы твой вобраз, што ў сэрцы ружай цвіце* (пер. А. Хадановіча) [10, с. 18].

Чэслаў Мілаш, расказваючы пра сваю практыку перакладу вершаў Ейтса, праводзіў паралель з самім сабой: «Ірландыя Ейтса падобная да маёй Літвы. Ён быў такім жа ірландцам, як Свіфт, як Оскар Уайльд і многія іншыя: пісаў па-англійску, і ў яго не было нават тых сувязей з кельцкім народам, якія дае ірландскі каталіцызм, бо ён – выхадзец з пратэстанцкай сям’і і сярод яго “духоўных продкаў” большасць былі пратэстантамі. Нягледзячы на гэта, ён лічыўся “сваім” паэтам у ірландскім руху за незалежнасць. Тут аналогіі заканчваюцца, таму што ніводзін з нас, выхадцаў з Літвы, якія пішуць па-польску, не будзе лічыцца ліцвінам» [11, с. 236]. Праблема «свайго» для ўсёй краіны паэта, якая вельмі востра адчувалася Ейтсам, першапачаткова была вырашана з дапамогай тэматычнай накіраванасці твораў, якая супадала з імкненнямі ірландскіх нацыяналістаў канца стагоддзя, накіраванымі на захаванне і аднаўленне корпуса кельцкіх міфаў.

Усведамляючы, што пераважная большасць яго чытачоў незнаёмая з ірландскім фальклорам, Ейтс суправаджаў свае раннія зборнікі вялізнымі каментарыямі, якія былі своеасаблівай «старадаўнасцю мясцін»¹, кароткім пераказам легенд і іх вольным тлумачэннем. Напрыклад, у каментарыях да зборніка «Вецер у трыснягу» ён падрабязна тлумачыў слова «сіды», бо на гэтых вобразах («багі старажытнай Ірландыі, Туата ды Данаан, або народ Чароўных пагоркаў») пабудаваны многія, у тым ліку ключавыя для зборніка вершы «Войска сідаў» (*The Hosting of Sidhe*), «Неўтаймавальнае племя» (*The Unappeasable Host*). Яны прыносяць з сабой у творы Ейтса вечны канфлікт, супрацьстаянне рэальнага і звышнатуральнага: *And if any gaze on our rushing band, / We come between him and the deed of his hand, / We come between him and hope of his heart* [7, р. 43] ‘І калі хто-небудзь угледзіцца ў наш імклівы натоўп, / Мы станем паміж ім і справай яго рукі, / Мы станем паміж ім і надзеяй яго сэрца’.

Ужо адзін з першых вершаў Ейтса – «Скрадзенае дзіця» (*The Stolen Child*), – апублікаваны ў 1889 г. у зборніку «Скрыжаванні», быў прадстаўлены паэтам як пераказ старой балады пра эльфаў-выкрадальнікаў, чутай у дзяцінстве ў Балісадары. Найважнейшая структурная характарыстыка ў гэтым

¹ *Dinshenchas* ‘старадаўнасць мясцін’, – у кельцкай фальклорнай традыцыі паданні, якія распаўсюджвалі пра тое, адкуль паходзяць назвы розных мясцін, і былі звязаны з рознымі міфалагічнымі падзеямі і героямі. У сучаснай ірландскай мове *dinnseanchas* мае значэнне ‘тапаграфія’.

тэкстце – уласцівы народнай традыцыі рэфрэн, які ў сталыя гады Ейтс называў сутнасцю баладнай паэзіі. Рэфрэн гэтага верша канцэнтруе настрой, наўпрост супрацьлеглы асноўнаму зместу тэксту – вясёлай песенькі фэйры (у англамоўнай традыцыі – чароўнага народа, які асацыіруецца з ірландскімі сідамі). Сюжэт пра выкраданне чалавечага дзіцяці істотамі з іншага свету дастаткова распаўсюджаны ў фальклоры і літаратуры розных краін, напрыклад у творы Гётэ «Лясны цар» (*Erl-König*). Але ў параўнанні з трагічным «Лясным царом», дзе барацьба бацькі з каралём эльфаў за душу дзіцяці ператвараецца ў барацьбу з самой смерцю, верш Ейтса вонкава не настолькі трагічны. Аднак метафара смерці, прыхаваная і няўлоўная, прысутнічае і тут. У трох строфах апісваецца, як фэйры зачароўваюць дзіця спевамі пра *кашы крадзеных чырвоных вішняў; даўнія танцы, поўныя дзіваў; плачы папараці над юным ручаём* (пер. А. Ф. Брыля) [10, с. 6–8], і рэфрэн з кожным разам гучыць усё больш трывожна. У апошняй страфе дзіця сыходзіць у Чароўную краіну, а яго выкрадальнікі пяюць аб простых зямных радасцях, якія ён страчвае. Свет смяротных мае сваю прыгажосць, і хто прыносіць яго ў ахвяру звышнатуральнаму ідэалу, часта ахвяруе значна большым, чым можа атрымаць, – гэта вечны канфлікт творчасці Ейтса. У 1888 г. у адным з лістоў паэт аналізаваў свае раннія працы: «Я адзначыў некаторыя моманты ў сваёй паэзіі, якіх не заўважаў раней... Амаль усе мае вершы – палёт з рэальнага свету ў Чароўную краіну або заклік да такога палёту. Хор са “Скрадзенага дзіцяці” падводзіць вынік – гэта паэзія нездзяйсняльнага імкнення і скрухі, крык сэрца супраць неабходнасці і непазбежнасці...» (цыт. паводле [12, р. 39]).

Вядома, што Ейтс не датаваў сваіх вершаў, а складаў зборнікі як лірычныя цыклы, якія патрабуюць цэласнага ўспрымання. Многія вобразы і тэмы лейтматывамі праходзяць праз усю яго творчасць. У зборніку «Ружа» (*The Rose*, 1893) водгукам на матыў скрадзенага дзіцяці ўспрымаецца верш «Той, хто мроіў пра Чароўную краіну» (*The Man who Dreamed of Faeryland*), горкая гісторыя чалавека, які не мог радавацца свайму маленькаму шчасцю, ведаючы пра ідэальную дасканаласць іншага свету. Кожная страфа апісвае асобныя эпізоды, калі лірычны герой, задаволены сабой і жыццём, раптам сустракае пасланцоў іншасвету. Тут, у адрозненне ад аналізаванага вышэй верша, у гэтай ролі выступаюць даволі непрывабныя суб'екты: рыбіны на прылаўку, чарвяк у калюжыне, драсэн, у рэшце рэшт, магільныя чарвякі – усе яны ведаюць пра існаванне дасканаласці свету. Так у творчасці Ейтса паралельна з топасам Святой зямлі Ірландыі з'яўляецца матыў пошуку шляхоў да дасканаласці, дасягнення Вечнасці. Аднак аўтар (і пакуты яго героя ўказваюць на гэта наўпрост) пакуль не ведае такога шляху, хоць чуе яе кліч паўсюль, і рэальная вясковая Ірландыя (фармальна прастора ў тэкстце абмежавана чатырма рэальнымі вёскамі) межавала з чароўным светам, няўлоўна з ім перасякаючыся.

Яшчэ адно запрашэнне ў Чароўную краіну кельцкіх легенд – верш «Хто з Фэргусам?» (*Who with Fergus?*). Тут паэт фактычна бярэ на сябе функцыі сідаў і вабіць маладых людзей абяцаннем вечнай маладосці і радасці. Ён грае ролю пасрэдніка паміж светам смертных і трансцэндэнтным, аддаючы свой голас апошняму. І гэты голас здабывае незвычайную музычнасць, ачароўвае, як кліч Чароўнай краіны.

Who will go drive with Fergus now,
And pierce the deep wood's woven shade,
And dance upon the level shore?
Young man, lift up your russet brow,
And lift your tender eyelids, maid,
And brood on hopes and fear no more.

And no more turn aside and brood
Upon love's bitter mystery;
For Fergus rules the brazen cars,
And rules the shadows of the wood,
And the white breast of the dim sea
And all dishevelled wandering stars [7, p. 34].

Хто з Фэргусам – і наўгалопа
Праз цені лесу ўсё хутчэй,
І ў скокі ля самой вады.
Юнак, навошта хмурыш лоб?
Дзяўчына, не хавай вачэй,
Забудзь пра страхі назаўжды!

Расхмар чало, не думай дум,
Чаму так горкі сэрца жар,
Вось Фэргус гоніць свой рыдван...
Ён, ценяў лесу валадар,
Яднае акіянскі шум
І зор вандроўных акіян [10, с. 14].
(Пер. А. Хадановіча.)

Верш напісаны дастаткова рэдкай для англамоўнай паэзіі страфой – так званай малой сексцінай у форме чатырохстопнага ямба з рыфмоўкай *abcabc*. Такая ўскладнёная строфіка абвастрае і канцэнтруе ўвагу чытача, робячы больш значнымі словы, вынесеныя ў рыфму. Так, у апошніх радках у рыфму вынесены *wood/sea/stars* ('лес/мора/зоры'). Яны да бясконцасці пашыраюць прасторавыя рамкі свету, якім кіруе Фэргус, а па сутнасці саму Чароўную краіну.

Такім чынам, Ірландыя, якую стварае Ейтс у ранніх зборніках, – гэта шчаслівая краіна Ейрэ, якая хутчэй належыць іншаму свету, краіне чароўнага народа. І характэрны для рамантыкаў матыў двухсвецця ставіць лірычнага героя вершаў ірландскага паэта перад насамрэч экзістэнцыйным выбарам паміж тагасвеццем, эскапісцкім сыходам у ідэальнае, і рэальнасцю, якая патрабуе да сябе ўвагі, бо

надыходзіць час, калі прыўкраснадушныя размовы ў «кельцкім сутонні» ператвараюцца ў «жахлівую прыгажосць» Велікоднага паўстання 1916 г. і вайны за незалежнасць.

У 1914 г. Уільям Батлер Ейтс піша тэкст, які робіцца хрэстаматыйным, – «Плашч» (*The Coat*), якім заканчваецца зборнік «Адказнасць» (*Responsibilities*, 1914). Гэты тэкст выконвае функцыю своеасаблівага маніфеста новай эстэтыкі ў творчасці ірландскага паэта і вызначае стаўленне творцы да міфа на мяжы двух перыядаў яго творчасці:

I made my song a coat
covered with embroideries
Out of old mythologies
From heel to throat;
But the fools caught it,
Wore it in the world's eyes
As though they'd wrought it.
Song, let them take it,
For there's more enterprise
In walking naked [7, s.104].

Я вышыў песню-плашч,
Дзе кружаць міфы ў танцы,
Схаваўшы ў вышыванцы
Смех і плач.
Ды блазнаў панабегла,
Схапілі, хто паспеў,
І ў ім фарсяць нягегла.
Што зробіш? Дай дазвол ім:
Больш велічы, мой спеў, –
Застацца голым [10, с. 35].
(Пер. А. Хадановіча.)

Крытыкі тлумачаць міфалагізацыю ў ранняй творчасці Ейтса неабходнасцю мець звязную гісторыю, а разам з тым – непарыўную традыцыю, але адзначаюць, што гэта супярэчыць жорсткім фактам гісторыі. Сам паэт вельмі добра ўсведамляў гэта і ў прыведзеным вышэй вершы метафарычна адмаўляўся ад ранняй міфапаэтычнасці, вызначанай словамі і афарбаванай узорам з легенд і паданняў. Тым больш што ён атрымаў магчымасць зірнуць на сваю міфалагічную арнаментальнасць збоку, бо стыль яго ранніх твораў вельмі хутка падхапілі і пачалі імітаваць многія паэты. *Больш велічы, мой спеў, – застацца голым* – гэта не адыход ад міфалагізавання, а толькі адмова ад выкарыстання фальклорнага матэрыялу. Гэты верш падводзіць рысу пад адным перыядам творчасці і абвешчае пачатак другога, у якім Ейтс апынаецца перад праблемай міфалагізавання неміфалагічнага – рэальных падзей і асоб, – праблемай надання сучасным яму падзеям статусу міфа і такім чынам ад міфапаэтыкі пераходзіць да міфатворчасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1.
2. Элиот Т. С. Улисс: порядок и миф [Электронный ресурс]. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/1352807591813> (дата обращения: 13.04.2017).
3. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/355748-smisl-i-naznachenie-istorii-sbornik.html> (дата обращения: 10.04.2017).
5. Рйс А. Наследие кельтов: древняя традиция в Ирландии / пер. с англ. Т. А. Михайлова. М. : Энигма, 1999.
6. Henn T. R. The lonely tower: studies in the poetry of W. B. Yeats. London : Menthuen, 1965.
7. The Works of W. B. Yeats. London : Wordsworth Edition, 1994.
8. Сенчук І. А. Міфопоэтика Вільяма Б. Єйтса : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.04. Миколаїв, 2012.
9. Yeats W. B. Autobiographies. London : Macmillan, 1980.
10. Ейтс У. Б. Выбранные вершы : пер. з англ. Мінск : Зміцер Колас, 2017.
11. Miłosz Cz. Ogród nauk. Kraków : Znak, 1998.
12. Hoffman D. G. Barbarous Knowledge. Myth in the poetry of Yeats, Graves and Muir. New York : Oxf. Univ. Press, 1967.

References

1. Schlegel F. [Aesthetics. Philosophy. Critics] : in 2 vols. Moscow : Iskustvo, 1983. Vol. 1 (in Russ.).
2. Eliot T. S. [Ulysses: order and myth]. URL: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/1352807591813> (date of access: 13.04.2017) (in Russ.).
3. Losev A. F. [Sign. Symbol. Myth]. Moscow : Publ. house of the Mosc. Univ., 1982 (in Russ.).
4. Jaspers K. [The origin and goal of history]. URL: <http://e-libra.ru/read/355748-smisl-i-naznachenie-istorii-sbornik.html> (date of access: 10.04.2017) (in Russ.).
5. Rys A. [The Celtic heritage: ancient tradition in Ireland]. Moscow : Enigma, 1999 (in Russ.).
6. Henn T. R. The lonely tower: studies in the poetry of W. B. Yeats. London : Menthuen, 1965.
7. The Works of W. B. Yeats. London : Wordsworth Edition, 1994.
8. Senchuk I. A. [Mythopoetic by William B. Yeats] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.01.04. Mikolaiv, 2012 (in Ukrainian).
9. Yeats W. B. Autobiographies. London : Macmillan, 1980.
10. Yeats W. B. [Collected poems] : transl. from Engl. Minsk : Zmicer Kolas, 2017 (in Belarus.).
11. Miłosz Cz. [The Garden of science]. Kraków : Znak, 1998 (in Pol.).
12. Hoffman D. G. Barbarous Knowledge. Myth in the poetry of Yeats, Graves and Muir. New York : Oxf. Univ. Press, 1967.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 03.11.2017.
Received by editorial board 03.11.2017.

УДК 398.2(=113.1)

ИЗ МИФА В СКАЗКУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ СКАНДИНАВСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Н. Г. ШПАКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются скандинавские волшебные сказки с точки зрения связи фигурирующих в них сверхъестественных существ – великанов, троллей, карликов и эльфов – с аналогичными персонажами древнескандинавской мифологии. Дается характеристика перечисленным персонажам и определяются основные принципы их трансформации при переходе из мифологической парадигмы в сказочную. Обосновывается предположение о том, что трансформация связана в первую очередь с метафоризацией сверхъестественных персонажей, наделением их чертами, способствующими отражению в сказке социальных противоречий (богатые – бедные, нравственные – безнравственные), а также с нивелированием различий между классами волшебных существ.

Ключевые слова: скандинавские сказки; скандинавская мифология; «Старшая Эдда»; скандинавский фольклор; великан; тролль; карлик; гном; эльф.

З МІФА Ў КАЗКУ: ТРАНСФАРМАЦЫЯ ЗВЫШНАТУРАЛЬНЫХ ПЕРСАНАЖАЎ СКАНДЫНАЎСКАГА ФАЛЬКЛОРУ

Н. Г. ШПАКОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца скандынаўскія чароўныя казкі з пункта гледжання сувязі звышнатуральных істот, якія ў іх фігуруюць, – веліканаў, троляў, карлікаў, эльфаў – з адпаведнымі персанажамі старажытнаскандынаўскай міфалогіі. Даецца характарыстыка пералічаным персанажам і вызначаюцца асноўныя прынцыпы іх трансфармацыі пры пераходзе з міфалагічнай парадигмы ў казачную. Абгрунтоўваецца меркаванне аб тым, што трансфармацыя звязана ў першую чаргу з метафарызацыяй звышнатуральных персанажаў, надзяленнем іх рысамі, якія спрыяюць адлюстраванню ў казцы сацыяльных супярэчнасцей (багатыя – бедныя, маральныя – амаральныя), а таксама з нівеліраваннем адрозненняў паміж класамі чароўных істот.

Ключавыя словы: скандынаўскія казкі; скандынаўская міфалогія; «Старэйшая Эда»; скандынаўскі фальклор; велікан; троль; карлік; гном; эльф.

FROM MYTH TO TALE: A TRANSFORMATION OF THE SUPERNATURAL CHARACTERS IN THE SCANDINAVIAN FOLKLORE

N. G. SHPAKOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Scandinavian fairy tales are analyzed in this article in order to define a difference between how the supernatural characters (giants, trolls, elves and dwarfs) are described in the Scandinavian fairy tales and the Norse mythology. During the analysis, it is argued that a difference among various supernatural characters vanishes to large extent in fairy tales. It is

Образец цитирования:

Шпаковская Н. Г. Из мифа в сказку: трансформация сверхъестественных персонажей скандинавского фольклора // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 21–24.

For citation:

Shpakouskaya N. G. From myth to tale: a transformation of the supernatural characters in the scandinavian folklore. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 21–24 (in Russ.).

Автор:

Нина Геннадьевна Шпаковская – старший преподаватель кафедры германских языков факультета международных отношений.

Author:

Nina G. Shpakouskaya, senior lecturer at the department of Germanic languages, faculty of international relations. sagatiden@gmail.com

concluded that a transformation of the mythological creatures into the fairy ones is based primarily on extension of their connotation by adding a metaphorical meaning aimed at expression of social contradictions.

Key words: Scandinavian fairy tales; Scandinavian mythology; Poetic Edda; Scandinavian folklore; giant; troll; dwarf; elf.

Введение

Преимущество мифа и волшебной народной сказки отмечают многие исследователи. Так, Е. Мелетинский проводит подробный сравнительный анализ этих жанров, предлагая ряд их отличительных признаков и обращая внимание на то, что собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только на основе мифологических истоков [1, с. 292]. Исследователь В. Пропп обращал внимание на то, что сказки сохранили остатки некоторых древнейших языческих представлений [2, с. 8]. Связь сказок с обрядами инициации подчеркивал К. Г. Юнг [3], а А. Афанасьев утверждал, что сказка является прямым продолжением мифа и заимствует многие его характеристики [4].

В данной работе предпринята попытка конкретизации характерных для мифа и сказки черт в отношении скандинавских народных волшебных сказок. Цель статьи – проанализировать эти сказки с точки зрения роли фигурирующих в них волшебных существ – великанов, троллей, карликов и эльфов – и определить основные принципы трансформации данных персонажей в сравнении с аналогичными существами в скандинавской мифологии.

Основная часть

Во всех проанализированных скандинавских сказках (более 50) великаны выступают в роли антагонистов, представляющих опасность для обычных людей. Такая трактовка совпадает с восприятием этих персонажей в мифологии, где они символизировали первозданный хаос, неподконтрольную разрушительную мощь природы. В оппозиции «свое – чужое» великаны представляли чужаков, внешнюю угрозу. Мир их обитания назывался Утгард – то, что снаружи.

В сказках герои встречаются на своем пути великана преимущественно в поле или лесу, т. е. на окраине жилого пространства, за пределами деревни и цивилизации, в дикой природе. Подобная встреча не предвещает ничего хорошего. Обычно она становится отправной точкой приключений главного героя, который в большинстве случаев идет к великану на службу, затем хитростью спасается от него, завладевая при этом богатством хозяина.

Подобно мифам, сказки отражают связь великанов с горами и камнями. Часто эти персонажи живут именно в горах или камнях, а после смерти нередко сами превращаются в камни.

В сказках появляется мотив связи великанов с зажиточными землевладельцами. Как правило, в собственности великана находится лес или поле, у него большое приусадебное хозяйство, мешок сокровищ или ранее невиданные волшебные вещи. Таким образом, сказка, в отличие от мифа, отражает социальные противоречия, и антагонисты-великаны получают новую интерпретацию, представая в виде богачей-эксплуататоров. Такой вывод подкрепляется мнением Е. Мелетинского, который писал, что «срединная часть сказки связана с древнейшими мифологическими мотивами, а “обрамляющая” повествует о более поздних “семейных” конфликтах» [1, с. 239].

В большинстве случаев в скандинавских сказках определению «великан» синонимично понятие «троль», этим подчеркивается исполинский рост и неприглядный внешний вид персонажей: «Троль тот был огромный-преогромный» [5, с. 68]; «...страшен был тот человек. Рот – до ушей, а такого уродливого длинного носа Пер в жизни не видел» [5, с. 230].

В мифологии великаны воспринимались также как хранители мудрости, протонарод, непосредственно участвующий в космогоническом процессе, как «носители мифического прошлого» [1, с. 264]. Однако в сказках великаны утрачивают свою связь с данной трактовкой. Они всегда проигрывают хитроумным крестьянам.

Анализируя морфологию волшебной сказки, В. Пропп указывал на то, что, как правило, герою для достижения поставленной задачи нужны волшебные вещи, поэтому в ход действия сказки вводится такой персонаж, как даритель. Опираясь на материал русских волшебных сказок, В. Пропп пришел к выводу о том, что классическая форма дарителя – яга, и этот образ может быть выражен не только буквально (Баба-яга), но и просто как старушка, бабушка-задворенка, мачеха. Иногда в роли яги выступают животные (медведь) или старик [2, с. 146].

Для скандинавских сказок также характерно наличие дарителя. Его форма близка русским сказкам – чаще всего это старушка, нищенка, которая вполне может принадлежать к роду троллей или эльфов.

Древняя старушка учит героя уму-разуму в сказке «Бедняк и богач»; троль в образе доброй старушки зовет на помощь, а затем щедро благодарит героя в сказке «Кто нынче мал, тот завтра ве-

лик»; старушка превращает яблоки бедняка в плоды, исцеляющие любой недуг, в сказке «Волшебное дерево»; старушка в лохмотьях дает герою волшебные санки в сказке «Санний поезд». Зачастую такая встреча служит моральным испытанием для героя. В зависимости от верности его выбора он либо получает магическую помощь, либо теряет все, что у него было. В сказке «Счастье-удача» счастье притворяется старухой-нищенкой, чтобы узнать о характере человека; в сказке «Конек-колченог» уродливый старик-оборванец карает гордого принца.

Если В. Пропп приводит всех подобных персонажей к одной переменной в виде яги, то в отношении скандинавских сказок можно говорить о тролле как о подобном универсальном дарителе. Образ яги В. Пропп делит на три различных ипостаси: ягу-дарительницу, которая снабжает героя необходимыми ему волшебными вещами или советом; ягу-похитительницу, которая часто выкрадывает детей, чтобы зажарить их в печке; ягу-воительницу, которая нападает на героя [2, с. 146].

Интересно, что в скандинавских сказках эти аспекты так или иначе тоже присутствуют. В качестве похитителей и воителей выступают великаны. Сюжет многих сказок основывается именно на том, что великан заманивает к себе детей, чтобы съесть их, зажарив в печке. Далее герои благодаря смекалке одерживают верх над глупыми великанами. В некоторых случаях, как уже отмечалось выше, великаны называются также троллями.

В сказках старушки-дарительницы могут оказаться как троллями, так и эльфами. Таким образом, тролли получают положительную коннотацию. Эльфы, в свою очередь, непосредственно связаны с миром светлых альвов в древнескандинавской мифологии. Об альвах мало известно, они редко фигурируют в мифах, однако многие исследователи связывают их с культом предков. Категории дарительницы-феи, благосклонной тетушки-феи и подобные образы, возможно, восходят к вере в особый вид сверхъестественных существ – фюльгий, которые представляли собой духа-защитника материнского предка. В сказке «Три тетушки» подобные помощницы делают всю работу вместо принцессы, обеспечивая ей тем самым удачное замужество.

Иногда в качестве дарителя выступают дети-тролли, гномы-тролли или старики-гномы. Гномы, или карлики, в свою очередь, связаны с темными альвами. Согласно древнескандинавской мифологии темные альвы были искусными мастерами, которые создали для богов их волшебные вещи – молот бога Тора, ожерелье Брисингамен богини Фрейи и т. п.

Согласно утверждению Е. Мелетинского карлики представляли собой культуру [1, с. 273]. В древнескандинавских мифах нет описания внешнего вида карликов (или маленьких троллей). В сказках говорится о них как о старичках с длинными бородами, носящих шапочки с помпоном. Такое описание очень похоже на современную интерпретацию гномов в массовой культуре.

В мифах о троллях говорится немного. Упоминаются женщины-тролли, т. е. ведьмы, колдуньи. В сказках образы тролля или великана также иногда замещаются образом колдуна. В сказке «Дочь колдуна» [5, с. 283–299] герой нанимается в работники к колдуну, который живет в горе, а после смерти сам превращается в грудку камней, точно так же, как великаны из сказок с аналогичным сюжетом.

В определенном контексте троллей можно принять за помощников великанов или самих великанов. В «Старшей Эдде» говорится: «Тролли всedневно тебя будут мучить в жилье исполинов»; «Хрим-grimнир Турс за решетку смерти посадит тебя; тролли напоят тебя под землею...» [7, с. 409]. Дважды встречается проклятье с упоминанием этих персонажей («Да возьмут тебя тролли!»). Наконец, отрицательный характер тролля подчеркнут его упоминанием в предсказании Рагнарёка, финальной битвы добра и зла: «Сидела старуха в Железном Лесу и породила там Фенрира род; из этого рода станет один мерзостный тролль похитителем солнца. Будет он грызть трупы людей, кровью зальет жилище богов; солнце померкнет в летнюю пору, бури взъярятся, довольно ли вам этого?» [7, с. 328].

Принято считать, что дети Фенрира, порожденного великаншей и богом-трикстером Локи, поглотят солнце и луну. То, что волк назван троллем, может говорить о приобретении словом функции метафоры, и эта функция сохраняется также в волшебных сказках, где слово «тролль» используется при описании антагонистов: «...злющая, уродливая, словно троллиха» [5, с. 86].

Для подтверждения этой мысли представляется целесообразным обратиться к другим переводам произведения. В шведском издании «Старшей Эдды» говорится, что «похититель солнца» был не троллем, а всего лишь принял обличье тролля, и украл он не солнце, а луну: *...tunglets röväre, i trolls skepnad* '...похититель луны в обличье тролля' [9]. Этот перевод совпадает с исландской версией (расшифровка древнеисландского текста *Codex Regius*): *...tungls tjúgari í trölls hami* '...похититель луны в обличье тролля' [7].

Интересно также, что облик тролля принимает дух-защитница фюльгья, чтобы предупредить героя «Песни о Хельги, сыне Хьёрварда» из «Старшей Эдды» о скорой смерти. Дух-предок по материнской линии обычно помогает своим подопечным, но в ипостаси троллихи она предвещает гибель. Логично предположить, что троллем могли называть хтонических существ и отрицательных персонажей.

Данная гипотеза созвучна выводам исландского исследователя А. Якобссона, который в своей работе «Добро, зло и уродство: сага о Бардаре и великаны» утверждал, что слово «тролль» использовалось в Средневековье для обозначения великанов, ведьм, призраков, демонов и т. п. [10].

Заключение

Таким образом, на пути из мифа в сказку наименее подверглись трансформации образы темных и светлых альфов. Как и в мифе, в сказке им отводится роль дарителей и советчиков. Великаны утратили свою амбивалентность и превратились в глупых и кровожадных эксплуататоров. Тролли в сказках соединяют аспекты, характерные для всех описанных выше волшебных существ. Тролли-великаны остаются исключительно отрицательными персонажами, в процессе трансформации утратившими компонент мудрости. Тролли-дети, подобно карликам, становятся обладателями волшебных вещей и помощниками обычного человека. Образы троллей-старушек, очевидно, как и светлых альфов, связаны с верой в покровительство предков.

Трансформация персонажей проявляется также в добавлении социального компонента в мифологическую первооснову. В образе великанов выражен конфликт между более и менее обеспеченными группами общества. В качестве дарителей зачастую выступают убогие, нищие, нуждающиеся в помощи главного героя персонажи. Даже если их нужда условна, на первый план выходит моральный выбор героя. Волшебные вещи даются в награду только за благие поступки (дать монетку нищему, перевести путника на другой берег, отпустить пойманную золотую рыбку, покормить голубей, спасти ребенка-тролля и т. п.).

Последний важный аспект трансформации волшебных существ на пути из мифа в сказку – это размывание границ между ними. Функции и великанов, и эльфов, и карликов могут быть реализованы в образе троллей. В отличие от мифа с его исключительно негативной интерпретацией этих существ сказка предлагает различные типы троллей – от великанов-людоедов до спасителей-помощников.

Следовательно, основными принципами трансформации волшебных существ при переходе из мифологического в сказочный контекст является их метафоризация (великаны – богачи, тролли – злодеи), включение в парадигму социального конфликта (богатые – бедные, нравственные – безнравственные) и нивелирование различий между классами волшебных существ путем универсализации определения «тролль».

Библиографические ссылки

1. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М. : РГГУ, 1998.
2. Пропп В. Я. Предисловие // Народные русские сказки Афанасьева : в 3 т. М., 1957. Т. 1.
3. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991.
4. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М. : Совр. писатель, 1995.
5. Три волшебных листочка. Сказки народов Скандинавии / ред. О. Ф. Трифонова. М. : АСТ, 2004.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946.
7. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. : Худ. лит., 1975.
8. Eddan. De nordiska guda- och hjältesångerna [Electronic resource]. URL: <http://runeberg.org/eddan/se-01.html> (date of access: 14.08.2017).
9. Edda Sæmundar [Electronic resource]. URL: <http://runeberg.org/eddais/on-01.html> (date of access: 14.08.2017).
10. Jakobsson Á. The Good, the Bad and the Ugly: Bárðar saga and its Giants [Electronic resource]. URL: http://www.academia.edu/1390425/The_Good_the_Bad_and_the_Ugly_B%C3%A1r%C3%B0ar_saga_and_Its_Giants_Mediaeval_Scandinavia_15_2005_1_15 (date of access: 13.08.2017).

References

1. Meletinskii E. M. [Featured articles. Memories]. Moscow : RGGU, 1998 (in Russ.).
2. Propp V. Y. [Preface]. In: *Narodnye russkie skazki Afanas'eva* [Afanasyev's Russian folk fairy tales] : in 3 vols. Moscow, 1957. Vol. 1 (in Russ.).
3. Jung C. G. [The Archetype and the symbol]. Moscow : Renessans, 1991 (in Russ.).
4. Afanasyev A. [The Poetic outlook on nature by the Slavs]. Moscow : Sovrem. pis., 1995 (in Russ.).
5. Trifonova O. (ed.). [Three magical leaves. The Scandinavian fairy tales]. Moscow : AST, 2004 (in Russ.).
6. Propp V. Y. [The historical roots of the wonder tale]. Leningrad : Izd. Leningr. gos. ordena Lenina univ., 1946.
7. [Beowulf. Poetik Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow : Khudozh. lit., 1975 (in Russ.).
8. Eddan. De nordiska guda- och hjältesångerna. URL: <http://runeberg.org/eddan/se-01.html> (date of access: 14.08.2017) (in Swed.).
9. Edda Sæmundar. URL: <http://runeberg.org/eddais/on-01.html> (date of access: 14.08.2017) (in Icel.).
10. Jakobsson Á. The Good, the Bad and the Ugly: Bárðar saga and its giants. URL: http://www.academia.edu/1390425/The_Good_the_Bad_and_the_Ugly_B%C3%A1r%C3%B0ar_saga_and_Its_Giants_Mediaeval_Scandinavia_15_2005_1_15 (date of access: 13.08.2017).

Статья поступила в редколлегию 04.09.2017.
Received by editorial board 04.09.2017.

УДК 821.III(73).09(092)Эмерсон+821.III(73).09-4

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ ЭССЕ Р. У. ЭМЕРСОНА «ДОВЕРИЕ К СЕБЕ»

О. Л. ХАЕЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

На основе анализа тематической полифонии философского эссе Р. У. Эмерсона выявлены особенности эссеистики писателя-мыслителя. Рассмотрены принципы духовного индивидуализма, основные положения мировоззрения и учения о доверии к себе основоположника трансцендентализма. Показаны отдельные убеждения и идеи Р. У. Эмерсона, повлиявшие на пробуждение самосознания американцев как нации и способствовавшие формированию этической мысли в Америке в XIX в.

Ключевые слова: тематический анализ; эссеистика; трансцендентализм; Эмерсон; доверие к себе.

ТЭМАТЫЧНАЯ ПОЛІФАНІЯ ЭСЭ Р. У. ЭМЕРСАНА «ДАВЕР ДА СЯБЕ»

А. Л. ХАЕЦКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Парызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

На аснове аналізу тэматычнай поліфаніі філасофскага эсэ Р. У. Эмерсана выяўлены асаблівасці эсэістыкі пісьменніка-мыслара. Разгледжаны прынцыпы духоўнага індывідуалізму, асноўныя палажэнні светапогляду і вучэння пра давер да сябе заснавальніка трансцэндэнталізму. Паказаны асобныя перакананні і ідэі Р. У. Эмерсана, якія паўплывалі на абуджэнне самасвядомасці амерыканцаў як нацыі і спрыялі фармаванню этычнай думкі ў Амерыцы ў XIX ст.

Ключавыя словы: тэматычны аналіз; эсэістыка; трансцэндэнталізм; Эмерсан; давер да сябе.

TOPIC POLYPHONY OF R. W. EMERSON'S ESSAY «SELF-RELIANCE»

O. L. KHAETSKAYA^a

^aBelarusian State Economics University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

On the basis of the topic polyphony analysis of R. W. Emerson's philosophical essay, peculiarities of his essay prose are revealed. It suggests the principles of mental individualism, the main philosophical world outlook and doctrine about self-reliance by transcendentalism inspirer and founder. The influence of single R. W. Emerson's beliefs and ideas on consciousness-raising of American nation and those stimulating ethical thought in XIX century in America are revealed.

Key words: topic analysis; essayistics; transcendentalism; Emerson; self-reliance.

Образец цитирования:

Хаецкая О. Л. Тематическая полифония эссе Р. У. Эмерсона «Доверие к себе» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 25–29.

For citation:

Khaetskaya O. L. Topic polyphony of R. W. Emerson's essay «Self-Reliance». *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 25–29 (in Russ.).

Автор:

Оксана Людвиговна Хаецкая – преподаватель кафедры английского и восточных языков факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Oksana L. Khaetskaya, lecturer at the department of English and Eastern languages, faculty of international business communications.
randewu@tut.by

В конце XVIII – первой половине XIX в. Европу и Америку охватывает движение романтического протеста против рационализма XVIII в. Частью этого движения был трансцендентализм, объединивший в себе платоновскую метафизику и пуританское сознание. Благодатной почвой для его возникновения стала Новая Англия, которая в середине 1830-х гг. представляла собой духовно истощенный регион. Период экспансии, формирование чувства независимости народа, потребность в росте национального самосознания, романтические настроения – все это создало условия для разработки писателями таких тем и проблем, как гражданское неповиновение и принципы веры, пути создания национальной культуры и рабство, способы переустройства общества, литературная эстетика, познание и сущность красоты. В основе программы трансцендентализма лежали вера в единство мира и Бога, сближение с природой, любовь, дружба и доверие к себе. Главным транслятором идей трансцендентализма становится Ральф Уолдо Эмерсон, с деятельностью и творчеством которого связаны формирование американского романтизма как литературного направления, самоопределение американцев как нации и человека как индивидуума, независимо мыслящей, уникальной, великой личности, воплощения божественного духа. Речи и эссе Р. У. Эмерсона стали неотъемлемой частью национального культурного наследия Америки, сформировавшего сознание нации. Одной из таких работ, в которой мыслитель изложил свои основные принципы, поднимая непростые и тем более значимые для соотечественников вопросы, становится эссе «Доверие к себе» (*Self-Reliance*). Придерживаясь своей концепции индивидуализма, субъективного богословия (на смену Богу-Творцу приходит Я, которое приобретает познание путем созерцания, интуиции и «пророческого вдохновения») (*insight*)), идеи деятельной души как единственного, что имеет ценность во Вселенной, отталкиваясь от представлений о едином разуме и общем человеческом начале, писатель-философ проповедует «субъективное сознание». Опираясь на унитаризм, Р. У. Эмерсон подчеркивает безграничные возможности человека, его природную доброту и чувство морали, свободу человеческой личности, равенство всех перед Богом. Конкордский мыслитель вслед за Ф. Шлейермахером видит грех не столько злом, сколько проблемой ложных убеждений, которую можно преодолеть путем развития своего сознания, что отличает подход писателя от пуританской идеи первородного греха. В трудах Э. Сведенборга Р. У. Эмерсон открывает для себя религию внутренних переживаний, а в мировоззрении Я. Бёме – проекцию внутренней духовной силы на внешний физический мир. Духовная система Р. У. Эмерсона – это версия американского монистического пантеизма. Человек, который является воплощением божественного духа, движущегося во Вселенной, в определенном смысле – бог. Из этого утверждения формируется важнейшее философское убеждение Р. У. Эмерсона и главный принцип трансцендентализма, согласно которому основный источник истины находится внутри самого человека, что определяет тезис о доверии к себе. Доверие к себе – понятие не новое. Оно встречалось и у неоплатоников, и у представителей христианских сект, и в трудах у Колриджа, который понимал под ним доверие к Разуму. В философии Р. У. Эмерсона оно стало краеугольным и легло в основу одноименного эссе. Особенностью этого произведения является риторический стиль, похожий на поэтическую антитезу, и научно-поэтический язык. По мнению Дж. Порте, Р. У. Эмерсона понимают и читают меньше всего, хотя он является одним из лучших писателей Америки [1, с. 148]. Причина такого положения заключается в том, что сочинения американского трансценденталиста трудны для восприятия в силу философской сложности мысли, многослойности и стилистики. Отдельные предложения у Р. У. Эмерсона становятся единым произведением не благодаря общей теме или манере подачи основных положений и идей, а в результате систематической согласованности мыслей, каждая из которых обладает идиосинкратической «архитектурой». Эссе «Доверие к себе» при всех четко обозначенных в нем вопросах, идеях, положениях и убеждениях отличает наличие пробелов, определенной недосказанности, намеренно оставленных философом как возможность для каждого человека заполнить их самостоятельно, пропустив через свой внутренний мир, и прийти к собственному выводу, устранив недосказанность. Такая манера, с одной стороны, придает эссе особую значимость, являясь неотъемлемым достоинством, с другой – неизбежно становится причиной сложности для понимания, так как может запутать читателя [2].

Учение о доверии к себе имело огромное значение для пробуждения самосознания американцев как нации и способствовало формированию эстетической мысли. Так, Р. У. Эмерсон решительно заявляет, что американец не нуждается в образцах для наставления, поскольку свой мир творит сам, не интересуясь чьими бы то ни было оценками и не оглядываясь на весь накопленный человечеством опыт. Американец доверяет лишь собственному разуму и совести: ... *Where is the master who could have taught Shakespeare? Where is the master who could have instructed Franklin, or Washington, or Bacon, or Newton? Every great man is a unique... Shakespeare will never be made by the study of Shakespeare...* ‘...Кто был наставником Шекспира? Кто был наставником Франклина, Вашингтона, Бэкона или Ньютона? Каждый великий человек уникален... Нельзя стать Шекспиром, изучая Шекспира...’ [3]¹. Каждый может явить

¹ Здесь и далее перевод наш. – О. Х.

миру картину не менее великую и дерзкую, чем те, что были созданы великим резцом Фидия, мастером египтян, рукой Моисея и Данте, но отличающуюся от всех прочих. Только таким образом и можно сравняться с великими [4].

Каждая нация обладает своим характером. В эссе «Доверие к себе» отображены черты, которые, по мнению Р. У. Эмерсона, являются неотъемлемой частью личности американца: предприимчивость, самостоятельность действий, своего рода «экономический индивидуализм», упорство, мужество и известный авантюризм [5]. Другими словами, звучит концепция «человека, сделавшего себя», которая в свое время возникла и была в полной мере разработана Б. Франклином [6]. Идеализация этого явления у Р. У. Эмерсона соседствует с неприятием сострадания, милосердия и благотворительности: *There is a class of persons to whom by all spiritual affinity I am bought and sold; for them I will go to prison, if need be; but your miscellaneous popular charities; the education at college of fools; the building of meeting-houses to the vain end to which many now stand; alms to sots; and the thousandfold Relief Societies...* 'Существуют люди, которым я предан всей своей душой, ради которых я пойду в тюрьму, если понадобится; но избавьте меня от всех этих ваших благодеяний, от собирания денег, чтобы послать кого-либо в колледж для глупцов или построить еще один молитвенный дом, умножив количество этих бесцельных заведений, от подачек горьким пьяницам и всяческим Благотворительным Организациям...' [3]. Ориентируясь на законы природы, где господствует борьба за выживание, Р. У. Эмерсон полагает, что и в обществе люди не должны искусственно создавать препятствия становлению характера. Помощь бедным, слабым, сочувствие и жалость – вещи вредные [7, с. 219].

Также Р. У. Эмерсон формулирует принципы духовного индивидуализма как свойства честной личности, которая верит в собственную мудрость, подчиняется голосу совести и способна отличить добро от зла самостоятельно: *Good and bad are but names very readily transferable to that or this; the only right is what is after my constitution, the only wrong what is against it* '«Хороший» или «плохой» – это лишь слова, которые легко переносятся с одного явления или понятия на другое; единственно верным является то, что соответствует моему внутреннему складу, а неверным – все то, что противоречит ему' [3]. Врожденное нравственное чувство, совесть, доверие к Разуму, интуитивное сознание того, что есть Добро и Истина, помогают увидеть за ширмой высоких слов и громких лозунгов низменные мотивы и эгоистические побуждения. Доверие к себе, по мнению Р. У. Эмерсона, исключает зависть и подражание, поскольку зависть означает пренебрежение своими достоинствами, а подражание – потерю своей индивидуальности: *There is a time in every man's education when he arrives at the conviction that envy is ignorance; that imitation is suicide; that he must take himself for better, for worse, as his portion; that though the wide universe is full of good, no kernel of nourishing corn can come to him but through his toil bestowed on that plot of ground which is given to him to till* 'В духовной жизни каждого человека наступает такой момент, когда он приходит к убеждению, что зависть – это невежество; что подражание – самоубийство; что человек должен воспринимать себя как средоточие лучшего и худшего в нем; что, хотя огромная вселенная изобилует благами, он не сможет получить ни одного зернышка, если не будет прилежно возделывать отведенный ему участок земли' [3].

Согласно концепции Р. У. Эмерсона, повышение собственной ценности через раскрытие глубин культуры, истории и природы, самовоспитание, раскрепощение и освобождение от догм – это «путь к себе», который является необходимым условием обогащения и развития человеческого общества в целом. Местом обитания настоящей свободы и возможностей является разум. С его помощью каждый может найти свое место в мире и распознать собственное призвание. Отсутствие этой способности превращает человека в шаблон, следующий программам и установкам общества в обмен на статус и материальное положение. Общество лишает человека индивидуальности, уничтожает его подлинность, естественность, ограничивает в выборе пути, навязывая свою мораль и правила [8]. Общество не заботится о красоте и свободе отдельной личности [9]. Писателя беспокоит моральное состояние американского общества, его духовное неблагополучие. Причину многих социальных бед он усматривает в отчуждении: люди разобщены, отдалены от духовной культуры человечества, собственной сущности и плодов своего труда. Личность в Америке слилась с массой и деформировалась. На ее место пришла толпа людей, не являющихся личностями, опасных в своем единомыслии и бездуховности, ибо они способны на любые разрушительные действия [5, с. 218]. Каждый человек имеет первоочередной долг, согласно идеям Р. У. Эмерсона, не перед семьей, работой или страной, а перед тем, что заставляет его действовать и быть, ставит перед выбором, предполагающим ответственность.

Особое место в развитии человека, его восхождении к совершенству Р. У. Эмерсон отводит любви, которая бывает плотской, духовной (это дружба, целью которой является интеллектуальное совершенствование) и божественной (здесь усматривается аналогия с платоновскими видами любви: чувственной, демонической и божественной). Любовь у Р. У. Эмерсона не слепой инстинкт продолжения рода, а орудие всеблаготворного Провидения в создании гармоничного общества.

Ральф Уолдо Эмерсон – идеалист, призывающий доверять интуиции, поскольку только она может привести к пониманию истины. Человек привык полагаться на книги, мнение авторитетов, он ждет доказательств, подтверждений. Вслед за Кантом Р. У. Эмерсон говорит, что познание происходит при помощи внутреннего духовного закона, что каждый человек обладает врожденной способностью к познанию природы и божественного, присутствующего во всем мироздании. Американский философ, идеолог, богослов проповедует бога в себе, а не бога власти и традиций. Благодаря этой истине внутри, вере в нее и в свои мысли, доверию к внутреннему голосу человек становится независим от авторитетов – и это делает его гениальным: *The highest merit we ascribe to Moses, Plato, and Milton is, that they set at naught books and traditions, and spoke not what men but what they thought* ‘...Величайшая заслуга Моисея, Платона и Мильтона состоит в том, что они пренебрегали книгами и традициями и говорили то, что думали сами’ [3].

Таким образом, эссе Р. У. Эмерсона «Доверие к себе» представляет собой сложное, многослойное по содержанию философское произведение, отличающееся научно-поэтическим языком, идиосинкратичностью предложений и риторическим стилем, похожим на поэтическую антитезу. Эссе является тематически многоплановым, хотя все идеи, мысли и темы можно свести к одной концепции, центрирующей произведение на принципах доверия к себе и вере человека в свои силы, идее самоценности, внутренней мудрости (концепция духовного индивидуализма), самостоятельности личности, которая борется за самобытность национальной культуры. Положения о «человеке, сделавшем себя», об американце, не нуждающемся в образцах для подражания, имитации и наставления, доверяющего собственному разуму и совести, повлияли на пробуждение самосознания американской нации. Совершенствование и развитие отдельной личности, стремящейся к познанию истины через созерцание, интуицию и вдохновение, через сближение с природой и делающей выбор в понимании своей правды, своего отношения, предназначения и пути, является необходимым условием для морального развития общества в целом. Все эти идеи составляют основу мировоззрения и философских взглядов Р. У. Эмерсона. Мыслитель не хотел писать о Новом Мире. Он стремился к тому, чтобы его произведения создавали Новый Мир. Эссе «Доверие к себе» как воплощение истинной сути личностного развития – одна из попыток гармонично осуществить это в США.

Библиографические ссылки

1. Хаецкая О. Л. Поэтика эссе Р. У. Эмерсона «Доверие к себе» // Теоретические и методологические аспекты коммуникации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. С. Кожуховской. Минск, 2007. Вып. 2. С. 140–149.
2. Woodlief A. On «Self-Reliance» [Electronic resource]. URL: <https://archive.vcu.edu/english/engweb/eng372/selfaw.htm> (date of access: 21.11.2017).
3. Emerson R. Self-Reliance [Electronic resource]. URL: <http://www.emersoncentral.com/selfreliance.htm> (date of access: 18.03.2017).
4. Анастасьев Н. А. Два капитана [Электронный ресурс] // Литература. 1999. № 30 (366). URL: <http://lit.1september.ru/index.php?year=1999&num=30> (дата обращения: 20.11.2017).
5. Осипова Э. Ф. Р. У. Эмерсон [Электронный ресурс] // История литературы США : в 5 т. / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1999. Т. 2. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-2/osipova-uoldo-emerson.htm> (дата обращения: 01.07.2017).
6. Бутырчик Г. М. Канцэпцыя *self*-у Б. Франкліна, Ф. Дугласа, Р. У. Эмерсана [Электронный ресурс] // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы V Междунар. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та (Минск, 28 окт. 2011 г.) / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск, 2011. URL: <http://elb.bsu.by/handle/123456789/27404> (дата обращения: 30.06.2017).
7. Эмерсон Р., Торо Г. Эссе. Уолден, или жизнь в лесу. М. : Худож. лит., 1986.
8. Pritchett B. Emerson's «Self-Reliance» and the Ethics of Authenticity [Electronic resource]. URL: <https://partiallyexaminedlife.com/2014/09/26/emersons-self-reliance-and-the-ethics-of-authenticity/> (date of access: 20.11.2017).
9. Butler-Bowdon T. Ralph Waldo Emerson – Self-Reliance [Electronic resource]. URL: <http://www.butler-bowdon.com/ralph-waldo-emerson---self-reliance.html> (date of access: 20.11.2017).

References

1. Khaetskaya O. L. [Poetic style of R. W. Emerson's essay «Self-Reliance»]. In: *Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty kommunikatsii* [Theoretical and methodological aspects of communication] : collect. of res. pap. Minsk, 2007. Issue 2. P. 140–149 (in Russ.).
2. Woodlief A. On Self-Reliance. URL: <https://archive.vcu.edu/english/engweb/eng372/selfaw.htm> (date of access: 21.11.2017).
3. Emerson R. Self-Reliance. URL: <http://www.emersoncentral.com/selfreliance.htm> (date of access: 18.03.2017).
4. Anastasiev N. A. [Two captains]. *Literatura* [Literature]. 1999. No. 30 (366). URL: <http://lit.1september.ru/index.php?year=1999&num=30> (date of access: 20.11.2017) (in Russ.).

5. Osipova E. F. [R. W. Emerson]. In: *Istoriya literatury SShA* [History of literature of the USA] : in 5 vols. Moscow, 1999. Vol. 2. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-2/osipova-uoldo-emerson.htm> (date of access: 01.07.2017) (in Russ.).
6. Butyrchik H. M. [The concept of self- by B. Franklin, F. Douglas, R. W. Emerson]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam* [Cross-cultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages] : mater. of the V Int. conf. devoted to the 90th anniv. of Belarus. State Univ. (Minsk, 28 Oct., 2011). Minsk, 2011. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/27404> (date of access: 30.06.2017) (in Belarus.).
7. Emerson R., Thoreau H. [Essays. Walden; or Life in the Woods]. Moscow : Khudozh. lit., 1986 (in Russ.).
8. Pritchett B. Emerson's «Self-Reliance» and the Ethics of Authenticity. URL: <https://partiallyexaminedlife.com/2014/09/26/emersons-self-reliance-and-the-ethics-of-authenticity/> (date of access: 20.11.2017).
9. Butler-Bowdon T. Ralph Waldo Emerson – Self-Reliance. URL: <http://www.butler-bowdon.com/ralph-waldo-emerson---self-reliance.html> (date of access: 20.11.2017).

Статья поступила в редколлегию 28.09.2017.
Received by editorial board 28.09.2017.

УДК 82.09

РЕВИЗИОНИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ КРИТИКЕ И ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

А. В. ЯНКУТА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Характеризуются направления феминистских литературоведческих исследований 1970–80-х гг., целью которых было переосмысление литературного канона через призму женского опыта. Рассматривается ревизия как ключевой метод феминистской критики: история появления понятия, его наполнение и интерпретация разными исследователями. Раскрывается значение для феминистской литературной критики саморевизии, которая позволяет включать в исследовательский контекст опыт всех групп женщин. Анализируется ревизия как творческая стратегия писательниц второй половины XX – начала XXI в.: ревизия языка и стиля, влиявшая в создание концепции «женского письма», ревизия мифов и классических литературных произведений, в результате которой происходит деконструкция традиционных сюжетов, а на первый план выводятся персонажи женского пола. Утверждается, что ревизия жанровой системы проявляется через трансформацию таких элементов жанровой формы и содержания, как проблемно-тематическое поле, субъектная организация художественного мира и система образов в произведении, что влияет на формирование новых жанровых модификаций.

Ключевые слова: феминистская литературная критика; ревизия; саморевизия; ревизионистское мифотворчество; жанр.

РЭВІЗІЯНІСЦКІЯ СТРАТЭГІІ Ў АНГЛАМОЎНАЙ ФЕМІНІСЦКАЙ КРЫТЫЦЫ І ЖАНОЧАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI ст.

Г. В. ЯНКУТА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Характарызуюцца кірункі фемінісцкіх літаратуразнаўчых даследаванняў 1970–80-х гг., мэтай якіх было пераасэнсаваць літаратурны канон праз призму жаночага досведу. Разглядаецца рэвізія як ключавы метада фемінісцкай крытыкі: гісторыя з’яўлення паняцця, яго напаўненне і інтэрпрэтацыя рознымі даследчыцамі. Раскрываецца значнасць для фемінісцкай літаратурнай крытыкі самарэвізіі, якая дазваляе ўключаць у даследчы кантэкст досвед усіх груп жанчын. Анализуецца рэвізія як творчая стратэгія пісьменніц другой паловы XX – пачатку XXI ст.: рэвізія мовы і стылю, якая вылілася ў стварэнне канцэпцыі «жаночага пісьма», рэвізія міфаў і класічных літаратурных твораў, у выніку якой адбываецца дэканструкцыя традыцыйных сюжэтаў і на першы план выводзяцца персанажы жаночага полу. Сцвярджаецца, што рэвізія жанравай сістэмы праяўляецца праз трансфармацыю такіх элементаў жанравай формы і зместу, як праблемна-тэматычнае поле, суб’ектная арганізацыя мастацкага свету і сістэма вобразаў у творы, што ўплывае на фарміраванне новых жанравых мадыфікацый.

Ключавыя словы: фемінісцкая літаратурная крытыка; рэвізія; самарэвізія; рэвізіянісцкая міфатворчасць; жанр.

Образец цитирования:

Янкута Г. В. Рэвізіянісцкія стратэгіі ў англамоўнай фемінісцкай крытыцы і жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. // Часоп. дзярж. ун-та. Філалогія. 2018. № 1. С. 30–39.

For citation:

Yankuta H. V. Revisionist strategies in the English-language feminist critics and women’s literature in the second half of the XX century and at the beginning of the XXI century. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 30–39 (in Belarus).

Автор:

Анна Валерьевна Янкута – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. М. Бутырчик.

Author:

Hanna V. Yankuta, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
magic.realizm@gmail.com

REVISIONIST STRATEGIES IN THE ENGLISH-LANGUAGE FEMINIST CRITICS AND WOMEN'S LITERATURE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY AND AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

H. V. YANKUTA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article characterizes the issues of feminist literary studies in the 1970s and 1980s, the main purpose of which was rethinking of the literary canon through the prism of female experience, and revision as a key method of feminist criticism (the history of the concept's appearance, its meaning and interpretation by different researchers). It reveals the significance of self-revision for feminist literary criticism, which allows to include the experience of all women groups in the research context. It analyses revision as a creative strategy used by women writers in the second half of the XX and at the beginning of the XXI century: the revision of the language and style that resulted in the creating of the «écriture feminine» conception, the revision of myths and classical literary works, which leads to the deconstruction of traditional plots and to the coming to the fore of the female characters. It states that the revision of the genre system is manifested through the transformation of such elements of genre form and genre content as the thematic and problematic issues, the subject arranging of the literary universe and the system of images in the work, which influences new genre modifications.

Key words: feminist literary critics; revision; self-revision; revisionist mythology; genre.

У 1960-х гг. у амерыканскім літаратурным працэсе адбываецца шэраг заўважных змен, абумоўленых зрухамі ў грамадстве. На гэты час у ЗША прыходзіцца пік масавых выступленняў афраамерыканскіх актывістаў супраць расавай дыскрымінацыі, за раўнапраўе змагаюцца жаночыя, сацыялістычныя і іншыя арганізацыі, што прадстаўляюць інтарэсы раней выключаных з грамадскага жыцця груп.

Следам за Э. Хабсбаўмам А. Гапава называе гэты перыяд у заходняй гісторыі «залатымі гадамі» XX ст. і адзначае, што прычынамі маштабных змен былі росквіт эканомікі, мадэрнізацыя паўсядзённага жыцця і развіццё сацыяльных праграм у ЗША, – усё гэта паўплывала на змяненне разрыву паміж багатымі і беднымі і пасадзейнічала ўздыму новых сацыяльных рухаў [1, с. 353]. Апісваючы дзейнасць жаночых рухаў у ЗША, Вялікабрытаніі, Францыі і Германіі, якія ў гэты час змагаліся з гендарнай няроўнасцю, у 1968 г. М. В. Лір (*Martha Weinman Lear*) увяла тэрмін «другая хваля фемінізму», супрацьпаставіўшы новую жаночую актыўнасць «першай хвалі» – грамадска-палітычнаму руху суфражыстак, які на мяжы XIX–XX стст. адстойваў права жанчын браць удзел у галасаванні. Гісторыя другой хвалі фемінізму ўмоўна адлічваецца з 1963 г., калі выйшла кніга Б. Фрыдан (*Betty Friedan*) «Таямніца жаночасці» (*The Feminine Mystique*), у якой апісваюцца механізмы канструявання вобразу ідэальнай жанчыны і аналізуецца становішча жанчын у ЗША.

Актывісткі другой хвалі паставілі на парадак дня шырокае кола праблем, звязаных з палавымі адрозненнямі паміж мужчынамі і жанчынамі і пытаннем гендарнай ідэнтычнасці. У публічнай прасторы агучваліся патрабаванні роўных грамадзянскіх правоў для жанчын і мужчын, а таксама роўных магчымасцей у адукацыі і на рынку працы. Прадстаўніцы больш радыкальных груп займаліся аналізам структуры ўлады і дамінавання ў ёй мужчын, даследавалі вытокі патрыярхату і пашыралі інфармацыю пра рэпрэсіўны ў дачыненні да жанчын характар грамадскіх інстытутыў. Адным з найважнейшых дасягненняў другой хвалі фемінізму А. Бужыньска называе прыняцце кангрэсам ЗША ў 1964 г. Закона аб грамадзянскіх правах, у якім сярод іншага забаранялася дыскрымінацыя паводле полу, расы, колеру скуры, рэлігійных перакананняў і нацыянальнай прыналежнасці [2, с. 412].

У гэты час у літаратуру прыходзіць новае пакаленне пісьменніц, якія асэнсоўваюць пастаўленыя другой хваляй фемінізму пытанні ў мастацкай форме. Пра беспрэцэдэнтную творчую прадуктыўнасць жанчын у той перыяд піша Г. Грын (*Gayle Green*), адзначаючы іх важкі ўнёсак як у паэзію і прозу, так і ў крытычную тэорыю і літаратуразнаўства [3, р. 2]. Даследчыца сцвярджае, што менавіта росквіт жаночай літаратуры адыграў значную ролю ў актывізацыі жаночых рухаў [3, р. 2], якія, у сваю чаргу, паўплывалі на «стварэнне тэкстаў, што спалучаюць пафас і эксперыментальны характар мадэрнізму з сацыяльнай крытыкай вялікай эпохі рэалізму»¹ [3, р. 2]. Гаворачы пра «рэнесанс жаночай літаратуры», К. Каплан (*Cora Kaplan*) звяртае ўвагу на шчыльныя сувязі, што ўсталяваліся ў 1970-х гг. паміж развіццём фемінісцкай крытыкі, фемінізмам як сацыяльным рухам і жаночай творчасцю (цыт. паводле [4, р. 124]). Другая хваля фемінізму высунула тэзіс пра каштоўнасць досведу жанчыны як Іншага, і пісьменніцы заявілі пра свае патрэбы, пашырыўшы такім чынам тэматычнае поле мастацкай літаратуры. Як адзначала

¹ Тут і далей пераклад наш. – Г. Я.

А. Гранкіна, «жанчына атрымала магчымасць здабыць – ці ўмацаваць – статус суб'екта, што ўладарыць над сваім існаваннем, расказваючы – структуруючы матэрыял згодна з уласнай суб'ектыўнай воляй – пра сваё жыццё ці пра жыцці, тоесныя яе ўласнаму» [5, с. 32].

У 1970–80-х гг. адбываецца развіццё фемінісцкай крытыкі – літаратуразнаўчага кірунку, які прадугледжвае аналіз літаратурных твораў з гледзішча жаночага досведу. Даследчыца К. Дыншау (*Carolyn Dinshaw*) пачынае адлік гісторыі фемінісцкай літаратурнай крытыкі з позняга Сярэднявечча і сярод твораў, што паклалі пачатак гэтаму кірунку, называе эпізод з «Кентэрберыйскіх аповедаў» Дж. Чосэра «Пралог ткалі з Бата», гераіня якога вырвала тры старонкі з мужавай кнігі, дзе даваліся негатыўныя апісанні жанчын [4, р. 15–16]. Літаратуразнаўца Дж. Голдман (*Jane Goldman*) называе заснавальніцай сучаснай фемінісцкай літаратурнай крытыкі В. Вулф [4, р. 66], чыё эсэ «Свой пакой» (*A Room of One's Own*, 1929) зрабілася першым маніфестам новага крытычнага кірунку; у далейшым ад гэтага твора адштурхоўваліся многія даследчыцы і літаратурныя крытыкі. Аднак толькі ў 1970-х гг. фемінісцкія даследаванні сталі паўнаважным акадэмічным курсам: менавіта ў гэты час з'явіліся ключавыя працы, якія на дадзены момант лічацца класічнымі, пачала распрацоўвацца метадалогія фемінісцкага аналізу літаратурных твораў.

Фемінісцкія літаратуразнаўчыя даследаванні ў 1970–80-х гг. праводзіліся ў некалькіх напрамках. Па-першае, адбывалася пераасэнсаванне класічнай літаратуры з фемінісцкага гледзішча: даследчыцы аналізавалі жаночыя вобразы ў мужчынскіх творах і спосабы стварэння «міфа пра жанчыну». Па-другое, з'яўляліся новыя інтэрпрэтацыі твораў пісьменніц-класікаў, пераглядалася гісторыя жаночай літаратуры: вывучаліся пакаленні жанчын-творцаў і механізмы пераамясці. Па-трэцяе, даследчыцы шукалі творы пісьменніц, чые імёны былі забыты або якія раней лічыліся аўтарамі «другога плана», і пераасэнсоўвалі іх творчасць. Па-чацвёртае, праводзіўся аналіз сучаснай жаночай літаратуры, завязваліся дыскусіі вакол шляхоў развіцця самой літаратурнай крытыкі і намацваліся новыя даследчыя кірункі. У цэнтры ўвагі літаратуразнаўцаў аказваўся літаратурны канон: паколькі ён арыентаваны на літаратуру, створаную мужчынамі на аснове мужчынскага досведу, фемінісцкая крытыка паставіла перад сабой мэту перагледзець яго з пазіцый новай тэорыі і знайсці ў ім месца для пісьменніц-жанчын або ўвогуле прапанаваць альтэрнатыўны варыянт жаночага літаратурнага канона, створанага без аглядакі на канон андрацэнтрычны.

У беларускай культурнай прасторы першыя спробы асэнсаваць жаночую літаратуру як своеасаблівы мастацкі феномен, узнавіць традыцыю жаночага пісьма і ўключыць яе ў агульны літаратурны кантэкст пачаліся ў 2000-х гг. з шэрагу літаратуразнаўчых даследаванняў (Т. Фіцнер, С. Калядка, Г. Кісліцына) і дыскусіі вакол зборніка жаночага апавядання «Жанчыны выходзяць з-пад кантролю» (2007). Абмеркаванне прадоўжылася ў 2010-х гг.: у апошні час жаночая літаратура і вобраз жанчыны-творцы нярэдка абіраюцца тэмай круглых сталоў, публічных мерапрыемстваў і прэзентацый (сярод такіх падзей варта згадаць дыскусію пра ролю і вобраз жанчыны ў беларускай літаратуры з удзелам А. Данільчык, М. Казлоўскай, Р. Баравіковай, якая адбылася 20 чэрвеня 2016 г., і дыскусію «Забіць у сабе анёла, або Як быць паэткай у сучаснай Беларусі» з удзелам В. Аксак, В. Гапеевай, Н. Кудасавай і Ю. Цімафеевай, што прайшла 1 лістапада 2016 г.). Першы акадэмічны зборнік, у якім даследуецца беларуская жаночая літаратурная традыцыя, – выданне «Бліскавіцы: анталогія беларускай жаночай паэзіі міжваеннага перыяду» (укладанне і каментарыі А. Данільчык і В. Жыбуля; 2017).

Ключавое паняцце для літаратуры другой хвалі фемінізму – рэвізія. Ёй падвяргаецца як літаратурны канон, так і ўся гісторыя чалавецтва (яркім узорам можа служыць кніга Р. Майлз (*Rosalind Miles*) «Жаночая гісторыя свету» (*The Women's History of the World*), напісаная ў 1993 г.¹), культура і само літаратуразнаўства. На нашу думку, гэта паняцце варта разглядаць у двух аспектах: як крытычную стратэгію, якую даследчыцы фемінісцкіх поглядаў выкарыстоўвалі ў аналізе літаратурнага працэсу, і як творчую стратэгію жанчын-пісьменніц, якія шукалі мастацкія сродкі для выяўлення ўласнага досведу.

Тэрмін «рэвізія» (*revision*) паходзіць ад англійскага слова *revise*, якому ў «Оксфардскім слоўніку» даюцца наступныя тлумачэнні: «1. Даследаваць і ўнесці праўкі ці змены (у нешта напісанае ці надрукаванае); 1.1. Перагледзець і выправіць (нешта), асабліва ў святле новых звестак ці для таго, каб улічыць змены ў сітуацыі; 2. Перачытаць зробленую раней працу, каб палепшыць свае веды ў прадмеце – напрыклад, падчас падрыхтоўкі да экзамену» [6]. Такім чынам, тэрмін прадугледжвае новы, удасканалены погляд (ад англ. *vision* – погляд, бачанне, прадбачанне) на нейкую з'яву, яе пераасэнсаванне з улікам актуальнага стану рэчаў. Важнасць гэтага новага бачання сітуацыі для фемінісцкай крытыкі часта падкрэсліваецца ў англамоўных літаратуразнаўчых працах напісаннем слова праз злучок – *re-vision*: тэрмін падразумявае не толькі перагляд зробленага, але і выпрацоўку абноўленай канцэпцыі таго, што рэвізуецца. У артыкуле Х. Сіман (*Hollis Seamon*), прысвечаным гэтаму

¹ На беларускую мову кнігу пераклаў У. Маруцік. Пераклад выйшаў у 2006 г. у мінскім выдавецтве «БелФранс».

паняццю, робіцца акцэнт на тым складніку тэрміна, які прадугледжвае крытычны аналіз дамінуючага погляду на жанчыну: даследчыца адзначае, што рэвізія дазваляе «ўскрыць раней схаваныя і часта неўсвядомленыя ўяўленні пра гендар, распаўсюджаныя ва ўсіх галінах традыцыйных літаратуразнаўчых даследаванняў, амаль цалкам заснаваных на мужчынскім літаратурным досведзе» [7, р. 490], аднак падкрэслівае, што такі аналіз дае магчымасць стварыць больш дасканалы літаратуразнаўчы метада, бо праз крытыку арыентаванай на мужчын парадэгмы абнаўляецца (*restore*) падыход жанчын-пісьменніц, крытыкаў і тэарэтыкаў да літаратуры [7, р. 490].

У шырокі літаратуразнаўчы ўжытак тэрмін «рэвізія» ўвяла амерыканская пісьменніца і грамадская дзяўчка Э. Рыч (*Adrienne Rich*). У эсе 1971 г. «Калі мы, мёртвыя, прачнёмся: пісьмо як рэ-візія» (*When We Dead Awaken: Writing as Re-Vision*), якое на беларускую мову з нязначнымі скарачэннямі пераклала Ю. Цімафеева [8], Э. Рыч заклікае да радыкальнай крытыкі літаратуры, у цэнтры якой мусіць стаяць «рэ-візія» – «позірк назад, погляд на свежыя вочы, падыход да старога тэксту з новай крытычнай пазіцыі», – якая, на думку пісьменніцы, з’яўляецца для жанчын «пытаннем выжывання» [8]. Мэта рэвізіі як культурнага акта, паводле Э. Рыч, – вызваліць пісьменніцу ад гнёту мужчынскай літаратурнай традыцыі, чаго можна дасягнуць, перагледзеўшы базавыя ўяўленні пра творчасць, мову і канон і разбурыўшы ўплыў мінулага на сучаснасць.

Уведзенае Э. Рыч паняцце пачалі плённа выкарыстоўваць іншыя даследчыцы. У кнізе «Паўсталы чытач: фемінісцкі падыход да амерыканскай літаратуры» (*The Resisting Reader: A Feminist Approach to American Fiction*, 1978) Дж. Фэтэрлі (*Judith Feterley*) піша, што мэта фемінісцкай крытыкі заключаецца «не проста ў тым, каб апісаць свет, а ў тым, каб змяніць яго, змяніўшы свядомасць тых, хто чытае, і іх стаўленне да таго, што яны чытаюць» [9, р. VIII]. Абапіраючыся на эсе Э. Рыч і яе разуменне рэвізіі як культурнага акта, неабходнага для выжывання, Дж. Фэтэрлі вызначае сваю працу як «падручнік па самаабароне і выжыванні» (*self-defense survival manual*) [9, р. VIII] і ўводзіць тэрмін «паўсталы чытач» (*resisting reader*), які мусіць «пачаць працэс выгнання мужчынскага духу, які нам унушылі» [9, р. XXII], а значыць, паставіць пад сумнеў навязаны літаратурным тэкстам іерархіі і ацэнкі і паглядзець на іх з новага боку.

У кнізе «Вар’ятка на гарышчы» (*The Madwoman in the Attic*, 1979) С. Гілберт (*Sandra Gilbert*) і С. Губар (*Susan Gubar*), аналізуючы творчасць брытанскіх пісьменніц XIX ст., выкарыстоўваюць паняцце «рэвізія» для апісання літаратурных творчых практык: «Змаганне жанчыны-пісьменніцы за стварэнне ўласнага “Я” ўцягвала яе ў рэвізійны працэс. Яна, аднак, змагалася не супраць таго, як яе папярэднік (мужчына) прачытваў свет, а супраць таго, як ён прачытваў яе саму» [10, р. 49]. Даследчыцы супрацьпастаўляюць апісаны Х. Блума характэрны для пісьменніка-мужчыны «страх уплыву» (*anxiety of influence*) – «страх, што ён не з’яўляецца стваральнікам самога сябе і што творы яго папярэднікаў, існуючы да яго і за межамі яго, валодаюць прынцыповай перавагай над яго ўласнымі творами» [10, р. 46] – «страху аўтарства» (*anxiety of authorship*) пісьменніцы-жанчыны – «глыбіннаму страху, што яна не можа ствараць і што, паколькі яна ніколі не зробіцца “папярэднікам”, творчы акт адасобіць яе ад іншых ці знішчыць» [10, р. 49]. Рэвізія ў дадзеным выпадку робіцца спосабам адолець вынікі сацыялізацыі пісьменніцы, яе «страх аўтарства» і заключаецца ў пошуку пісьменніцамі ў пераважна мужчынскім літаратурным каноне папярэдніц жаночага полу, чыя творчасць даказвае, што «паўстанне супраць патрыярхальнага літаратурнага аўтарытэту магчымае» [10, р. 49]. Гэтаму меркаванню сугучная думка А. Острыкер (*Alicia Ostriker*), якая адзначае, што для сучасных пісьменніц пошук і вывучэнне літаратурных папярэдніц звязаны з пошукам традыцыі, якая легітымізавала б іх уласную творчасць: «Як давалі нам творцы ад Вірджыніі Вулф да Эліс Уокер, жанчынам-паэткам патрэбныя моцныя маці» [11, р. 16]. Такім чынам, рэвізія літаратурнага канона як спосаб узмацніць пазіцыі сучасных пісьменніц у культурным асяродку аказалася плённым крытычным метадам, які даў магчымасць перагледзець гісторыю і тэорыю літаратуры.

У артыкуле 1981 г. «Фемінісцкая крытыка на раздарожжы» (*Feminist Criticism in the Wilderness*) Э. Шоўолтэр (*Elaine Showalter*) раздзяляе фемінісцкую крытыку на два кірункі: першы даследчыца называе ўласна фемінісцкай крытыкай (А. Бужыньска ўдакладняе тэрмін і прапануе, кіруючыся артыкулам самой Э. Шоўолтэр, замест яго ўжываць найменні «рэвізіянісцкая крытыка» ці «рэвізіянісцкая фемінісцкая крытыка»), другі – гінакрытыкай. Першы кірунак Э. Шоўолтэр вызначае як «ідэалагічны»: ён прадугледжвае інстанцыю чытача (чытачкі) фемінісцкіх поглядаў і звязаны з жаночымі вобразамі і стэрэатыпамі ў літаратуры [12, р. 182]. Адзначаючы, што гэты кірунак быў неабходным этапам развіцця фемінісцкай крытыкі [2, с. 441], А. Бужыньска дае яму наступнае вызначэнне: «Рэвізіянісцкая фемінісцкая крытыка – від фемінісцкай крытыкі, якая з’явілася разам з другой хваляй фемінізму і была скіраваная перш за ўсё на аналіз мізагінных матываў у літаратуры і літаратуразнаўстве, на пошук і крытыку разнастайных формаў рэпрэсавання ў дачыненні да жанчын,

а таксама замацаваных у літаратурным, гісторыка-літаратурным і тэарэтычна-літаратурным дыскурсе разнастайных патрыярхальных структур і стэрэатыпаў разумення ролі жанчын у культуры» [2, с. 420]. Рэвізіянісцкай крытыцы, якая звяртаецца да андрацэнтрычных мадэлей як да асноў, ад якіх можна адштурхоўвацца ў даследаванні [12, р. 183], Э. Шоўолтэр супрацьпастаўляе гінакрытыку, крытычны кірунак, што мусіць засяродзіцца на вывятанні таго, «якія адрозненні ёсць у жаночым пісьме, як сама жаночасць фармуе жаночую творчую выразнасць» [12, р. 185], а таму, на думку даследчыцы, з'яўляецца больш плённым і скіраваным у будучыню. Тым не менш Э. Шоўолтэр прызнае, што «любая фемінісцкая крытыка ў пэўным сэнсе мае рэвізіянісцкі характар, бо даследуе адэкватнасць прынятых канцэптуальных структур» [12, р. 183], падкрэсліваючы такім чынам значнасць рэвізіі як метаду пераасэнсавання літаратурнай традыцыі.

Дыскутуючы з Э. Шоўолтэр і крытыкуючы метады гінакрытыкі, Т. Мой (*Toril Moi*) таксама ўздымае пытанне рэвізіянізму і сцвярджае, што адзіная мэта гінакрытыкі – змаганне з трывалымі стэрэатыпамі пра жанчын [2, с. 442]. Галоўная ж мэта фемінізму і фемінісцкай літаратурнай крытыкі, на думку даследчыцы, – барацьба супраць структур дамінавання, што маюць дачыненне да ўзнаўлення няроўнасці, у тым ліку на ўзроўні літаратурных і літаратуразнаўчых тэкстаў [2, с. 442]. Такім чынам, разуменне рэвізіі як аднаго з ключавых метадаў фемінісцкай крытыкі на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў выпрацоўкі і ўдасканалення яе метадалогіі змянілася, аднак рэвізіянісцкі падыход да аналізу літаратуры не страціў актуальнасці нават на сучасным этапе.

Важнай рысай фемінісцкай літаратурнай тэорыі Х. Сіман называе самарэвізію (*self-revision*), адзначаючы, што «рэвізія ўсіх аспектаў літаратурных даследаванняў, у тым ліку самой сябе, – гэта сэрца фемінісцкіх літаратурных практык» [7, р. 492]. Так, трэцюю хвалю фемінізму можна назваць рэвізіянісцкай у дачыненні да другой хвалі, прадстаўніцы якой засяроджваліся на праблемах белых жанчын сярэдняга класа ў заходніх грамадствах і падразумявалі менавіта іх, гаворачы пра жанчын увогуле. Такім чынам, яны пакідалі па-за ўвагай жанчын-імігрантак, афраамерыканак, жанчын з краін трэцяга свету, прадстаўніц працоўнага класа і інш. Яркім прыкладам самарэвізіі фемінісцкай літаратурнай крытыкі з'яўляецца эсэ Э. Уокер (*Alice Walker*) «У пошуку матчыных садоў» (*In Search of Our Mothers' Gardens*, 1983), у якім пісьменніца пераглядае працу В. Вулф «Свой пакой» з пазіцыі афраамерыканкі, чый досвед цалкам выключаны з прыдуманай В. Вулф гісторыі пра сястру Шэкспіра.

У творчасці жанчын-пісьменніц другой паловы XX – пачатку XXI ст. рэвізіянісцкія стратэгіі таксама адыгрываюць важную ролю. Як піша Х. Сіман, «рэвізія надзвычай часта разумеецца як літаратурная стратэгія, дзякуючы якой жанчыны-пісьменніцы наўпрост ці ўскосна, свядома ці несвядома мяняюць традыцыйныя мужчынскія правілы і чаканні, звязаныя з літаратурай» [7, р. 491]. Пра рэвізію як творчую практыку пісала і Э. Рыч: сам падзагалавак яе эсэ – «Пісьмо як рэ-візія» – адсылае да думкі аб тым, што працэс стварэння літаратурнага твора ў фемінісцкай традыцыі робіцца актам пераасэнсавання патрыярхальнай культуры. Асэнсоўваючы ўласны творчы досвед і шукаючы моўныя сродкі для апісання свайго спосабу быцця ў свеце, жанчыны-пісьменніцы ставяць пад сумнеў традыцыйныя, мужчынскія літаратурныя практыкі, у выніку чаго рэвізія адбываецца на розных узроўнях мастацкага тэксту. Мы выдзяляем тры кірункі рэвізіянізму ў жаночай творчасці, якія зрабіліся актуальнымі ў літаратуры другой хвалі фемінізму.

1. Рэвізія мовы. Паняцце «жаночае пісьмо» (*écriture féminine*), уведзенае ў акадэмічны ўжытак французскімі тэарэтыкамі фемінізму (Э. Сіксу, Л. Ігыгарэй, М. Вітэг, Ю. Крысцева), можа быць інтэрпрэтавана як рэвізія мужчынскай творчасці, якая, на думку Э. Сіксу (*Hélène Cixous*), «базіруецца на традыцыі розуму» і ў аснове якой ляжыць «фалацэнтрычная ўлада» [13, с. 803]. Такое пісьмо з'яўляецца «актам прыўлашчвання мовы» і характарызуецца ўмяшаннем у гісторыю, пабудаваную на прыгнёце жанчын [13, с. 805]. Жаночае пісьмо адмаўляе прыныпы стварэння тэкстаў, характэрныя для мужчынскай творчасці, якая прадугледжвае пэўныя структуры і іерархіі. Так, А. Бужыньска адзначае адсутнасць тэарэтычных асноў канцэпцыі «жаночага пісьма», якое мусіць разбураць усе створаныя патрыярхатам класіфікацыі і пазбягаць любога акрэслення [2, с. 430], бо яно сваім існаваннем павінна цалкам адмаўляць уласцівасці мужчынскага голасу і даваць жанчыне-пісьменніцы магчымасць «пісаць саму сябе» [13, с. 804] праз прызму ўласнага цялеснага досведу.

2. Рэвізія кананічных сюжэтаў (міфаў, класічных літаратурных сюжэтаў). Распаўсюджанай літаратурнай практыкай у жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. з'яўляецца рэвізіянісцкая міфатворчасць, ці рэвізія міфалагічнага канона. Міфалогія старажытнага свету, у першую чаргу біблейская і антычная, ляжыць у падмурку еўрапейскай (і, адпаведна, амерыканскай) літаратуры, аднак жанчыны займаюць у міфах другаснае месца і выконваюць у іх ролю або спакушальніц, або анёлаў. Для пісьменніц другой хвалі фемінізму было важна асэнсаваць сябе праз базавыя для культуры міфы, зацвердзіўшы такім чынам сваю прысутнасць у літаратуры. На думку А. Острыкер, «рэвізіянісцкая

міфатворчасць у жаночай паэзіі – гэта спосаб пераасэнсавання як жанчыны, так і культуры» [11, р. 211]. Даследчыца сцвярджае, што на развіццё жаночай міфатворчасці моцны ўплыў аказалі творчыя пошукі рамантыкаў-рэвізіяністаў (напрыклад, П. Б. Шэлі) і раннія мадэрністы (У. Б. Ейтс, Э. Паўнд, Т. Эліят): жаночы варыянт міфа вырастае як «з таемнай традыцыі жаночай самаабароны і асэнсавання сябе», так і са створанай папярэднікамі міфатворчай сістэмы [11, р. 213]. Аднак згодна з рэвізіянісцкай традыцыяй фемінісцкай крытыкі А. Острайкер шукае не толькі папярэднікаў, але і папярэдніц тых ключавых творцаў, што распрацавалі фемінісцкую міфалагічную плынь у амерыканскай літаратуры. Сярод такіх папярэдніц яна называе паэтак Э. Брэдстрыт (*Anne Bradstreet*) з вершам «У гонар высакароднай і вялікай уладаркі, каралевы Элізабэт» (*In Honour of that High and Mighty Princess, Queen Elizabeth*) і Ф. Уіллі (*Phyllis Wheatley*) з вершам «Ніёба ў жалобе па дзецях, забітых Апалонам» (*Niobe in Distress for Her Children Slain by Apollo*), падкрэсліваючы, што тэма абодвух твораў – пераасэнсаванне дачыненняў паміж жанчынай і ўладай [11, р. 214]. Іх наступнікамі, паводле А. Острайкер, з’яўляюцца М. Этвуд, Э. Рыч, Р. Блау Дзю Плесі, С. Грыфін, Э. Сэкстан, Х. Д. і шэраг іншых паэтак другой паловы XX ст.

Фемінісцкая рэвізія міфа закранае розныя ўзроўні тэксту. Паколькі, як адзначае А. Острайкер, цэнтральнай мэтай рэвізіянісцкай міфатворчасці з’яўляецца абвяржэнне закладзеных у міф гендарных стэрэатыпаў [11, р. 216], найважнейшыя змены адбываюцца на ўзроўні сістэмы вобразаў мастацкага твора. Акцэнт перамяшчаецца з мужчынскіх персанажаў на жаночыя: гэты прыём А. Острайкер называе «ператварэнне Іншага ў Суб’ект» [11, р. 216]. Такі перанос фокуса цягне за сабой змены на ўзроўні аповеду: у паэтычных і празаічных фемінісцкіх пераасэнсаваннях міфа аповед часта вядзецца ад імя міфалагічнай гераіні. Наратар у такім выпадку прапануе сваю версію падзей, якой не было месца ў класічным міфе і якая часта супярэчыць звесткам, пададзеным у ім. Такім чынам, на першы план выходзяць персанажы, якія раней знаходзіліся на перыферыі, і адбываецца дэканструкцыя традыцыйнага сюжэта.

Рэвізіі ў жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. падвяргаюцца не толькі міфы, але і класічныя літаратурныя сюжэты. Так, у рамане 2016 г. М. Этвуд (*Margaret Atwood*) «Ведзьміна насенне» (*Hag-seed*) прапануецца шэраг працягаў п’есы У. Шэкспіра «Бура», адзін з якіх напісаны з фемінісцкіх пазіцый. Гераіня рамана, што выконвае ролю Міранды, надае ёй суб’ектнасць: у прыдуманым працягу п’есы Міранда, якая з дапамогай магіі набывае ўладу над Арызэлем і выкарыстоўвае «сілу багінь» – Ірыды, Цэрэры і Юноны, – ратуе Фердынанда і Праспэра. Такім чынам пісьменніца перастаўляе ў п’есе акцэнты, адводзячы Мірандзе актыўную ролю, што дазваляе ёй дзейнічаць без апоры на мужчынскіх персанажаў, і разбураючы ўсталяваную структуру ўлады, – стыхійная сіла Арызэля аказваецца на яе баку.

Акрамя таго, А. Острайкер выдзяляе чатыры асаблівасці, характэрныя для жаночай рэвізіянісцкай міфатворчасці:

- пісьменніцы-рэвізіяністкі, як метафарычна сцвярджае даследчыца, «ставяцца да існуючых тэкстаў як да слупоў агароджы, што атачае прастору міфалагічнай праўды, аднак ніякім чынам не лічаць, што яны ідэнтычныя гэтай праўдзе» [11, р. 235]. Аднак міфы ўтрымліваюць пэўную інфармацыю, якая можа быць выкарыстана пісьменнікамі, аднак тыя павінны «выцягнуць з іх сэнсы, якія раней былі схаваны, нават увязнены» [11, р. 235];

- рэвізіянісцкая творчасць і міфатворчасць прадугледжвае пераацэнку сацыяльных, палітычных і філасофскіх каштоўнасцей і праз выкрыццё літаратурных канвенцый робіць бачнымі канвенцыі сацыяльныя [11, р. 216]. Адна з каштоўнасцей, да рэвізіі якой часта звяртаюцца пісьменніцы, – імкненне герояў міфаў да несмяротнасці, якое А. Острайкер лічыць вынікам «мужчынскай агрэсіўнасці і прагі кантролю» [11, р. 235];

- у творах пісьменніц-рэвізіяністак адсутнічае настальгія па залатым веку, характэрная для мадэрністаў [11, р. 236]. Як адзначае даследчыца, «рэвізіяністак не хвалюе, ці вымерлі пагоркі Аркадыі» [11, р. 236], бо для творчасці жанчын-пісьменніц мінулае і сучаснасць – гэта адно і тое ж;

- рэвізіянісцкая міфатворчасць і рэвізія як пісьменніцкая стратэгія ў цэлым вымагае ад пісьменніц фармальных эксперыментаў і прадугледжвае адмаўленне ад традыцыйных жанраў, вобразаў і наратываў.

3. Рэвізія жанравай сістэмы. Пошук новых форм выяўлення ў фемінісцкай традыцыі, на думку А. Острайкер, звязаны з тым, што акт рэвізіі дэманструе неадпаведнасць традыцыйных форм і канцэптаў, што асацыіруюцца са стагоддзямі існавання мужчынскай літаратуры, новаму зместу [11, р. 236]. Менавіта таму для жанчын, што пішуць свае творы з фемінісцкіх пазіцый, надзвычай важны жанр як адна з апасродкаваных форм выяўлення аўтарскай пазіцыі ў мастацкім тэксце. На думку С. Ахотнікавай, жанравая сістэма мае гендарнае вымярэнне: у працэсе літаратурнай працы мужчыны і жанчыны не ствараюць новыя жанры, а відазмяняюць наяўныя [14, с. 278]. Трансфармацыя жанчынамі-пісьменнікамі жанраў дазваляе ім змяняць дыскурсіўную прастору і, як піша Э. Грос (*Elizabeth Grosz*), змагацца з абмежаваннямі, якія накладваюць на творцу магчымасці тэксту [15, р. 23].

Жанравая сістэма ў значнай ступені абумоўлена гістарычнымі і культурнымі абставінамі, у якіх яна функцыянуе: побач з універсальнымі жанрамі бытуюць тыя, што, як адзначае В. Халізеў, з’яўляюцца «гістарычна лакальнымі» [16, с. 333]. Як заўважыў Н. Тамарчанка, «у літаратурным жанры бачаць карціну ці *вобраз свету*, што адлюстроўвае пэўнае светабачанне: або традыцыйна-агульнае, або індывідуальна-аўтарскае» [17, с. 366]. Жанравая структура вылучаецца адначасова ўстойлівасцю (ідэя М. Бахціна пра «памяць жанру») і гнуткасцю, і гэту супярэчлівасць М. Бахцін апісаў наступным чынам: «Жанр адраджаецца і абнаўляецца на кожным новым этапе развіцця літаратуры і ў кожным індывідуальным творы гэтага жанру» [18, с. 142]. І таму другая хваля фемінізму, пацягнуўшы за сабой ґрунтоўныя змены ў грамадскім і культурным жыцці і справакаваўшы надзвычайную актыўнасць пісьменніц, прывяла да рэвізіяніскага засваення імя традыцыйнай жанравай сістэмы, свядомай ці несвядомай перапрацоўкі мастацкіх форм з улікам змен, што адбыліся, і разбурэння жанравых абмежаванняў.

У аналізе таго, якім чынам другая хваля фемінізму паўплывала на жанравую сістэму і якім чынам у творах пісьменніц з фемінісцкімі поглядамі адбывалася яе рэвізія, мы будзем выкарыстоўваць тэарэтычную мадэль жанру, распрацаваную Н. Лейдэрманам і апісаную ў кнізе «Тэорыя жанру» (2010) і шэрагу іншых выданняў. Аналізуючы гэту мадэль, А. Падшывалава характарызуе яе як «працоўны інструмент жанравага аналізу ці пэўных жанравых тэндэнцый» [19, с. 10], а У. Казлоў гаворыць пра яе як пра «адзін з найбольш поўных тэарэтычных вопісаў “элементаў жанравай формы” ў творы» [20, с. 508]. Прапанаваную Н. Лейдэрманам мадэль мы суаднясем з асноўнымі кірункамі фемінісцкай думкі і тэарэтычнымі распрацоўкамі даследчыц і такім чынам выдзелім тыя ўзроўні, на якіх жанравая сістэма пад уплывам другой хвалі фемінізму зазнала найбольшыя змены.

Адштурхоўваючыся ад распрацовак Г. Паспелава, Н. Лейдэрман вылучае ў мадэлі жанру план зместу, план структуры і план успрымання, паміж якімі ўсталёўваюцца пэўныя сувязі: «План зместу выступае фактарам у дачыненні да структуры, а план успрымання выступае ў дачыненні да структуры ў якасці чаканага выніку» [21, с. 17]. Жанравы змест, паводле Н. Лейдэрмана, – гэта тэматыка, праблематыка (тып канфлікту), экстэнсіўнасць ці інтэнсіўнасць узнёўлення мастацкага свету і эстэтычны пафас, прычым, як адзначае А. Падшывалава, пералічаныя аспекты «ў розныя эпохі, у жанравых сістэмах розных літаратурных родаў граюць розную ролю» [19, с. 10]. Так, эстэтычны пафас, на думку даследчыцы, мае вялікае значэнне для лірычных і драматычных жанраў, а ў эпічных жанрах на першы план выходзіць тэматыка і праблематыка [19, с. 10].

Гаворачы пра жанравую структуру, Н. Лейдэрман выдзяляе носьбіты жанру, што ўдзельнічаюць у стварэнні мастацкага свету твора. На першае месца даследчык ставіць яго суб’ектную арганізацыю, якая прадвызначае, ад чыйго імя вядзецца апавед і чыя свядомасць праяўлена ў тэксце. З гэтага гледзішча надзвычай важнай робіцца асоба наратара. Другі паводле значнасці носьбіт жанру – прасторава-часавая арганізацыя твора, хранатоп, для прадстаўлення якога выкарыстоўваюцца прасторава-часавыя вобразы. Да іх Н. Лейдэрман адносіць сюжэт, сістэму персанажаў, пейзаж, уводныя эпізоды, партрэт, «апрадмечаныя» з дапамогай тэксту» [21, с. 21]. Трэці носьбіт жанру – асацыятыўны фон, гэта значыць «сігналы дыстанцыяваных сувязей паміж асобнымі элементамі тэксту ці асобнымі вобразамі, заснаваныя на паўтарэнні, падабенстве ці кантрасце» (падтэкст) і «сігналы сувязі паміж вобразамі, увасобленымі ў тэксце, і пазатэкставай рэальнасцю» (звыштэкст) [21, с. 22]. Чацвёрты носьбіт жанру – інтанацыйна-моўная арганізацыя.

План успрымання арыентаваны на досвед чытача. Гэта дазволіла Н. Лейдэрману выдзяліць шэраг жанравых матывіровак, якія дапамагаюць успрымаць твор ва ўсёй яго цэласнасці: прамое жанравае вызначэнне, эпіграф, зачын (у казцы), вынясенне жанравай намінацыі ў заглавак твора і інш. План успрымання, паводле даследчыка, – гэта элементы, «патрэбныя для кіравання чытачом, для правільнай арыентацыі яго ў мастацкім свеце твора» [21, с. 25]. Яркі прыклад жанравай матывіроўкі можна знайсці ў назве аднаго з раманаў М. Этвуд – *The Handmaid’s Tale*, – дзе слова *tale* можа перакладацца і як «расказ», і як «гісторыя», і як «выдумка», і як «казка», з аднаго боку падштурхоўваючы чытача да ўспрымання твора як сведчання відавочцы, а з другога – акцэнтуючы ўвагу на нерэальны, «казачны» характар дзеяння. Такім чынам, назва дае чытачу ўяўленне як пра змештавы кампанент твора, так і пра тып апаведу ў ім.

Пры разглядзе фемінісцкай рэвізіі жанраў найбольшую цікавасць уяўляюць праблемна-тэматычнае поле твора як асноўны элемент жанравага зместу і такія носьбіты жанру, як суб’ектная арганізацыя мастацкага свету (у тым ліку вобраз наратара і асаблівасці апаведу) і сістэма вобразаў, – менавіта з гэтымі элементамі звязаны асноўныя змены, што адбыліся з жанрам у творчасці пісьменніц другой хвалі фемінізму. Прышоўшы ў літаратуру, новае пакаленне жанчын-творцаў пачало ствараць *a literature of their own* – творы на аснове ўласнага, жаночага, досведу. На думку Н. Павалаявай, «прынцыпова важным для развіцця жаночай літаратуры... было знайсці свой голас, свой спосаб мастацкага выяўлення

свайго, жаночага погляду на свет» [22]. Дзякуючы гэтаму і адбылося пашырэнне праблемна-тэматычнага поля літаратуры, што, у сваю чаргу, прывяло да стварэння новых жанравых мадыфікацый. Аналізуючы ў кнізе «Сёстры і незнаёмкі: уводзіны ў сучасную фемінісцкую літаратуру» (*Sisters and Strangers: An Introduction to Contemporary Feminist Fiction*, 1992) жанравую літаратуру, напісаную жанчынамі, П. Данкер (*Patricia Duncker*) гаворыць пра такія жанравыя мадыфікацыі, як фемінісцкая ўтопія (*feminist utopia*), жаночая навуковая фантастыка (*women science fiction*), фемінісцкі раман (*feminist fiction*), адзін з тыпаў палітычнага рамана, і інш. [23, р. 99, 109]. Ва ўсіх гэтых мадыфікацыях на першы план выступае праблемна-тэматычны складнік: нават калі пісьменніцы не пазіцыянуюць сябе як феміністкі, цэнтральнымі для іх твораў робяцца тэмы мацярынства, сексуальнага гвалту, паўсядзённага, «хатняга» жыцця, жаночага вызвалення, палітыкі сексуальнасці і іншыя праблемы, а галоўнымі канфліктамі – канфлікты паміж жанчынамі і мужчынамі, фемінізм і патрыярхат ці паміж жанчынай і жанчынай (жанчынамі).

Рэвізія жанраў на ўзроўні суб'ектнай арганізацыі мастацкага свету твора звязана з выходам на першы план жаночага суб'екта, тым «ператварэннем Іншага ў Суб'ект», пра якое А. Острайкер пісала ў дачыненні да фемінісцкай рэвізіянісцкай міфалогіі. Менавіта таму для пісьменніц і даследчыц другой хвалі фемінізму асаблівае значэнне набывае такі жанр, як жаночая аўтабіяграфія, – традыцыйна жаночы жанр у літаратурным каноне. У кнізе 1987 г. «Жаночы аўтаграф» (*The Female Autograph*) Д. Стантан (*Domna Stanton*) уводзіць паняцце «аўтагінаграфія» (*autogynography*), характарызуючы такім чынам жанр, які адрозніваецца ад традыцыйнай мужчынскай аўтабіяграфіі і, як піша І. Жарэбкіна, робіць акцэнт на «жаночай спецыфічнай суб'ектыўнасці ў аўтабіяграфічным пісьме» [24]. Даследчыцы (І. Жарэбкіна, М. Руткёнен) адзначаюць, што адной з цэнтральных тэм жаночай аўтабіяграфіі з'яўляецца тэма сям'і і паўсядзённага жыцця, і гэта звязана з тым, што сфера прыватнага доўгі час лічылася выключна жаночай і супрацьпастаўлялася мужчынскай сферы – сферы публічнага. Супрацьпастаўленне жаночай паўсядзённасці мужчынскаму свету, на думку І. Жарэбкінай, уплывае на выкарыстанне пісьменніцамі вобразаў, звязаных з кухняй, сямейным побытам, жаночымі і дзіцячымі перажываннямі і хваробамі, – усё гэта «прызнаецца адным са свядомых фемінісцкіх жэстаў жаночага аўтабіяграфічнага пісьма» [24]. Таму ў сучаснай жаночай прозе, як піша М. Руткёнен, часта імітуюцца такія «пазалітаратурныя формы», як дзённікі, лісты ці нататкі [25, с. 13].

Як адну з найважнейшых прыкмет аўтабіяграфічнага пісьма І. Жарэбкіна выдзяляе пісьмо ад першай асобы, якое спалучаецца з апеляцыяй да «прыватнага досведу не як асобнага, а як гendarнага досведу групы» [24], і гэта дае шырокую прастору для мастацкіх абагульненняў. Наяўнасць персаніфікаванай апавядальніцы, якая адначасова з'яўляецца і галоўнай гераіняй твора, вакол якой адбываецца дзеянне, – надзвычай распаўсюджаны тып суб'ектнай арганізацыі жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. Такім чынам жаночы досвед уплывае на тэкстуальныя стратэгіі, і пісьменніца, на думку М. Руткёнен, «атрымлівае магчымасць стварыць сувязь з мовай, грамадствам, якія выпяняюць яе ў прыватную сферу» [25, с. 13]. Даследчыца звязвае частае выкарыстанне аповеду ад першай асобы ў сучаснай жаночай прозе з жаданнем пісьменніц завалодаць пазіцыяй суб'екта [25, с. 14] і адваіваць сабе месца ў літаратурным каноне, дзе доўгі час вобраз жанчыны ствараўся пераважна аўтарамі-мужчынамі.

Спецыфічная суб'ектная арганізацыя жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст. патрабуе сваіх наратыўных стратэгій. Так, І. Жарэбкіна гаворыць пра эмацыянальную паслядоўнасць, якая ў жаночай аўтабіяграфіі замяняе часавую наратыўную паслядоўнасць; паводле даследчыцы, «падзейнасць “вялікай гісторыі” замяняецца жаночай унутранай “афектаванай гісторыяй”» [24], што, у сваю чаргу, уплывае на кампазіцыю твора. Адсутнасць лінейнага аповеду, фрагментарнасць і эпізоднасць у сучаснай жаночай прозе адзначае таксама М. Руткёнен [25, с. 13].

Сістэма вобразаў у літаратуры другой хвалі фемінізму з яе засяроджанасцю на жаночым досведзе таксама перажывае істотныя змены: ключавымі персанажамі ў творах аказваюцца пераважна жанчыны. Жаночая літаратура другой паловы XX – пачатку XXI ст. прадстаўляе цэлую галерэю жаночых вобразаў, якія не маглі з'явіцца раней. Вырашальным для выдзялення такой жанравай мадыфікацыі, як жаночы дэтэктыўны раман (*women crime fiction*), можа быць вобраз галоўнай гераіні-дэтэктыва, для фемінісцкай утопіі ці антыўтопіі – вобраз жаночага грамадства ці супольнасці са сваімі спецыфічнымі праблемамі.

Такім чынам, рэвізія з'яўляецца як крытычнай стратэгіяй для даследчыц літаратуры другой хвалі фемінізму, так і творчай стратэгіяй для пісьменніц гэтага часу. Крытычны рэвізіянізм прадугледжвае пераасэнсаванне гісторыі і тэорыі літаратуры, пераацэнку літаратурнага канона, у якім улічваецца толькі мужчынскі досвед, і актуалізацыю твораў пісьменніц-папярэдніц, аналіз творчасці якіх дазваляе ўмацаваць пазіцыі сучасных жанчын-аўтараў. Важную ролю ў фемінісцкіх даследаваннях выконвае і самарэвізія, якая дазваляе крытычна ставіцца да папярэдніх дасягненняў і ўключаць у даследчы

кантэкст досвед усё шырэйшага кола жанчын. Творчая рэвізіянісцкая стратэгія жанчын-пісьменніц другой паловы XX – пачатку XXI ст. прадугледжвае рэвізію мовы («жаночае пісьмо»), кананічных сюжэтаў (міфаў, якія ляжаць у аснове заходняй культуры, класічных літаратурных сюжэтаў) і жанравай сістэмы літаратуры. Найбольшыя змены пад уплывам другой хвалі фемінізму зазнаюць такія элементы жанравай формы і зместу, як праблемна-тэматычнае поле твора (пошук жанчынамі-пісьменніцамі ўласнага голасу і апеляцыя да свайго досведу, які не мог быць асэнсаваны ў мужчынскай літаратуры), суб'ектная арганізацыя мастацкага свету (змаганне за ўласную суб'ектнасць у літаратуры і зварот у мастацкіх творах да сферы прыватнага, што ўплывае на стварэнне вобраза нарацара, асаблівасці аповеду і кампазіцыі) і сістэма вобразаў (вывядзенне на першы план гераінь жаночага полу).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гапова Е. Классы наций: феминистская критика нациостроительства. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
2. Бурзыньска А. Фемінізм / пер. М. Пушкінай // Бурзыньска А., Маркоўскі М. П. Тэорыі літаратуры XX ст. Мінск, 2017. С. 407–456.
3. Greene G. Changing the Story: Feminist Fiction and the Tradition. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1991.
4. A History of Feminist Literary Criticism / ed. by G. Plain, S. Sellers. New York : Camb. Univ. Press, 2007.
5. Гранкина Е. В. Творчество Д. К. Оутс в аспекте феминистской литературной критики // Американистика как предмет научного познания : материалы II Междунар. науч. конф. (Минск, 12–14 мая 2004 г.). Минск, 2006. С. 32–36.
6. Revise [Electronic resource] // English Oxford Living Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/revise> (date of access: 20.10.2017).
7. Seamon H. Revision // Encyclopedia of Feminist Literary Theory. Abingdon, 2009. P. 490–493.
8. Рыч Э. Калі мы, мёртвыя, прачнёмся: пісьмо як рэ-візія [Электронны рэсурс] / пер. Ю. Цімафеевай. URL: <http://prajdzisvet.org/texts/prose/kali-myi,-myortvyya,-prachnemsya-pismo-yak-re-viziya.html> (дата звароту: 20.10.2017).
9. Feterley J. The Resisting Reader. A Feminist Approach to American Fiction. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1978.
10. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 2000.
11. Ostriker A. S. Stealing the Language. The Emergence of Women's Poetry in America. Boston : Beac. Press, 1987.
12. Showalter E. Feminist Criticism in the Wilderness // Crit. Inq. 1981. Vol. 8, № 2. P. 179–205.
13. Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. Харьков ; СПб., 2001. Ч. 2 : Хрестоматия. С. 799–821.
14. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе : в 2 ч. Иваново, 2002. Ч. 2. С. 273–279.
15. Grosz E. Space, Time and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. New York : Routledge, 1995.
16. Хализев В. Е. Жанры // Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 333–355.
17. Хамарченко Н. Д. Универсальная модель жанровой структуры // Теория литературы : в 2 т. М., 2004. Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. С. 363–368.
18. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963.
19. Подшивалова Е. А. Категория жанра в понимании Н. Л. Лейдермана // Филол. класс. 2015. № 1 (39). С. 7–11.
20. Козлов В. [Рецензия] // Вопр. лит. 2012. № 4. С. 506–509. Рец. на кн.: Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург : УГПУ, 2010.
21. Лейдерман Н. Л. Теоретическая модель жанра // Практикум по жанровому анализу литературного произведения. Екатеринбург, 1999. С. 16–26.
22. Павалеева Н. Ангельская жаночая проза: этапы гісторыі [Электронны рэсурс] / пер. Ю. Цімафеевай. URL: <http://prajdzisvet.org/articles/critique/angelskaya-zhanochaya-proza-etapyi-gistoryii.html> (дата звароту: 20.10.2017).
23. Duncker P. Sisters and Strangers. An Introduction to Contemporary Feminist Fiction. Oxford : Blackwell Pub, 1992.
24. Жеребкина И. Феминистская литературная критика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
25. Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филол. науки. 2000. № 3. С. 5–17.

References

1. Gapova E. [Feminist critics of nation-building]. Moscow : Novoe lit. obozr., 2016 (in Russ.).
2. Burzyńska A. [Feminism]. In: Burzyńska A., Markowski M. P. *Tjeoryi litaratury XX st.* [XX century literary theories]. Minsk, 2017. P. 407–456 (in Belarus.).
3. Greene G. Changing the Story: Feminist Fiction and the Tradition. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1991.
4. Plain G., Sellers S. (eds). A History of Feminist Literary Criticism. New York : Camb. Univ. Press, 2007.
5. Grankina E. V. [J. C. Oates works in the aspect of feminist literary critics]. In: *Amerikanistika kak predmet nauchnogo poznaniya* [American studies as a subject of scientific knowledge] : mater. of II Int. sci. conf. (Minsk, 12–14 May, 2004). Minsk, 2006. P. 32–36 (in Russ.).
6. Revise. In: *English Oxford Living Dictionary*. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/revise> (date of access: 20.10.2017).
7. Seamon H. Revision. In: *Encyclopedia of Feminist Literary Theory*. Abingdon, 2009. P. 490–493.
8. Rich A. [When we dead awaken: writing as re-vision]. URL: <http://prajdzisvet.org/texts/prose/kali-myi,-myortvyya,-prachnemsya-pismo-yak-re-viziya.html> (date of access: 20.10.2017) (in Belarus.).

9. Feterley J. The Resisting Reader. A Feminist Approach to American Fiction. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1978.
10. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 2000.
11. Ostriker A. S. Stealing the Language. The Emergence of Women's Poetry in America. Boston : Beac. Press, 1987.
12. Showalter E. Feminist Criticism in the Wilderness. *Crit. Inq.* 1981. Vol. 8, No. 2. P. 179–205.
13. Cixous E. [Laugh of the medusa]. In: *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Kharkiv ; Saint Petersburg, 2001. Part 2 : [Anthology]. P. 799–821 (in Russ.).
14. Okhotnikova S. [Gender studies in literary criticism: problems of gender poetics]. In: *Gendernye issledovaniya i gendernoe obrazovanie v vysshei shkole* [Gender studies and gender education in a higher school]. Ivanovo, 2002. Part 2. P. 273–279 (in Russ.).
15. Grosz E. Space, Time and Perversion: Essays on the Politics of Bodies. New York : Routledge, 1995.
16. Halizev V. E. [Genres]. In: *Teoriya literatury* [Literary theory]. 4th ed. Moscow, 2007. P. 333–355 (in Russ.).
17. Tamarchenko N. D. [Universal model of genre structure]. In: *Teoriya literatury* [Literary theory] : in 2 vols. Moscow, 2004. Vol. 1 : [The theory of artistic discourse. Theoretical poetics]. P. 363–368 (in Russ.).
18. Bahtin M. M. [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow : Sov. pis., 1963 (in Russ.).
19. Podshivalova E. A. [Category of genre within the speculation of N. L. Lejderman]. *Filol. kl.* [Philol. cl.]. 2015. No. 1 (39). P. 7–11 (in Russ.).
20. Kozlov V. [Review]. *Vopr. lit.* [Lit. issues]. 2012. No. 4. P. 506–509. Rev. on the book: Lejderman N. L. [Genre Theory]. Yekaterinburg : USPU, 2010 (in Russ.).
21. Lejderman N. L. [Theoretical model of genre]. In: *Praktikum po zhanrovomu analizu literaturnogo proizvedeniya* [Practical course on genre analysis of literary work]. Yekaterinburg, 1999. P. 16–26 (in Russ.).
22. Pavaljaeva N. [English woman prose: stages of history]. URL: <http://prajdzisvet.org/articles/critique/angelskaya-zhano-chaya-proza-etapyi-gistoryii.html> (date of access: 20.10.2017) (in Belarus.).
23. Duncker P. Sisters and Strangers. An Introduction to Contemporary Feminist Fiction. Oxford : Blackwell Pub, 1992.
24. Zherebkina I. [Feminist literary critics]. URL: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (date of access: 20.10.2017) (in Russ.).
25. Rjutkijonen M. [Gender and literature: problem of women's writing and women's reading]. *Filol. nauki* [Philol. sci.]. 2000. No. 3. P. 5–17 (in Russ.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 03.10.2017.
Received by editorial board 03.10.2017.

УДК 821.161.1

ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Н. КРУПИНА

А. А. КАБЫЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется продолжение традиций почвеннической прозы русского зарубежья первой волны эмиграции в творчестве современного автора В. Н. Крупина. Сопоставляются произведения В. Н. Крупина «Крестный ход», «Сергий Радонежский», «Афон» с произведениями И. С. Шмелева «Богомолье» и Б. К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» и «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» соответственно. Сделан вывод о том, что при описании паломнического похода и И. С. Шмелев, и В. Н. Крупин стремятся максимально приблизить традиционный литературный вид (повесть) к путевому очерку. Отмечено, что при обращении к повести (Б. К. Зайцев) и рассказу (В. Н. Крупин) авторы активно используют структурные элементы канонического жития святых. Утверждается, что и в творчестве представителей русского зарубежья первой волны эмиграции, и в произведениях В. Н. Крупина традиционные литературные виды – повесть, рассказ – приобретают специфические черты путевых очерков, житий, тем самым подчеркивается идейное содержание и более точно раскрывается православная тематика.

Ключевые слова: почвенничество; православие; литературный вид; повесть; путевой очерк; рассказ; житие; идея; стиль; паломническая проза.

ПОЧВЕНІЦКІЯ ТРАДЫЦЫІ ПЕРШАЙ ХВАЛІ РУСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ Ў ТВОРЧАСЦІ У. М. КРУПІНА

А. А. КАБЫЛКОВА^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца працяг традыцый почвеніцкай прозы рускага замежжа першай хвалі эміграцыі ў творчасці сучаснага аўтара У. М. Крупіна. Супастаўляюцца творы У. М. Крупіна «Хрэсны ход», «Сергій Раданежскі», «Афон» з творамі І. С. Шмялёва «Багамолле» і Б. К. Зайцава «Прападобны Сергій Раданежскі» і «Святая зямля. Там, дзе прайшлі ступні Яго» адпаведна. Зроблена выснова аб тым, што пры апісанні паломніцкага паходу і І. С. Шмялёў, і У. М. Крупін імкнуцца максімальна наблізіць традыцыйны літаратурны від (апавесць) да падарожнага нарыса. Адзначана, што пры звароце да апавесці (Б. К. Зайцаў) і апавядання (У. М. Крупін) аўтары актыўна выкарыстоўваюць структурныя элементы кананічнага жыцця святых. Сцвярджаецца, што і ў творчасці прадстаўнікоў рускага замежжа першай хвалі эміграцыі, і ў кнігах У. М. Крупіна традыцыйныя літаратурныя віды – апавесць і апавяданне – набываюць рысы, спецыфічныя для падарожнага нарыса, жыцця, тым самым падкрэсліваецца ідэйны змест і больш дакладна раскрываецца праваслаўная тэматыка.

Ключавыя словы: почвеніцтва; праваслаўе; літаратурны від; апавесць; падарожны нарыс; апавяданне; жыццё; ідэя; стыль; паломніцкая проза.

Образец цитирования:

Кабылкова А. А. Почвеннические традиции первой волны русской эмиграции в творчестве В. Н. Крупина // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 40–48.

For citation:

Kabylkova A. A. Nativism traditions of the first wave of Russian emigration in the works by V. N. Krupin. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 40–48 (in Russ.).

Автор:

Александра Александровна Кабылкова – аспирантка кафедры русской литературы филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Скоропанова.

Author:

Aliaksandra A. Kabylkova, postgraduate student at the department of Russian literature, faculty of philology.
7193620@tut.by

NATIVISM TRADITIONS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE WORKS BY V. N. KRUPIN

A. A. KABYLKOVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the preserving of nativism traditions of Russian-language literature abroad during the first wave of emigration in the creative work of the modern writer V. N. Krupin. There were compared the works of some writers: V. N. Krupin and I. S. Shmelev («Religious procession» and «Pilgrimage»), V. N. Krupin and B. K. Zaytsev («Sergiy Radonezhskiy» and «The Reverend Sergiy Radonezhskiy», «The Holy Mt. Athos» and «The Holy Earth. There, where His foots step»). The author makes the conclusion that by the using of the traditional kind of genre (narrative) to describe the pilgrim campaign the both authors – I. S. Shmelev and V. N. Krupin attempt to rich the aim to do the narrative closer as much as possible to the travel notes. Also by the examination of the genre – the narrative (by B. K. Zaytsev) and short story (by V. N. Krupin) it was found that the authors often used the structure elements of canonical hagiography. So, it may be assumed that in the creative work of representatives of Russian-language literature abroad during the first wave of emigration and of V. N. Krupin as well the traditional literary genres of narrative, short story obtain the specific marks of the travel notes and hagiographies, thereby they underline the main ideas and disclose orthodox themes.

Key words: nativism trend; Orthodoxy; literary genre; narrative; travel notes; short story; hagiography; idea; style; pilgrimage prose.

Сегодня творчество Владимира Николаевича Крупина – это то связующее звено между русской классикой середины XX в. и литературой XXI в., которое позволяет сохранить лучшие традиции прошлого и способствует развитию литературы в современных условиях. Верный идеалам добра, красоты, честности, веры, в первые десятилетия XXI в. В. Н. Крупин выступает с открытой проповедью православных духовно-нравственных ценностей. Наличие литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству В. Н. Крупина, доказывает, что его произведения актуальны и значимы в мире литературы. Среди наиболее авторитетных исследований можно отметить работы Н. А. Сатаевой «Современная советская проза 60–70-х гг. и народно-смеховые традиции» (1986), Л. Н. Скаковской «Проза В. Крупина (проблематика и поэтика)» (1994), Н. Л. Федченко «Тенденции жанрово-стилевого развития повести 90-х годов (В. Крупин, Л. Бородин, В. Нарбикова)», С. В. Беловой «Своеобразие художественно-публицистической манеры Владимира Крупина» (2004), Т. В. Коршуниковой «Жанровые модификации в творчестве В. Н. Крупина», О. В. Рыбак «Художественная концепция личности в творчестве В. Н. Крупина» (2009). Произведения 2010-х гг. еще недостаточно изучены филологической наукой, хотя обладают несомненной эстетической значимостью, способствуют национально-религиозному возрождению, а из-под пера писателя выходят все новые произведения, в большинстве случаев остающиеся неисследованными.

Идейно-философской основой творчества В. Н. Крупина является почвенничество, главная идея которого заключается в утверждении об особой «национальной почве» как фундаменте общественно-политического и духовного развития России. Такой «почвой», по мнению идеологов почвенничества, становятся идеалы и ценности православия, противостоящие прагматизму западной цивилизации.

Берущее начало в произведениях Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, в послереволюционный период почвенничество было признано реакционным, его запретили, поэтому возможность открыто поддерживать данную традицию оставалась лишь у писателей русского зарубежья. Ее продолжали И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, частично И. А. Бунин.

Как отмечает А. Ю. Горбачев, после 1917 г. вместе с так называемыми пережитками прошлого стала истребляться и духовная опора русского народа – православие [1]. Уже находясь за рубежом, писатели почвеннической ориентации обращаются к теме веры и ее значимости в жизни человека. Дистанция между описываемыми реалиями и временем создания произведения накладывает определенный отпечаток на стиль. В текстах появляется больше оценочных характеристик, элементов психологизма, ведь писатели вспоминают то, что для них особенно дорого, важно, рассуждают о пути нравственного спасения далекой родины.

Христианские ценности были духовно-нравственным ориентиром на всех этапах творчества и нашего современника В. Н. Крупина. Несмотря на то, что с открытой проповедью православия писатель получил возможность выступать только с 1990-х гг., православная символика и образность присущи и более ранним его произведениям. В начале XXI в. В. Н. Крупин широко и активно использует в своем творчестве религиозные мотивы. Подобно И. С. Шмелеву и Б. К. Зайцеву, В. Н. Крупин все чаще повествует о жизни верующих, их идеалах, подробно рассматривает православную обрядность.

В 1931 г. в Белграде впервые была опубликована повесть И. С. Шмелева «Богомолье». В книге описывается поездка мальчика Вани в Троице-Сергиеву лавру – древнерусский монастырь, основанный Сергием Радонежским. Подобное описание находим и в повести В. Н. Крупина «Крестный ход» (1994). При анализе произведения будем придерживаться позиции А. Н. Безрукова, трактующего повесть как «вид эпического произведения средней или большой формы, построенного в виде повествования о событиях в их естественной последовательности» [2, с. 47]. Однако В. Н. Крупин, отвечая на наше письмо, подчеркивал, что «“Крестный ход” никакая не повесть, путевой очерк. Ценен фактологией – так было. Шли, было нас двести человек, сейчас идет по 60–80 тысяч»¹. Автор смешивает виды литературы и журналистики, подчеркивая особую актуальность и социальную значимость событий, описываемых в произведении. Принимая своеобразную формулировку автора, можно отметить, что и повесть И. С. Шмелева похожа на путевой очерк. Согласно Г. В. Колосову путевой очерк – это «художественно-публицистическая модель реального мира. Причем окружающая действительность в нем должна не просто фиксироваться, а изображаться зримо, в образах. Очеркист, придерживаясь фактической основы, моделирует своим воображением картину “кусочка жизни”» [3, с. 14].

К путевому очерку повести приближаются также благодаря автобиографическим образам нарратора. У В. Н. Крупина события описываются с точки зрения взрослого богомольца, который не в первый раз участвует в крестном ходе, у него есть определенный жизненный опыт, четкая позиция относительно многих вопросов веры, культуры, политики. Читатель знакомится с достаточно обоснованным мнением относительно многих вопросов. Повествование в произведении И. С. Шмелева «Богомолье» ведется от имени мальчика Вани, будущего писателя. Такая позиция выбрана неслучайно, ведь именно ребенок может максимально искренне и открыто воспринимать окружающий мир. И если взрослые идут к исповеди и причастию, то для светлой детской души важно получить наставление и благословление старца Варнавы Гефсиманского.

В повести «Крестный ход» В. Н. Крупин детально описывает не только подробности шествия к святыне, но и рассказывает о попутчиках, людях, идущих к Велікоресецкой купели. Хотя автор оговаривается о том, что перед ним нет цели изучить психологию этих людей (*Я упрекаю себя, что встраиваю старух в рассказы, это нехорошо. Не изучаю же я, в самом деле, психологию и характеры идущих на Великую, сам иду* [4, с. 377]), образы получаются яркими и завершенными. В повести И. С. Шмелева мы также видим целую галерею образов русских людей, которые идут к святыне.

Оба писателя отмечают, что к истинной вере в Бога приходят люди, совершенно непохожие друг на друга по социальному положению, возрасту, роду деятельности. Так, в повести И. С. Шмелева в один ряд ставятся и достаточно обеспеченная семья Вани, и простой работник Федя, и мастер Аксенов, и больной Михаил. В произведении В. Н. Крупина также подчеркивается, что православные святыни одинаково важны для разных людей: в Великой Пасхе принимают участие и простые сельские жители, и городская интеллигенция (*...врач Нина, Наташа, преподаватель института, и я. Еще вперед ушли наши знакомые, ученые-физики из Обнинска, Алексей и Николай, и Люда, музейный работник* [4, с. 332]; *...подходит мужчина, представляется историком* [4, с. 374]). Также ни В. Н. Крупин, ни И. С. Шмелев не делят богомольцев по возрасту, при этом молодежь всегда следует рядом с людьми постарше: *Впереди бегут, прискакивают две девчушки Маша и Надя. Это какие же родители родили таких неугомонных, откуда только в них силы – все бегом, все вприпрыжку. А ведь скоро третий день, как идем с ночи до ночи* [4, с. 396]. У И. С. Шмелева связь поколений (Ваня – Горкин, Домна Панферовна – Аня) – это основа повествования. Писатели искренне радуются тому, что православие объединяет поколения русских людей, связывает прошлое, настоящее и будущее.

Мы видим единение не только современных авторов поколений, но и людей из разных эпох. Даже время не способно изменить веру. Несмотря на прогресс, социальные перемены, научное развитие православные традиции неизменны. Как отмечает В. Н. Крупин, люди эти традиции чтут и продолжают, сохраняя их в том же виде, что и прежде: *Точно так же, и по этим самым местам, и сто, и двести, и триста лет назад шли такие же богомольцы и точно так же воспевали славу Николаю Мирликийскому чудотворцу* [4, с. 373]. Люди верят в Бога, стремятся к пониманию основ христианства. При этом не всегда важно то, насколько это будет соответствовать канону. Верующие не обладают определенными знаниями, но их душа стремится к духовности. Те, кто знает больше, помогают тем, кому этих знаний не хватает.

Обе повести пронизаны оптимизмом и особой душевной теплотой. Авторы показывают удивительную силу духа, жизнелюбие русских людей, прежде всего женщин. Неизменно радостное восприятие жизни – следствие глубокой веры в Бога: *Любое препятствие, любую неприятность, трудность, они воспринимают с радостью, как заслуженное наказание* [4, с. 364]. Уныние, один из смертных

¹ Письмо В. Н. Крупина А. А. Кабылковой от 25 июня 2017 г. (личный архив автора).

грехов, не свойственно героям произведений. Героиня повести И. С. Шмелева старушка мать больного Михаила верит, что сын поправится, Горкин в утешение говорит, что по вере и дается, а у Господа нет конца милосердию [5, с. 431].

Герои В. Н. Крупина также не поддаются унынию, но их размышления касаются не только личной жизни, но и будущего всего государства: *Зачем ныть? Что толку? Не мы ли своим нытьем о том, что Россия гибнет, помогли ее гибели? То-то злорадства было врагам: глядите, кричали они, эти русские сами говорят, что гибнут!* [4, с. 366]; *Нытье, стоны, уныние – все это грехи. И не воображай, что ты спасаешь весь народ. Как батюшка Амвросий говорил? «Знай себя и будет с тебя»* [4, с. 365]. Пока люди молятся, пока живо православие, по убеждению В. Н. Крупина, Россия не погибнет: *Молитвы не вывезти, душу не убить – бессмертна Россия*¹ [4, с. 366].

Цель пути у героев И. С. Шмелева и В. Н. Крупина одна – покаяние, очищение душ. Горкин говорит: *У Бога все хорошее, все-то новенькое да чистенькое, как те досточка строгана... а сами себя поганям! Всякая душа, ну... как цветик полевой-духовитый. Ну, она, понятно, в баньку духовную, во глагольную, как в Писаниях писано: «В баню водную, во глагольную!» Потому и идем к преподобному – пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи-вони...* [5, с. 432]. За покаянием и очищением идут и герои В. Н. Крупина: *Родина моя, родные мои люди идут к твоему святому месту в Великорекское. За чем идут? За тем, чтоб еще на год сжалился Господь и дал хоть малое, незаслуженное нами, благоденствие* [4, с. 354].

При описании пути персонажей к святыням в обоих произведениях особое внимание уделяется красоте родной природы. Так, в повести И. С. Шмелева находим следующее описание: *Небо – как на святых картинках, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая* [5, с. 419]. Живя далеко от Родины, писатель с особой нежностью вспоминает русскую природу. При этом подчеркивается не просто факт существования конкретных объектов по пути в монастырь, а особое настроение, которое вызывает окружающая путников природа.

Подобным светлым, радостным настроением пронизаны и зарисовки В. Н. Крупина: *Марево исчезло, четкий зеленый лес манит прохладой, озими мешают изумрудный блеск с серебряными пятнами, а пятна бегут по зелени, как ягнята. Вверху лучезарно, сияет светлое, нежаркое солнце, растворяет голубые небеса. Деточки защелбтали, вон девочка отбежала за цветочками, мальчики затеяли возню. Так что же лучше?* [4, с. 349]. Подробные описания природы создают особую атмосферу предстоящего праздника встречи со святым местом. Это чувство одинаково воплощается в обеих повестях, потому что оба автора, во-первых, глубоко верующие люди, во-вторых, являются настоящими патриотами. Кроме того, писатели осознают, что эта красота, возможно, на грани исчезновения. Оба автора видят перемены в жизни государства, однако неясно, к чему эти перемены могут привести, останется ли нетронутым то, что так дорого русским людям. Вероятно, поэтому картины природы подаются так развернуто и ярко.

Фундаментальными нравственными понятиями, разрабатываемыми в рассматриваемых произведениях, являются понятия веры и святости. Писатели подчеркивают значимость православной веры в жизни русского человека. Кроме уважения к традициям прошлого, честности, любви, веры, ответственности в систему нравственных ценностей И. С. Шмелева и В. Н. Крупина входят такие понятия, как доброта, альтруизм, отзывчивость, бескорыстие.

Сравнив повести И. С. Шмелева «Богомолье» и В. Н. Крупина «Крестный ход», можем сделать вывод о том, что оба произведения имеют ряд схожих черт, приближающих их к путевым очеркам: описывается ряд встреч, событий, произошедших по дороге к определенному объекту; повестям присущи конкретный хронотоп, четкая локализация пространства и времени, автобиографичность, фиксация впечатлений, социальных традиций русского народа. Помимо видовой общности можно отметить и идейную близость данных рассмотренных произведений: они имеют похожие образы, сюжеты, темы, стилистику.

При сопоставлении творчества В. Н. Крупина и писателей первой волны русского зарубежья нельзя не отметить и произведения, основанные на житийных сюжетах. Так, можно провести аналогию между повестью Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» (1925) и произведением В. Н. Крупина «Сергий Радонежский» (2014) из цикла «Рассказы о русских святых».

Названный цикл состоит из 26 рассказов, посвященных жизни канонизированных Русской православной церковью святых. В каждом из произведений есть описание жизни святого, его духовного подвига, значения деятельности в истории России и краткое обобщение – «Основные события жизни». Тексты сопровождаются иллюстрациями храмов, исторических мест, связанных с деятельностью свя-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии. – А. К.

того, фотографиями фресок, икон, картин с его изображением. Каждый рассказ посвящен не только описанию жизненного и духовного пути святого, но и определенной добродетели, воплощением которой является герой. Писатель объединяет структурные элементы традиционного жития и современной художественной литературы, что позволяет создать более объемные, яркие образы.

Прибегая к синтезу элементов светской и религиозной литературы, В. Н. Крупин продолжает традиции, заложенные в 1920-х гг. Б. Зайцевым в жизнеописании преподобного Сергия Радонежского. Оба писателя придерживаются канонической структуры жития: рождение в семье благочестивых родителей, отсутствие интереса к детским играм, монашество, основание обители, благочестивая смерть, посмертные чудеса.

Описывая одни и те же события, писатели разных эпох предлагают собственные, во многом схожие, варианты видения жития преподобного Сергия Радонежского. Для более удобного восприятия текстов оба автора используют простые синтаксические конструкции, несложную, понятную лексику. Для повести Б. К. Зайцева характерны описания природы, философские рассуждения. Размышлениями о судьбе Руси и влиянии на нее преподобного Сергия Радонежского дополняет свой рассказ и В. Н. Крупин.

Жизнь героя в обоих произведениях на первый взгляд кажется обыкновенной, незамысловатой. Однако духовный подвиг святого, сила его молитвы неизмеримы. Несколько идеализируя события, и Б. К. Зайцев, и В. Н. Крупин во многом объясняют победу на Куликовом поле именно молитвенной помощью Сергия Радонежского. Образ святого в обоих произведениях раскрывается в изображении постепенного, органичного восхождения к святости. Ссылаясь на Б. К. Зайцева, О. Михайлов отмечает: «Жизнь Сергия дает образ постепенного, ясного, внутренне здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем органично» [6, с. 15].

В целом святые у В. Н. Крупина – неотъемлемая часть духовной истории России, ее аксиологические ориентиры. В своем восприятии личностей святых писатель близок к Б. К. Зайцеву, который отмечал особую типичность святых – *сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда любовь и поклонение в России* [7, с. 186]. И если Б. К. Зайцев стремился показать это сочетание в одном образе, то В. Н. Крупин создал коллективный портрет в целом цикле рассказов о жизни святых. Являясь носителями лучших человеческих качеств, истинного христианства, святые в произведениях обоих писателей учат верующих быть такими же, воспитывать в себе православные добродетели.

По Крупину, важнейшими чертами характера православного человека являются мудрость и справедливость, как у княгини Ольги, трудолюбие, как у князя Владимира Ясное Солнышко, смирение и почитание старших, как у святых страстотерпцев Бориса и Глеба, образованность, как у Нестора Летописца, любовь к ближнему, как у Петра и Февронии Муромских, молитвенность, как у Сергия Радонежского, ответственность, как у Тихона Калужского, оптимизм, как у святого старца Амвросия Оптинского.

Для создания образа Сергия Радонежского оба писателя использовали первое житие святого, написанное Епифанием и обработанное сербом Пахомием. При этом Б. К. Зайцев изображает многогранность характера преподобного: *Он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим – немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере* [6, с. 84]. В свою очередь, В. Н. Крупин акцентирует внимание на одной черте – молитвенности: *Чтобы представить себе, что такое святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в Лавру преподобного Сергия* [8, с. 154]. Главным достижением Сергия Радонежского, по мнению В. Н. Крупина, является то, что святой *спас Россию. И спасает ее. Как? Своими молитвами* [8, с. 155]. Игумен Иларион (Алфеев) определил сущность молитвы так: *это беседа с Богом, встреча с Ним, это диалог, который предполагает не только наши слова, обращенные к Богу, но и ответ Бога. Поэтому очень важно, чтобы мы умели не только говорить, но и молчать, чтобы мы умели вслушиваться в те глубины Божии, которые открываются нам через молитву* [9].

И В. Н. Крупин, и Б. К. Зайцев подчеркивают, что Сергей Радонежский является учителем для последующих поколений православных. Так, Б. К. Зайцев обращает внимание на духовное наследие, о котором важно напомнить в сложный для страны период: *Автору казалось, что сейчас особенно уместен опыт – очень скромный – вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя и провести читателя чрез ту особенную, горную страну, где он живет, откуда светит нам немеркнущей звездой* [6, с. 20]. Роль Сергия Радонежского в распространении православия на Руси подчеркивает В. Н. Крупин: *Всего преподобным Сергием и его учениками основано около семидесяти монастырей* [8, с. 175]. Даже после смерти святого сила православной молитвы Сергия Радонежского помогает верующим: *Какое счастье, что у нас такой небесный защитник, ангел Русской земли, нашей любимой России* [8, с. 173].

Как отмечал О. Михайлов, «пережитое, страдания и потрясения вызвали в Зайцеве религиозный подъем. С этой поры он жил и писал при свете Евангелия» [6, с. 13]. Для В. Н. Крупина тема право-

славия всегда была актуальна, несмотря на то, что большинство текстов православной направленности появились лишь после изменения ситуации в государстве и появления возможности открыто говорить о религии. Сам писатель отмечал: «Я всегда был православным, всегда в доме была икона. И это стало моим навсегда»¹. Неслучайно темы произведений В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева перекликаются. Источником вдохновения для обоих авторов становится среди прочего гора Афон. Святому месту посвящены повесть Б. К. Зайцева «Афон» (1928) и две книги В. Н. Крупина: «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» (2009) и «Святой Афон. Сердце православия» (2015).

Повесть Б. К. Зайцева автобиографична. Из предисловия мы узнаем, что писатель *провел на Афоне семнадцать незабываемых дней. Живя в монастырях, странствуя по полуострову на муле, пешком, плывя вдоль берегов его на лодке, читая о нем книги, я старался все, что мог, вобрать. Ученого, фило-софского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только* [6, с. 94]. Также конкретно Б. К. Зайцев говорит и о цели своей работы: *В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал. Повторяю, сама тема огромна. Я же ставлю себе весьма ограниченную задачу* [6, с. 94]. Родственную цель преследует и В. Н. Крупин, создавая сборник «Святая земля. Там, где прошли стопы его».

В книге В. Н. Крупина «Святой Афон. Сердце православия» собрана информация об истории и современном состоянии Афона. Писатель выступает не только как паломник, но и как исследователь святого места. Не лишённое эмоциональной художественной оценки автора, повествование наполнено конкретными историческими фактами, цифрами. В сборнике очень много внетекстовых элементов: фото, иллюстраций, текстов молитв, высказываний афонских старцев. В конце книги приводится библиография, в которой автор перечисляет 50 источников, в которых можно найти информацию об Афоне. Среди научных трудов, работ церковных деятелей, православных календарей, словарей, энциклопедий находим и ссылку на повесть Б. К. Зайцева. История Афона в книге В. Н. Крупина сопровождается размышлениями автора о вере, православии, святости, потому что просто констатировать факты, не выражая своего искреннего восхищения, писатель не может: *Был ли ты или не был на Афоне, все равно при этом слове слышится небесный звук чистой молитвы* [10, с. 6].

Если сравнивать произведения писателей об Афоне, то, на наш взгляд, больше оснований проводить параллель между повестью В. Н. Крупина «Афон» и сборником очерков Б. К. Зайцева «Святая земля. Там, где прошли стопы Его». Произведения можно отнести к паломнической прозе. Паломничество как общественное явление появилось на Руси одновременно с христианством. Древнейшим и наиболее известным описанием паломничества в Святую землю является «Хождение» игумена Даниила, побывавшего в Константинополе и Святой земле в 1106–1107 гг. Это сочинение послужило образцом для всех последующих произведений жанра паломнической литературы. Паломничеству в Святую землю и Афон посвящены книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Муравьева, «Странствия по Афону и Святой земле» П. Агеева, «Восемь дней на Афоне» А. Громова, «Пять дней на Святой земле и в Иерусалиме в 1857 году» А. Капустина, «Святой таинственный Афон» Г. Юдина.

Описания паломничества и у Б. К. Зайцева, и у В. Н. Крупина ведутся от первого лица, образы нарраторов автобиографичны – это глубоко верующие, начитанные, образованные люди. Интересно сравнить организацию паломничества с разницей в 100 лет. У Б. К. Зайцева это долгая, утомительная дорога морем после передвижения где-то пешком, где-то *на скромном животном, осторожно перебиравшем ногами с маленьким копытцами* [6, с. 27]. В повести В. Н. Крупина описывается паломничество, приближенное к экскурсии: удобные автобусы, гиды, десятидневные туры. Однако для обоих авторов важнее осознавать духовную составляющую этой поездки, а не комфорт.

Описывая свое паломничество, авторы со знанием дела используют церковную лексику: *В алтаре батюшка, архимандрит Феофан, совершает проскомидию* [11, с. 29]; *Я присутствовал в Пантелеймоновом монастыре на одной глубоко трогательной службе – акафисте Пресвятой Деве. Это служба дневная. В ее заключительной, главнейшей части игумен и два иеромонаха в белых праздничных ризах, стоя полукругом на амвоне против царских врат, по очереди читают акафист* [6, с. 127].

Также оба писателя хорошо владеют историей христианской религии: каждое место на Святой земле для них значимо, связано с тем или иным библейским событием: *Мы проходили подлинно «по святым» местам. Там у моря жил в пещере св. Петр Афонский – первый пустынножитель. Там Кавсокаливийский скит в память св. Максима Кавсокаливиты – «сжигателя шалашей». Дальше – пещера Нила Мироточивого* [6, с. 138]; *Все здесь молитвенно... зеленое и золотое сияние холмистых берегов Тивериадского моря, синее и серебристое мерцание его поверхности, по которой «яко по суху» ходил Иисус Христос* [11, с. 4].

Помимо описания духовных аспектов паломничества и В. Н. Крупин, и Б. К. Зайцев уделяют особое внимание быту Палестины, Святой земли. Так, В. Н. Крупин описывает и трудную судьбу рабы Божией

¹ Письмо В. Н. Крупина А. А. Кабылковой от 21 декабря 2016 г. (личный архив автора).

Евтихии, и представителей охраны, которым чужды все душевные порывы паломников, и отношение к делу некоторых гидов вроде Зиты, которая больше гордится индустриальными достижениями своей родины, чем ее духовным наследием. Наличие этих сюжетных элементов подчеркивает присутствие публицистичности – одной из характерных черт творчества В. Н. Крупина. Аналогично в произведении Б. К. Зайцева показана жизнь бедняков, скромные обитатели, быт монахов.

Особый эмоциональный тон помогают задать притчи, используемые авторами. Например, для того чтобы подчеркнуть святость Палестины, В. Н. Крупин приводит притчу о паломнике, который считал себя недостойным войти в город Спасителя и лишь взял три камня от стен этого города. А Б. К. Зайцев пересказывает сюжет о том, как апостолы усомнились в силе Господа и испугались бури.

Повесть Б. К. Зайцева состоит из 12 глав, постепенно описывающих паломничество нарратора. Некоторые главы делятся на части (например, глава «Тихий час» включает в себя разделы «Библиотека», «Крин сельный», «Гробница», «Fuorilemura»). События разворачиваются в хронологическом порядке, достаточно четко локализуется художественное пространство. Аналогично строится и повествование В. Н. Крупина. При этом у Б. К. Зайцева описано одно паломничество, повесть цельная, четко прослеживается сюжет, а В. Н. Крупин использует материал нескольких поездок, поэтому главы хотя и посвящены разным аспектам одной темы, но не связаны между собой меньше.

В анализируемых произведениях В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева можно встретить и родственные образы. Так, Б. К. Зайцев обращает внимание на колокольный звон Пантелеймонова монастыря: *Я действительно хотел «поглядеть» его. Трезвон! Впервые был я так пронизан звуками, так гудело и со трясалось, весело трепетало все существо, звуки принимались и ногами, и руками, сердцем, печенью...* [6, с. 125]. Подобное восхищение вызывают и колокола на Фаворской горе у В. Н. Крупина. Писатель отмечает, что колокол Горненской обители особенный, он не похож на остальные: *...материнский, добрый, ласковый. Он будит к утренней службе, как мать будит своих любимых деточек: в церковь пора* [11, с. 28]. Оба автора делятся впечатлениями, связанными с колокольным звоном, его значимостью в жизни православного человека, сравнивают колокола разных монастырей. Совпадение этих образов неслучайно, ведь для православного человека колокольный звон издавна был особым элементом обрядности, значимым спутником всей жизни.

Также среди жизненных ценностей Б. К. Зайцева и В. Н. Крупина первое место занимает церковь, храм, духовность. Для В. Н. Крупина церковь – центр мироздания, именно она регулирует всю жизнь вокруг: *Сияние солнца провеивает храм, замирает в нем, благоговей перед молитвами, а лучи солнца все движутся по стенам, и кажется, что это не солнце идет в небе, не планета кружится, а сама церковь разворачивается и плывет в мироздании и следует небесным, одному Богу ведомым курсом* [11, с. 30]. Художественный образ очень ярко и точно передает жизненную позицию писателя как православного христианина.

С церковью, религией связаны и понятия счастья, смысла жизни в произведении Б. К. Зайцева: *Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг... и Господь надо всем, – вот это и есть Афон* [6, с. 97].

Несмотря на схожесть сюжетов, произведения В. Н. Крупина и Б. К. Зайцева отличаются стилистически. Так, В. Н. Крупин стремится подражать стилистике древнерусских текстов, поэтому «применяет» на себя роль агиографа, используя формулы самоуничижения: *И вот я думал: не может быть, чтобы вот сюда, этим людям, нам, таким грешным, Господь низвел с небес огонь. За что? Да впору под нами разверзаться земле, поглощать нас в бездну, чтобы очистить место под небесами для других, достойных* [11, с. 14]. Этот прием Б. К. Зайцев использует значительно реже, лишь в конце текста встречаем фразу: *В своем грешном сердце уношу частичку света афонского, несу ее благоговейно....* [6, с. 185].

Также В. Н. Крупин часто использует различные синтаксические приемы, стилистически приближающие повествование к религиозным текстам. Используются многочисленные повторы, кольцевые конструкции, полисиндетоны: *И как вспомнил акафист Ея Покрову... как вспомнил распев молитвы «Царице моя преблагая», как зазвучали в памяти высокие молитвенные слова акафиста...* [11, с. 9].

В произведении В. Н. Крупина много цитат из Священного Писания: *Первую принес от Престола Господня Архангел Гавриил: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою!»* [11, с. 31]; *...и очень трудно представить, как приходила сюда за водою Пресвятая Дева, хранившая в сердце своем выравнившиеся из него слова: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей...»* [11, с. 39]. Активное использование цитат (более 10) приводит к тому, что по стилю произведение максимально приближается к цитируемым текстам Священного Писания:

Спаситель ушел к Отцу Небесному, оставив обетование вернуться. И паки грядет со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца... [11, с. 55].

В тексте современного автора употребляются оригинальные лексические формы, не характерные для современного русского литературного языка. Например, мы встречаем форму *печалуются* – это явно устаревшая форма, актуальная для языка древних христианских писем. Еще один пример: устойчивое сочетание *Святой Безсмертный* [12, с. 59]. Слово «безсмертный» написано явно с нарушением орфографической нормы современного русского языка. Обоснование такого написания находим в статье «Бессовестный бѣс», вышедшей в православном журнале «Благодатный огонь»: автор рассуждает о природе приставок *без-* и *бес-* и после глубокого экскурса в историю русского языка приходит к выводу о том, что современная приставка *бес-* имеет прямую связь с бесом. Для глубоко верующего человека недопустимо писать в одном ряду слова «святой» и «бес». Кроме того, словосочетание «бес смертный» абсолютно алогично. Относительно правописания данных приставок В. Н. Крупин утверждает, что это «вопрос не русского языка, а русской жизни» [12, с. 16]. Еще одна грамматико-стилистическая особенность произведений В. Н. Крупина состоит в том, что все слова, имеющие отношение к Богородице, Иисусу Христу, почитаемым святым, включая местоимения, их заменяющие, В. Н. Крупин пишет с заглавной буквы. Таким образом он подчеркивает особо уважительное отношение к данным именам. Эти особенности написания играют значительную роль в звучании произведения, да и всего позднего творчества писателя, который стремится приблизить свой стиль к стилю церковных авторов.

В текстах и Б. К. Зайцева, и В. Н. Крупина раскрывается гражданская позиция писателей. Оба молятся не только за себя, но и за тех, у кого нет возможности побывать на Святой горе. Описание паломничества Б. К. Зайцев заканчивает словами: *Час пустынный, пред звездами, морем, можно снять шляпу и, перекрестившись, вспомнить о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню* [6, с. 185]. Эту мысль как бы продолжает В. Н. Крупин: *Но хочется... помолиться за родных и близких, за Россию, подать записки греческим монахам...* [11, с. 51]; *Встал на колени, молился о Втором Пришествии, о милости к России, о себе, грешном, о родных* [11, с. 53].

Для писателей важно не только найти духовность в современном им мире, но и сохранить ее в сердцах миллионов: *Солнце, идущее с востока, помогает освещать землю, но ведь главный свет – свет Божий в душе. Он всем дается при крещении, и мы сами его затмеваем в себе. Только бы постоянно помнить о Господе* [11, с. 66].

При описании паломничества на Святую землю авторы делятся впечатлениями, переполняющими душу. Для В. Н. Крупина, как и для Б. К. Зайцева, путешествие к святым местам становится таким же лично значимым, индивидуальным путем познания, постижения истины, которую оба писателя видят в жизни по законам православной нравственности.

Произведения «Афон» и «Святая земля. Там, где прошли стопы Его» – пример сочетания литературного вида повести и публицистических паломнических записок. В произведениях повествование ведется в хронологическом порядке; в центре внимания, как правило, находится один герой, который совершает паломничество; отображается внутреннее восприятие мира авторами. При этом в анализируемых текстах называются конкретные географические объекты, повествуется о пути к ним, обращается внимание на быт жителей новой местности, подробно описываются увиденные памятники культуры, архитектуры. Наличие этих особенностей позволяет говорить о синтезе литературных видов в рассмотренных произведениях Б. К. Зайцева и В. Н. Крупина.

Продолжая традиции русской почвеннической прозы, заложенные в середине XIX в., сохраненные представителями первой волны эмиграции и «деревенской прозы» в XX в., в наши дни В. Н. Крупин способствует возрождению духовных и нравственных ценностей. Несмотря на принадлежность к светской литературе, В. Н. Крупин, как и И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, обращается прежде всего к духовному миру человека. При этом все эти авторы используют стилистические приемы как религиозной литературы (подчеркивают нравственную проблематику текстов), так и элементы публицистики (обращают внимание на социальную значимость рассматриваемых тем).

Библиографические ссылки

1. Горбачев А. Ю. Современная русская литература. Писатели-почвенники 60–90-х гг. XX века. Минск : БГУ, 2003.
2. Безруков А. Н. Введение в литературоведение (теория литературы). 5-е изд., доп. Бирск : Бир. гос. соц.-педагогическая акад., 2009.
3. Колосов Г. В. Очерки и жизнь. Алма-Ата : Казахстан, 1966.
4. Крупин В. Н. Пока не догорят высокие свечи... : избр. проза. М. : Смирение, 2013.
5. Шмелев И. С. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1989. Т. 2 : Рассказы. Богомолье. Лето Господне.
6. Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский. М. : Дет. лит., 2004.

7. Зайцев Б. К. Белый свет : проза. М. : Худ. лит., 1990.
8. Крупин В. Н. Ввысь к небесам: история России в рассказах о святых. М. : Эксмо, 2014.
9. Игумен Иларион (Алфеев). О молитве [Электронный ресурс]. Клин, 2001. URL: <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/#ixzz3CBZSj2ho> (дата обращения: 20.08.2014).
10. Крупин В. Н. Святой Афон. Сердце православия. М. : Алгоритм, 2015.
11. Крупин В. Н. Святая Земля. Там, где прошли стопы Его. М. : Вече, 2009.
12. Крупин В. Н. Бессовестный бѣс // Благодат. огонь. 2000. № 4. С. 16–17.

References

1. Gorbachev A. Y. [Modern Russian literature. Writers of nationalist trend in the 1960–90s]. Minsk : BSU, 2003 (in Russ.).
2. Bezrukov A. N. [Introduction to literary studies (theory of literature)]. 5th ed. Birk : Birk State Soc. and Pedagog. Acad., 2009 (in Russ.).
3. Kolosov G. V. [Essay and life]. Alma-Ata : Kazakhstan, 1966 (in Russ.).
4. Krupin V. N. [Until the high candles burnt] : visual prose. Moscow : Smirenje, 2013 (in Russ.).
5. Shmelev I. S. [Selected works] : in 2 vols. Moscow : Khudozh. lit., 1989. Vol. 2 : [Short stories. Pilgrimage. The Holy Summer] (in Russ.).
6. Zaytsev B. K. [The Reverend Sergiy Radonezhskiy]. Moscow : Det. lit., 2004 (in Russ.).
7. Zaytsev B. K. [White light] : prose. Moscow : Khudozh. lit., 1990 (in Russ.).
8. Krupin V. N. [High into the air: history of Russia in the short stories about Holies]. Moscow : Eksmo, 2004 (in Russ.).
9. Igumen Ilarion (Alfeev). [About prayer]. Klin, 2001. URL: <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/#ixzz3CBZSj2ho> (date of access: 20.08.2014) (in Russ.).
10. Krupin V. N. [The Holy Mt. Athos. The heart of Orthodoxy]. Moscow : Algoritm, 2015 (in Russ.).
11. Krupin V. N. [The Holy Earth. There, where His foots step]. Moscow : Veche, 2009 (in Russ.).
12. Krupin V. N. [Shameless evil spirit]. *Blagodatnyi ogon'* [Beneficial fire]. 2000. No. 4. P. 16–17 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.11.2017.
Received by editorial board 06.11.2017.

УДК 81'37(045)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В русском и английском языках выделены тематические макро- и микрогруппы метаязыкового (связанного с языком и речью) поля и определен удельный вес макрогрупп в поле, установлено соотношение в группах лексем и фразем, выявлены закономерности презентации метаязыковой сферы в лексике и фразеологии. Выяснено, что основные направления семантического развертывания поля – техническое (образовано макрогруппой ‘базовые составляющие коммуникации’) и психологическое (репрезентировано макрогруппами ‘иллокутивные характеристики речевых актов’ и ‘личностно обусловленные свойства речевых произведений’) – уравновешены по количеству манифестирующих их номинативных единиц, что говорит о равной значимости технической и психологической составляющих коммуникации. Отмечено, что характер отношений между номинативными единицами в выделенных группах не одинаков и зависит от свойств обозначаемых ими сущностей: группы обозначений когнитивно значимых феноменов представлены рядами синонимичных (в разной мере) единиц, группы наименований культурно маркированных явлений – объединениями семантически менее тесно связанных между собой единиц. Показано, что функции лексем и фразем по выражению метаязыковой семантики разграничены: главным образом лексемами передаются общие понятийные значения (в материале обоих языков среди номинативных единиц с общим понятийным значением процент лексем в пять раз выше, чем процент фразем), большей частью фраземами – частные понятийные значения (процент фразем в полтора раза выше, чем процент лексем).

Образец цитирования:

Гутовская М. С. Тематическая организация лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 49–65.

For citation:

Gutovskaya M. S. Thematical organization of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 49–65 (in Russ.).

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina S. Gutovskaya, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
marina-gutovskaya@yandex.by

и эмотивные (процент фразем в два с половиной раза выше, чем процент лексем). Сделан вывод о том, что в языке закреплена связь между типом содержащихся в сознании человека представлений и предпочтительным способом их языкового выражения: общепонятное содержание обозначается преимущественно посредством прямых и нейтральных однословных наименований, более частные понятия – при помощи прямых (неидиоматичных) и нейтральных (неэкспрессивных, безоценочных) составных номинаций, эмотивные значения – с помощью переносных и экспрессивно-оценочных составных именовании.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; различия между лексикой и фразеологией в выражении понятийных и эмотивных значений.

ТЭМАТЫЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ МЕТАМОЎНЫХ АБАЗНАЧЭННЯЎ У РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ

М. С. ГУТОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У рускай і англійскай мовах вылучаны тэматычныя макра- і мікрагрупы метамоўнага (звязанага з мовай і маўленнем) поля і вызначана ўдзельная вага макрагруп у полі, акрэслены суадносіны ў групах лексем і фразем, выяўлены заканамернасці прэзентацыі метамоўнай сферы ў лексіцы і фразеалогіі. Высветлена, што асноўныя напрамкі семантычнага разгортвання поля – тэхнічны (утвораны макрагрупай ‘базавыя складнікі камунікацыі’) і псіхалагічны (рэпрэзентаваны макрагрупамі ‘ілакутыўныя характарыстыкі маўленчых актаў’ і ‘асобасна арыентаваныя ўласцівасці маўленчых твораў’) – ураўнаважаны па колькасці намінацыйных адзінак, якія іх маніфестуюць, што сведчыць пра роўную значнасць тэхнічнага і псіхалагічнага складнікаў камунікацыі. Адзначана, што характар адносін паміж намінацыйнымі адзінкамі ў вылучаных групах неаднолькавы і залежыць ад уласцівасцей названых імі сутнасцей: групы абазначэнняў кагнітыўна значных феноменаў прадстаўлены шэрагамі сінанімічных (у рознай ступені) адзінак, групы найменняў культурна маркіраваных з’яў – аб’яднаннямі семантычна менш цесна звязаных паміж сабой адзінак. Паказана, што функцыі лексем і фразем па выражэнні метамоўнай семантыкі размежаваны: галоўным чынам лексемамі перадаюцца агульныя паняццёвыя значэнні (у матэрыялах абедзвюх моў сярод намінацыйных адзінак з агульным паняццёвым значэннем працэнт лексем у пяць разоў вышэйшы за працэнт фразем), пераважна фраземамі – прыватныя паняццёвыя значэнні (працэнт фразем у паўтара разу вышэйшы за працэнт лексем). Зроблена выснова пра тое, што ў мове замацавана сувязь паміж тыпам наўных у свядомасці чалавека ўяўленняў і пажаданым спосабам іх моўнага выражэння: агульнапаняццёвы змест абазначаецца пераважна шляхам прамых і нейтральных аднаслоўных найменняў, больш прыватныя паняцці – пры дапамозе прамых (неідыяматычных) і нейтральных (неэкспрэсіўных, безацэнных) састаўных намінацый, эматыўныя значэнні – з дапамогай пераносных і экспрэсіўна-ацэнных састаўных назваў.

Ключавыя словы: лексіка-фразеалагічнае поле; метамоўныя намінацыйныя адзінкі; адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй у выражэнні паняццёвых і эматыўных значэнняў.

THEMATICAL ORGANIZATION OF THE METALANGUAGE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper distinguishes the thematic macro- and microgroups of the metalanguage (connected with language and speech) field in the languages considered and identifies the proportion of the macrogroups in the field, determines the ratio of lexemes and phrasemes in each group and reveals the regularities of presentation of the metalanguage sphere in lexemes and phrasemes. It finds out that the main directions of semantic deployment of the field – «technical» (formed by the macrogroup ‘basic components of communication’) and «psychological» (constituted by the macrogroups ‘illocutionary characteristics of speech acts’ and ‘personality-conditioned properties of speech products’) – are balanced by the number

of the nominative units that manifest them, which indicates the equal importance of the technical and psychological components of communication. It notes that the nature of the relationship between the nominative units in the distinguished groups is not the same and depends on the properties of the entities they denote: the groups of names of cognitively significant phenomena are represented by rows of synonymous (in varying degree) units, the groups of names of culturally marked phenomena – by blocks of semantically less closely related units. It shows that nominative functions are divided between lexemes and phrasemes: predominantly lexemes convey general cognitive meanings (in the material of both languages among the nominative units with a general cognitive meaning the percentage of lexemes is five times as high as the percentage of phrasemes), chiefly phrasemes – more specific cognitive meanings (the percentage of phrasemes is one and a half times as high as the percentage of lexemes) and emotive meanings (the percentage of phrasemes is two and a half times as high as the percentage of lexemes). It concludes that a correlation between the type of concept held in the human mind and the preferred means of its designation is fixed in the language: general cognitive content is expressed mostly by direct and neutral one-word units, more specific content – by direct (not figurative) and neutral (not expressive) multi-word units, emotive content – by figurative and expressive multi-word units.

Key words: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; differences between lexemes and phrasemes in the expression of the cognitive and emotive meanings.

1. Тематическая классификация как принцип изучения системной организации словаря. Словарный состав каждого естественного языка представляет собой упорядоченную совокупность номинативных единиц, находящихся друг с другом в отношениях и связях. Словарь образует сложную систему – распадается на ряд семантических (тематических) полей, каждое из которых тоже является системой. Системность семантического поля «зидается на тождествах и различиях» [1, с. 141]: поле обладает интегральным семантическим признаком, общим для всех его единиц, и дифференциальными признаками, по которым единицы поля отличаются друг от друга. Интегральный и дифференциальные признаки и содержащие их слова характеризуются разным уровнем обобщенности и образуют вертикальную структуру семантического поля. Эта структура обычно исследуется методом компонентного анализа: семный анализ позволяет определить наиболее существенные компоненты в значении номинативных единиц и выделить тематические рубрики более низкого и более высокого ранга по семантическим компонентам, общим для номинативных единиц одного (более низкого или более высокого) уровня обобщения; для изучения структуры поля используются также метод оппозиций, комбинаторный метод и др. [2, с. 381].

Основные дифференциальные семантические признаки поля (в полевой структуре соответствуют тематическим макрогруппам) иерархически упорядочены в зависимости от числа манифестирующих их номинативных единиц [3, с. 45, 48], и главным принципом иерархизации выступает «принцип ценностной ориентированности» [4, с. 45]. Наиболее значимые признаки объективируются большим количеством лексем и фразем, образно говоря, изображаются в языковой картине крупным планом, неестественно крупными по размеру, и чем выше их ценностная значимость, тем многочисленнее лексико-фразеологическая объективация, – тем крупнее их языковое изображение. Академик Ю. Д. Апресян реконструировал организацию образа системы физического восприятия человека, закрепленную в русском языке, выявил упорядоченность в русском языковом образе системы восприятия пяти ее подсистем – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания: «Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая зрительное восприятие. За ней, существенно уступая ей в объеме, следует лексика слуха. Обоняние, вкус и осязание, по числу обслуживающих их лексем уступающие слуху, друг от друга отличаются не столь заметно» [3, с. 48]. Каждая подсистема чувственного восприятия человека локализуется в определенном органе – в глазах, ушах, носе, языке и коже соответственно, – поэтому языковой образ системы чувственного восприятия человека может быть представлен вполне наглядно: человек воспринимающий запечатлен в русской языковой картине с огромными глазами, большими ушами и одинаково небольшими, невыделенными носом, языком и кожей. Такой принцип изображения напоминает диспропорциональность фигур в детских рисунках.

Языковые изображения крупных, выделенных частей феномена могут отличаться по технике написания. Представляется возможным разграничивать отличия в уровне детализации и объемности изображения. Детально прорисовываются те элементы феномена, которые обладают культурной маркированностью – являются частью многих сфер жизнедеятельности человека и знакомы ему в мельчайших подробностях. Объемно изображаются когнитивно отмеченные свойства – свойства, осознаваемые носителями языка как наиболее важные. Культурная (внешняя) и когнитивная (внутренняя) значимость находят выражение в разных языковых явлениях: первая проявляется в наличии множества семантически неоднородных, дифференцирующих наименований, вторая – в наличии большого количества

полных и (или) частичных синонимов¹ (закон притяжения синонимов С. Ульмана: «...существует тенденция обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов» [5, с. 266]).

Менее важные признаки феномена объективируются небольшим количеством номинативных единиц с общей семантикой, почти не имеющих синонимов, – изображаются более мелкими по размеру, обозначаются крупными мазками (не детально) и представляются плоскостно (не объемно).

Различия в технике написания могут быть продемонстрированы на примере английской фразеологической картины спора, в частности на примерах изображения двух его составляющих, занимающих верхние позиции в английской фразеологической иерархизации элементов спора, – его этапов и форм речевого взаимодействия в нем [7, с. 35–37]. Эти аспекты спора представлены наибольшим количеством фразеологизмов – наиболее крупно изображены в английской фразеологической картине – и, следовательно, являются, по данным английской фразеологии, наиболее значимыми составляющими спора. Однако техника написания этих двух крупных элементов различна. Этапы спора прорисованы детально – представлены множеством семантически разнообразных, детализирующих фразеологизмов. Так, 20 фразеологизмов, относящихся к основной фазе спора, передают 10 различных семантических признаков, т. е. в среднем на один индивидуализирующий семантический признак приходится по два фразеологизма ('вступление в спор': *set eyeball to eyeball* 'вступить в открытый спор, конфронтацию'² (LID, p. 109), *cross swords with sb* 'начать обсуждать какие-л. спорные вопросы' (LID, p. 336), *lock horns with sb* '2. Вступить в идеологическую, политическую и т. д. дискуссию' (БРАФС, с. 816); 'атака': *take the offensive* 'атаковать оппонента, занять наступательную позицию в споре' (Online LDCE; LDCE, p. 981); 'защита': *fight one's corner* 'решительно защищать свою позицию в споре' (Online YD), *blunt the attack* 'сдерживать натиск оппонента, защищать свою точку зрения в споре' (PDEI, p. 240); 'изменение позиции в споре': *sing a different tune* 'запеть другую песню, вдруг занять позицию, отличную от той, которая защищалась ранее' (LID, p. 363) и др.).

Детальность прорисовки всех этапов свидетельствует о культурной (внешней, связанной с реальностью ситуации спора) значимости этого аспекта спора. В английском фразеологическом образе спора зафиксированы объективно существующие в английской лингвокультуре разнообразие речевых действий, совершаемых коммуникантами на предварительном и основном этапах спора, и многочисленность возможных вариантов его завершения.

Формы речевого взаимодействия в споре изображены объемно – репрезентированы множеством синонимичных (в разной степени) фразеологизмов, называющих относительно небольшое количество этических и тактических принципов ведения спора. Например, 35 фразеологических наименований, связанных с этическими нормами спора, с проявляемыми в нем моральными качествами, реализуют 6 значений – в среднем по 5,8 фразеологизмов на одно значение ('недоброжелательность': *show one's teeth* 'проявлять враждебность в споре, готовность уничтожить оппонента' (LID, p. 341; Online YD), *fight tooth and nail* 'спорить с крайней жестокостью' (PDEI, p. 240), *go for the jugular* 'вести ожесточенный спор, стремиться подавить противника' (LID, p. 184), *be (hitting) below the belt* 'применить в споре нечестные, жесткие приемы' (LID, p. 24), *knock down, (and) drag out* 'ожесточенный, крайне недоброжелательный спор' (LID, p. 190), *down-and-dirty argument* 'нечестный, недоброжелательный спор, состязание' (LID, p. 92); 'невосприимчивость к высказываемому оппонентом мнению': *have a closed mind* 'быть невосприимчивым к мнению других, не признавать ошибочность собственной точки зрения' (LID, p. 230), *dig one's heels in* 'упрямо отстаивать свое мнение, упорствовать в своих заблуждениях' (LID, p. 166), *stick to one's guns* 'упорно держаться своего (часто ошибочного) мнения, не воспринимать доводы оппонента' (LID, p. 146), *hold one's ground* 'упереться на своем, не принимать иную точку зрения' (LID, p. 144), *tough nut (to crack)* 'о человеке, трудно поддающемся убеждению, доказательствам' (LID, p. 248; БРАФС, с. 433) и др.).

Объемность изображения форм речевого взаимодействия говорит о высокой когнитивной значимости этой составляющей спора. Формы речевого взаимодействия в споре осознаются, понимаются англоговорящими как наиболее важные в споре. И это не удивительно, ведь форма взаимодействия между коммуникантами, зависящая от того, какие личностные качества (положительные или отрицательные) они проявляют в споре и какие приемы спора (честные или нечестные) используют, является фактором, определяющим продуктивность дискуссии.

Лексико-фразеологическая система представляет собой единое интегральное образование, объединяющее номинативные единицы двух классов – лексемы и фраземы. Однако ее тематическое членение

¹ Разграничение культурной и когнитивной значимости основных семантических признаков поля (концепта), проводимое на основании различий в языковом выражении значимости этих двух типов, было предложено в нашей работе [6, с. 49–50].

² Здесь и далее толкования значений английских номинативных единиц, взятых из англоязычных словарей, переведены автором.

средствами лексики и фразеологии оказывается специфичным. Идеографические исследования лексического и фразеологического фондов разных языков продемонстрировали, что лексика заполняет практически все ячейки идеографической сетки, а фразеология покрывает ее участки избирательно. Во-первых, фразеология антропоцентрична – отражает преимущественно те сферы, которые ориентированы на человека, его жизнь и деятельность, психические проявления (мышление, сознание, речь, эмоциональные состояния и реакции), межличностные отношения, эмотивные и этические оценки и т. п. [8, с. 92]. Во-вторых, фразеология пейоративна: семантические поля с отрицательным оценочным значением более многочисленны и представлены большим количеством фразеологизмов [9, с. 224]. И наконец, фразеология «экстремальна», «поляризована» – тяготеет к обозначению экстремальных, полярных (не срединных) признаков, качеств, состояний, действий [10, с. 255, 263].

Тематические исследования отдельных лексико-фразеологических полей показали, что функции по наименованию явлений одной тематической сферы распределены между лексемами и фраземами: одни денотаты обозначаются и лексемами, и фраземами, другие – преимущественно или исключительно лексемами, третьи – фраземами [11, с. 7–9]. Закономерности такого распределения номинативных «обязанностей» между лексикой и фразеологией на сегодня остаются невыясненными. По мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, «интересной теоретической проблемой для современного языкознания представляется проблема выявления причин того, почему в языке есть концепты и денотаты, имеющие только лексическую или только фразеологическую объективацию» [12, с. 108].

В предлагаемой работе рассматривается тематическая организация русского и английского полей метаязыковых обозначений (определяется состав тематических макро- и микрогрупп, а также количество номинативных единиц, входящих в каждую макрогруппу, и характер отношений между ними (степень их связанности)) и изучается тематическая (семантико-денотативная) ориентация метаязыковой лексики и фразеологии: устанавливается соотношение лексем и фразем в макрогруппах и их номинативная нагрузка.

Материалом исследования послужил корпус употребительных русских и английских метаязыковых лексем и фразем, собранный из современных словарей. Общий объем корпуса составил 4600 употребительных номинативных единиц, в их числе 1478 русских лексем, 1029 русских фразем, 1243 английские лексемы и 850 английских фразем. Процедура формирования исследовательского корпуса подробно описана в работе [13, с. 61–62].

В русском и английском подкорпусах количество лексем и фразем не одинаково. Однако для данного исследования существенны не столько межязыковые различия в абсолютных показателях количества лексем и фразем, сколько внутриязыковое процентное соотношение лексем и фразем в тематических и семантических группах, поскольку целью является не сопоставление коррелятивных номинативных полей в двух языках, а выявление тематической структуры поля в каждом языке, обнаружение закономерностей презентации сферы языка и речи в лексике и фразеологии каждого языка в отдельности.

2. Тематическое членение русской и английской метаязыковой лексики. Тематическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в целом определяется структурой обозначаемого объекта. Согласно концепции К. Э. Шеннона [14], Р. О. Якобсона [15] всякое речевое событие предполагает наличие таких компонентов, как адресант, адресат, код (общий для коммуникантов язык), контекст, контакт (акт коммуникации, включая его физические и психологические условия) и сообщение (содержание коммуникации). Названные компоненты находят отражение в основных макрогруппах поля. В русском и английском метаязыковых полях мы различаем три тематические макрогруппы номинативных единиц: 1) наименования основных составляющих коммуникации; 2) названия иллюкутивных (связанных с целеустановкой говорящего) характеристик высказывания; 3) обозначения личностно обусловленных (привносимых говорящей личностью) свойств речевых произведений.

2.1. Макрогруппа ‘основные составляющие коммуникации’. Данная макрогруппа представлена в лексике и фразеологии русского и английского языков примерно в равной мере. Частеречный состав макрогруппы в рассматриваемых языках таков: в нее входят примерно 70 % всех субстантивных номинативных единиц с метаязыковой семантикой, половина всех адъективных номинативных единиц, 40 % всех адverbативов, 30 % вербативов, все вводные слова и фразы. Эту макрогруппу образуют единицы, номинирующие типовых участников коммуникации (лиц и не-лиц), виды языковой и речевой деятельности в зависимости от обстоятельств ее протекания, ее продукты, атрибуты.

Субстантивные лексемы обозначают:

а) лиц, вовлеченных в языковую и речевую деятельность, – адресант (продуцент) и адресат (реципиент) (*говорящий*, *reader* ‘тот, кто читает’ (*Online FD*));

б) тему (предмет) речи (*новестка* ‘2. разг. Перечень вопросов, выносимых на обсуждение на собрание, совещание’ (*Online БТС*), *problem* ‘2. Вопрос, предложенный для обсуждения’ (*Online FD*));

в) средства (инструменты) речевой деятельности (*лексика* 'совокупность слов какого-л. языка, диалекта или речи отдельного человека' (*Online БТС*), *grammar* '2. Грамматическая система языка; система правил, заложенная в языке, рассматриваемая как механизм для порождения всех возможных предложений на этом языке' (*Online FD*));

г) виды языковой и речевой деятельности в зависимости от условий ее протекания (*монолог* '1. Пространная речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе' (*Online БТС*), *dialogue* '1. Разговор между двумя или более лицами; обмен мнениями; переговоры' (*Online FD*));

д) продукты языковой и речевой деятельности и их элементы (*пассаж* '3. Небольшой отрывок, связанный кусок из текста книги, статьи, речи. 4. Высказывание, реплика по какому-л. поводу' (*Online БТС*), *tale* '4. Рассказ о реальных или воображаемых событиях; сказка' (*Online FD*));

е) атрибуты связанных с языком и речью явлений (*регламент* '2. Время, отведенное на собрании для выступления, обсуждения в прениях и т. п.' (*Online БТС*), *tone* '4. Манера выражения, стиль речи, письма' (*Online FD*)).

Прилагательные обозначают свойства и признаки типовых участников языковой и речевой деятельности и ее продуктов (*молчаливый* '1. Не любящий много говорить; неразговорчивый // молчащий, не вступающий в беседу, разговор' (*Online БТС*), *marginal* '3. Написанный или напечатанный на полях страницы книги' (*Online FD*)).

Глагольные лексемы преимущественно номинируют:

а) языковую и речевую деятельность с позиции разных ее актантов: адресанта (*сказать* '1. Выразить словесно мысли, мнения; произнести' (*Online БТС*), *translate* '1. Перевести с одного языка на другой' (*Online FD*)), адресата (*слушать* '3. Знакомиться на слух с чем-л. публично оглашаемым' (*Online БТС*), *read* '1. Воспринимать смысл написанных или напечатанных знаков, слов, предложений; читать' (*Online FD*)), предмета (*циркулировать* '3. разг. Передаваться от одного к другому (о мыслях, слухах, сообщениях и т. п.)' (*Online БТС*), *circulate* '4. Широко распространяться среди людей (о слухах, сообщениях)' (*Online FD*)), инструмента (*согласоваться* '2. лингв. Вступать в согласование' (*Online БТС*), *mean* '1. а. Значить, означать' (*Online FD*));

б) ситуативно обусловленные виды речевой деятельности (*рассказать* 'устно сообщить, изложить что-л.' (*Online БТС*), *write* '1. а. Изображать буквы, слова; писать' (*Online FD*)) и ее отдельные фазы (*обобщить* '2. Сделать общие выводы из рассмотрения отдельных фактов' (*Online БТС*), *quote* '3. Привести цитату' (*Online FD*)).

Наречия именуют признаки различных языковых и речевых действий (*молча* '1. Сохраняя молчание, ничего не говоря' (*Online БТС*), *literally* '1. Дословно, слово в слово' (*Online FD*)).

Вводные слова представляют собой средства текущей характеристики речи, включаемые в порождаемое высказывание. Среди них различаются:

а) средства сигнализации порядка изложения (единицы, отмечающие последовательность: *во-первых* 'употребляется при перечислении для обозначения первого пункта, раздела и т. п.' (*Online БТС*), *finally* 'употребляется для обозначения последнего пункта перечисления' (*Online LDCE*); вводящие пояснения: *например* 'употребляется при перечислении, при пояснении какого-л. слова в предложении' (*Online БТС*), *specifically* '3. Употребляется при пояснении' (*Online LDCE*); отмечающие обобщение: *словом* 'употребляется для краткого обобщения сказанного' (*Online БТС*));

б) указания на источник информации (*говорят* '3. Ходят слухи' (*Online БТС*), *reportedly* 'по сообщениям, как сообщают' (*Online FD*)).

2.2. Макрогруппа 'иллокутивные характеристики речевых актов'. Эта макрогруппа значительно шире представлена в лексических подкорпусах русского и английского языков, чем во фразеологических. Частеречное наполнение макрогруппы в обоих языках – это около 45 % всех метаязыковых вербативов, 20 % субстантивов, 10 % адъективов, 5 % адвербатов.

Глагольные лексемы именуют:

а) информативные речевые акты (репрезентативы), нацеленные на передачу информации (коммуникативная функция языка) и различающиеся по мотивам передачи данных, – сообщения (*известить* 'сообщить о чем-л., довести до сведения кого-л.; уведомить' (*Online БТС*), *announce* '1. Довести до всеобщего сведения; объявить' (*Online FD*)), доносы (*стучать* '6. разг. Доносить на кого-л.' (*Online БТС*), *split on* '8. жарг. Сообщить властям, начальству о том, что кто-л. сделал что-л. неправильное; сделать донос (на кого-л.)' (*Online FD*)), предсказания, предупреждения и предостережения (*предсказать* '1. Заранее сказать о том, что будет, что должно случиться' (*Online БТС*), *warn* '1. Заранее известить о чем-л., часто о возможной опасности или несчастье; предупредить' (*Online FD*)), признания (*открыться* '7. Рассказать о себе откровенно, искренне; признаться в чем-л.' (*Online БТС*), *confess* '1. Сознаться в чем-л. неудобном, неприятном' (*Online FD*)), объяснения (*комментировать* '2. Объяснять, толковать' (*Online БТС*), *explain* '1. Делать понятным, разъясняя структуру, действие и т. д.; объяснять' (*Online FD*));

б) акты побуждения (директивы, прескрипции), призванные воздействовать на адресата, вызвать изменения в его эмоциональном состоянии, взглядах и оценках и (или) оказать влияние на совершаемые им действия (регулятивная функция языка), – акты-жалобы (*сетовать* ‘2. Жаловаться, роптать на кого-, что-л.’ (Online БТС), *complain* ‘1. Выражать неудовольствие по поводу боли, обиды, неприятностей; жаловаться’ (Online FD)), угрозы (*угрожать* ‘1. Произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-л.; грозить’ (Online БТС), *threaten* ‘1. Выражать угрозу, грозить враждебными действиями’ (Online FD)), советы, предложения и просьбы (*советовать* ‘давать совет, советы’ (Online БТС), *suggest* ‘1. Предлагать для рассмотрения или действия’ (Online FD)), убеждения и уговоры (*уговорить* ‘убеждая, склонить к чему-л., заставить согласиться с кем-, чем-л.’ (Online БТС), *tempt* ‘1. Пытаться убедить кого-то сделать что-л. дурное, обещая награду; склонять’ (Online FD)), вопросы (*осведомиться* ‘спросить, справиться о чем-л.’ (Online БТС), *enquire* ‘1. Обратиться за информацией, задавая вопрос’ (Online FD)), приказы и требования (*распорядиться* ‘1. Отдать распоряжение, приказать что-л. сделать’ (Online БТС), *demand* ‘1. Просить что-л. или предложить сделать что-л. в настойчивой, категорической форме; требовать’ (Online FD)), разрешения и запреты (*позволить* ‘1. Дать позволение кому-л. сделать что-л.; разрешить’ (Online БТС), *forbid* ‘1. Категорически запретить кому-л. делать что-л.’ (Online FD));

в) экспрессивы, сфокусированные на выражении эмоционального состояния человека (эмоциональная, или экспрессивная, функция речи), – одобрения (*хвалить* ‘1. Высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-л.’ (Online БТС), *approve* ‘проявлять, испытывать или выражать одобрение’ (Online FD)), осуждения и упреки (*винить* ‘2. разг. Упрекать, осуждать’ (Online БТС), *tax* ‘5. Упрекать или обвинять; осуждать’ (Online FD)), насмешки (*дразнить* ‘1. кем-чем. Называть в насмешку каким-л. обидным прозвищем’ (Online БТС), *laugh* ‘3. а. Испытывать или выражать насмешку, презрение; высмеивать’ (Online FD)), благодарности (*благодарить* ‘выражать благодарность’ (Online БТС), *acknowledge* ‘2. б. Выражать благодарность, признательность’ (Online FD)), извинения (*извиниться* ‘1. Попросить извинения, прощения’ (Online БТС), *apologise* ‘1. Принести извинения, попросить прощения’ (Online FD)), приветствия (*здороваться* ‘приветствовать друг друга при встрече (кивком, пожатием руки, словами)’ (Online БТС), *welcome* ‘1. Сердечно приветствовать или радушно принимать кого-л.’ (Online FD)), пожелания (*благословить* ‘1. Перекрестить, произнося слова напутствия, пожелания благополучия, успеха’ (Online БТС), *wish* ‘2. Выразить пожелание’ (Online FD));

г) акты принятия обязательств (комиссивы), приравняемые к действию, поступку (реализуют функцию языка, близкую к ритуальной, магической), – обещания, клятвы, речительства (*обещать* ‘1. Дать обещание, обязаться сделать что-л., поступить каким-л. образом’ (Online БТС), *pledge* ‘1. Давать торжественное обещание; клясться’ (Online FD)) и отказы от ранее сделанных утверждений, принятых обязательств (*отказаться* ‘4. Не признать своим, себе принадлежащим; отречься’ (Online БТС), *cancel* ‘1. б. Объявить, что запланированное событие не случится; отменить, аннулировать’ (Online FD));

д) акты-установления (декларативы) – акты присвоения лицам и объектам имен (*назвать* ‘1. Дать название, имя и т. п. кому-, чему-л.’ (Online БТС), *entitle* ‘1. Дать имя, название; озаглавить; жаловать титул’ (Online FD)), назначения, увольнения (*направить* ‘2. Дать назначение, послать, отправить куда-л.’ (Online БТС), *appoint* ‘1. Назначить на должность’ (Online FD)), акты вынесения приговоров (*оправдать* ‘1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания’ (Online БТС), *sentence* ‘вынести приговор в отношении подсудимого в суде’ (Online FD)).

Среди лексических обозначений, связанных с целеустановкой высказывания, помимо численно преобладающих глаголов есть также существительные, прилагательные и наречия (часто одного корня с иллокутивным глаголом): *критика* ‘2. разг. Отрицательное суждение о чем-л.’ (Online БТС), *критический* ‘1. Содержащий в себе критику. 2. Обладающий способностью к критике’ (Online БТС), *критически* ‘подвергая критике’ (Online ТСС); *adviser* ‘1. Человек (или учреждение), предоставляющий профессиональную консультацию клиентам; консультант, эксперт’ (Online FD), *advisory* ‘2. Относящийся к или содержащий совет’ (Online FD).

2.3. Макрогруппа ‘личностно обусловленные свойства речевых произведений’. Удельный вес обозначений личностно обусловленных свойств речевых произведений в лексических подкорпусах русского и английского языков гораздо ниже, чем во фразеологических. Частеречное наполнение макрогруппы ‘личностно обусловленные свойства речевых произведений’ схоже в двух языках: в ее состав входят свыше половины всех метаязыковых адverbативов, порядка 40 % всех адъективов, примерно четверть verbативов и около 10 % субстантивов. Обозначения свойств речевых произведений, которые определяются личностью и в которых она проявляется, фокусируются на содержании и форме речи.

Содержание характеризуется по следующим признакам:

а) правдивость, искренность (*открыться* ‘7. кому. Рассказать о себе откровенно, искренне’ (Online БТС), *level* ‘3. разг. Быть откровенным (с кем-л.)’ (Online FD)) vs ложность, неискренность (*врать*

‘разг. 1. Говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать’ (*Online БТС*), *lie* ‘1. Говорить или писать ложь; давать ложную информацию с целью ввести кого-л. в заблуждение’ (*Online FD*)); в ряд ложных сообщений помимо собственно обмана входят также клевета и сплетни (*звонить* ‘4. разг.-сниж. Распространять сплетни’ (*Online БТС*), *injury* ‘5. устар. Оскорбительная, клеветническая речь; клевета’ (*Online FD*)), преувеличения (*хватить* ‘5. Увлечись, допустить крайнее преувеличение в каких-л. утверждениях’ (*Online БТС*)), приукрашивания (*расписать* ‘4. разг. Рассказать, изложить с преувеличением, приукрашиванием’ (*Online БТС*), *colour* ‘13. Преувеличить в своем рассказе что-л. положительное; приукрасить’ (*Online FD*)), унижения (*выставить* ‘7. разг. Представить, показать каким-л. образом (обычно отрицательно); подчеркнуть, выделить какие-л. свойства, явления и т. п. (обычно негативные)’ (*Online БТС*)), искажения (*исказить* ‘1. Представить в ложном, неправильном виде; извратить смысл чьих-л. слов’ (*Online БТС*), *twist* ‘10. Изменить, исказить смысл’ (*Online FD*));

б) весомость, вескость (*вещать* ‘1. книжн. Говорить что-л. значительное, важное; торжественно провозглашать’ (*Online БТС*), *pregnancy* ‘2. Значительность, содержательность (речи)’ (*Online FD*)) vs легковесность, незначительность (*плести* ‘5. разг. Говорить что-л., обычно несуразное’ (*Online БТС*), *nonsense* ‘1. Слова, не имеющие существенного смысла, не заслуживающие внимания; вздор, ерунда’ (*Online FD*));

в) релевантность (*relevant* ‘1. Имеющий отношение к рассматриваемому вопросу’ (*Online FD*)) vs нерелевантность (*irrelevant* ‘не относящийся к делу’ (*Online FD*)).

Характеристика формы произведений речи также осуществляется на основе ряда признаков:

а) уместность, тактичность (*вежливый* ‘чуждый грубости, предупредительный’ (*Online БТС*), *courtesy* ‘2. Учтивое, уважительное, тактичное действие, выражение; вежливость, любезность’ (*Online FD*)) vs неуместность, бестактность (*обрезать* ‘4. разг. Резко прервать, оборвать говорящего’ (*Online БТС*), *abuse* ‘4. Наброситься с обидными словами; оскорбить’ (*Online FD*));

б) яркость, связанная с использованием фигур, тропов, шуток (*шутить* ‘1. Говорить, поступать смешно, забавно’ (*Online БТС*), *flourish* ‘8. Использовать украшения в речи, письме; цветисто выражаться’ (*Online FD*)) vs невыразительность, шаблонность (*сухой* ‘10. Лишенный красочности, эмоциональности’ (*Online БТС*));

в) ясность, недвусмысленность (*отчетливый* ‘3. разг. Ясно выраженный, четко сформулированный, точный’ (*Online ТСС*; *Online БТС*), *formulate* ‘1. Изложить точно и четко’ (*Online FD*)) vs иносказательность (*подразумевать* ‘предполагать в мыслях, иметь в виду кого-, что-л., не высказывая этого открыто или говоря иносказательно, намеками’ (*Online БТС*), *imply* ‘1. а. Выразить непрямо; намекнуть’ (*Online FD*));

г) лаконичность (*краткий* ‘4. Изложенный коротко, в немногих словах. 5. Излагающий сжато, в немногих словах; немногословный’ (*Online БТС*), *briefly* ‘2. В нескольких словах; кратко’ (*Online LDCE*)) vs многословие, многократное повторение (*жевать* ‘2. разг. Долго и нудно обсуждать, разбирать одно и то же’ (*Online БТС*), *lengthy* ‘2. Утомительно долгий, многословный’ (*Online FD*));

д) последовательность, логическая стройность (*лечься* ‘3. Излагаться, произноситься свободно, без затруднений, в стройной последовательности (о речи, словах)’ (*Online БТС*) vs сумбурность, противоречивость (*stumble* ‘1. с. Говорить сбивчиво, нескладно’ (*Online FD*));

е) нормативность (*выражаться* ‘2. разг. Употреблять, произносить бранные, неприличные слова’ (*Online БТС*)) vs ненормативность (*correct* ‘2. а. Указать на ошибку (в чьей-л. речи); поправить’ (*Online FD*)).

3. Тематическое членение русской и английской метаязыковой фразеологии.

3.1. Макрогруппа ‘основные составляющие коммуникации’. Фразеологическая дифференциация данной макрогруппы совпадает с лексической. Субстантивные фраземы называют:

а) адресанта (продуцента) и адресата (реципиента): *чернильная душа* ‘1. устар. шутл. О канцелярском чиновнике, писце’ (ФСРЯ, с. 73), *cloth ears* ‘устар. О том, кто не слушает собеседника, не обращая на него внимания (несколько грубое выражение); глухая тетеря’ (ЛД, р. 63);

б) предмет речи (*открытый вопрос* ‘нерешенный вопрос’ (ФСРЯ, с. 185), *peg to hang a thing on* ‘тема (для разговора)’ (БАРС II, с. 385));

в) инструменты языковой и речевой деятельности (*крылатые слова/выражения* ‘меткие, образные слова или выражения (цитаты, изречения и т. п.), ставшие устойчивыми и ходовыми’ (ФСРЯ, с. 126), *pedlar’s French* ‘воровской жаргон’ (АРФС, с. 417; НБАРС I, с. 817));

г) ситуативно обусловленные виды языковой и речевой деятельности (*мамаево побоище* ‘шутл. 1. О большой ссоре’ (ФСРЯ, с. 141), *battle of the books* ‘ученая дискуссия’ (АРФС, с. 76));

д) продукты языковой и речевой деятельности и их элементы (*передовая статья* ‘руководящая редакционная статья в газете, журнале, помещаемая на первом месте’ (ФСРЯ, с. 193), *Confession of Faith* ‘краткое изложение основных догматов религии; символ веры’ (*Online FD*));

е) атрибуты явлений из сферы языка и речи (*красная строка* ‘1. Первая строка абзаца, начинающаяся с отступа’ (ФСРЯ, с. 121), *paper trail* ‘документы, письма, которые могут быть использованы в качестве улик; письменные свидетельства, письменные улики’ (LID, р. 256)).

Адъективные фраземы номинируют свойства и признаки типовых участников и продуктов языковой и речевой деятельности (*на злобу дня* ‘на злободневную тему’ (ФСРЯ, с. 91; *Online БТС*), *on the table* ‘предложенный для обсуждения’ (LID, р. 336)).

Глагольные фраземы именуют:

а) языковую и речевую деятельность с точки зрения адресанта (*подать голос* ‘1. Заявить о своем присутствии, сказав, произнеся что-л.’ (ФСРЯ, с. 201), *give mouth to a feeling* ‘(вслух) выражать чувства’ (НБАРС II, с. 480)), адресата (*пропустить мимо ушей* ‘не обратить внимания на то, что говорят о ком-, чем-л.’ (ФСРЯ, с. 150), *get the message* ‘уяснить смысл чьих-л. слов, особ. повторенных несколько раз’ (LID, р. 228)), предмета (*красной нитью проходить* ‘выделяться, подчеркиваться в качестве основной идеи’ (ФСРЯ, с. 122), *be the talk of the town* ‘быть предметом общих разговоров; быть притчей во языцех’ (LID, р. 339)), инструмента (*язык сломаешь* ‘об очень трудных для произношения словах, фразах’ (ФСРЯ, с. 264), *be a bit of a mouthful* ‘быть труднопроизносимым (о длинных словах, фразах)’ (LDCE, р. 931));

б) ситуативные виды речевой деятельности (*молчать как убитый* ‘молчать упорно, не говорить ни слова’ (ФСРЯ, с. 299), *bandy words with someone* ‘спорить с кем-л.’ (*Online ID*)) и ее отдельные фазы (*выдержать паузу* ‘сделать остановку в речи, беседе с какой-л. целью’ (ФСРЯ, с. 41), *have the last word* ‘2. Сказать последнее слово, почувствовать себя победителем в споре’ (LID, р. 390)).

Адвербативные фраземы обозначают признаки языковых и речевых действий (*в третьем лице (говорить, писать)* ‘называя себя «он»’ (ФСРЯ, с. 294), *off the cuff* ‘спонтанно, без подготовки (говорить, отвечать)’ (LID, р. 75)).

Среди вводных словосочетаний различаются:

а) средства сигнализирования порядка изложения (единицы, показывающие последовательность: *for a kick-off* ‘разг. Для начала; употребляется при перечислении для обозначения первого пункта (часто жалобы)’ (LID, р. 187); вводящие пояснения: *к примеру говоря* ‘например; употребляется при пояснении’ (ФСРЯ, с. 220); отмечающие попутность: *к слову (сказать)* ‘кстати, в связи со сказанным или в дополнение к нему’ (ФСРЯ, с. 263); указывающие на обобщение: *вообще говоря* ‘обобщая, заключая’ (ФСРЯ, с. 36) и др.);

б) средства комментирования выбора языковых единиц (их точности: *лучше сказать* ‘служит как указание на более точную, верную формулировку какой-л. мысли’ (ФСРЯ, с. 259), *to say the least* ‘употребляется как указание на то, что говорящий намеренно избегает более точных, но резких слов о ком-, чем-л.’ (LID, р. 205), уместности: *с позволения сказать* ‘1. Употребляется как извинение, предупредительное о том, что далее будет сказано что-л. не совсем удобное, приличное или несколько грубое’ (ФСРЯ, с. 204), *excuse my French* ‘разг. Употребляется в качестве извинения за использование в речи грубых или нецензурных слов’ (LID, р. 129));

в) средства передачи чужой речи (*по словам чьим* ‘1. Как сказал, сообщил кто-л. 2. Как говорит (или пишет, учит и т. п.) кто-л.’ (ФСРЯ, с. 263), *in inverted commas* ‘разг. Употребляется перед или после слов, сказанных другим, чтобы указать на цитацию или показать несогласие с ними’ (LID, р. 67; НБАРС I, с. 417));

г) средства акцентирования важности (*видишь [видите] ли* ‘употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.’ (ФСРЯ, с. 30)).

3.2. Фразеологическая макрогруппа ‘иллокутивные характеристики речевых актов’. Макрогруппа представлена только четырьмя микрогруппами – во фразеологических подкорпусах русского и английского языков отсутствуют имеющиеся в лексических подкорпусах обоих языков обозначения актов-установлений, или декларативов.

Глагольные фразеологизмы, сфокусированные на целеустановке высказывания, называют:

а) репрезентативы – сообщения (*вести в суть дела/вопроса* ‘познакомить с основными положениями (дела, вопроса)’ (ФСРЯ, с. 25), *name names* ‘раскрыть имена людей, вовлеченных в сомнительную деятельность, поставив их в неудобное положение; назвать имена’ (LID, р. 241)), доносы (*blow the gab (on sb)* ‘доносить (на кого-л.)’ (НБАРС II, с. 5)), предсказания, предупреждения, предостережения (*ставить на вид кому ‘офиц. Делать предупредительное замечание’* (ФСРЯ, с. 30), *tip sb the wink* ‘по секрету сообщить кому-л. о чем-л.; предупредить кого-л.’ (LID, р. 386)), признания (*прийти/явиться с повинной (головой)* ‘признаться в своей вине; явиться, чтобы сознаться в своей вине’ (ФСРЯ, с. 200), *come/be out of the closet* ‘2. Признаться, публично заявить о скрываемых ранее убеждениях, чувствах, привычках’ (LID, р. 63)), объяснения (*разжевать и в рот положить* ‘объяснить, растолковать все до

мелочей' (ФСРЯ, с. 244), *put sb out of their misery* '2. Наконец разъяснить кому-л. ситуацию, сказать то, что замалчивалось некоторое время; положить конец неведению' (LID, p. 232));

б) прескрипции (директивы, побуждения) – акты-жалобы (*плакаться в жилетку* 'урон. Ища сочувствия, утешения, жаловаться на свою судьбу, участь и т. п.' (ФСРЯ, с. 197), *scream bloody murder* '1. Гневно жаловаться на что-л.' (LID, p. 239)), угрозы (*метать громы и молнии* 'говорить гневно, раздраженно, угрожать' (ФСРЯ, с. 57), *turn up the heat on sb* 'угрожать, оказывать давление на кого-л., добиваясь чего-л.' (LID, p. 166)), советы, предложения, просьбы (*упасть в ноги кому* 'устар. Молить, просить кого-л. о чем-л.' (ФСРЯ, с. 303), *go down on one's knees to sb* 'страстно просить кого-л. о чем-л., горячо желаемом; умолять' (LID, p. 189)), убеждения и уговоры (*брать в обработку* 'оказывать воздействие на кого-л., пытаться склонить к чему-л., повлиять в нужном направлении' (ФСРЯ, с. 177), *twist sb's arm* 'уговаривать кого-л. сделать то, что он не хочет' (LID, p. 7)), вопросы (*навести справку* 'справиться о чем-л.' (ФСРЯ, с. 158), *bowl sb a googly* 'задать кому-л. трудный, неожиданный вопрос' (LID, p. 141)), приказы и требования (*с ножом к горлу пристать* 'настойчиво, неотступно потребовать' (ФСРЯ, с. 54)), разрешения и запреты (*положить зарок на кого-что* 'устар. Наложить запрет, связав клятвой', *get the nod* 'получить официальное разрешение' (LID, p. 245));

в) экспрессивы – одобрения (*петь дифирамбы кому-чему* 'неумеренно восторженно восхвалять' (ФСРЯ, с. 67), *praise sb/sth to the skies* 'устар. Очень хвалить кого-, что-л.; превозносить до небес' (LID, p. 311)), осуждения и упреки (*забросать камнями кого* 'подвергнуть осуждению' (ФСРЯ, с. 104), *give (someone) Jesse* 'подвергнуть осуждению, критике' (Online IFD)), насмешки (*поднять на смех кого* 'сделать предметом насмешки, осмеять' (ФСРЯ, с. 202), *poke fun at sb* 'зло высмеивать кого-л.; насмехаться' (LID, p. 131)), благодарности (*приносить чувствительную благодарность* 'устар. Благодарить от всей души, от всего сердца' (ФСРЯ, с. 324)), приветствия (*последнее прости сказать* 'проститься совсем, окончательно, навеки' (ФСРЯ, с. 226), *give/send one's compliments to sb* 'передавать (посылать) привет кому-л.' (АРФС, с. 223)), пожелания (*предложить тост* 'произнести, провозгласить тост' (ФСРЯ, с. 217));

г) комиссивы – обещания, клятвы, речательства (*ручаться головой за кого-что* 'ручаться за кого-, что-л., брать на себя полную ответственность за кого-, что-л.' (ФСРЯ, с. 52), *give sb one's word* 'со всей серьезностью обещать сделать что-л.; давать слово' (LID, p. 390)), отказы от утверждений, обязательств (*взять свои слова обратно* 'отказаться от своих утверждений, признав их ошибочность, неправоту' (ФСРЯ, с. 263), *eat humble pie* 'признать (публично, униженно) неправоту своих слов' (LID, p. 262)).

Среди фразеологических обозначений, связанных с иллокутивной целью высказывания, помимо количественно первенствующих вербативов есть и субстантивы: *перекрестный допрос* 'юр. Допрос одного и того же лица двумя сторонами (прокурором и защитником и т. д.)' (ФСРЯ, с. 193), *общественное порицание* '1. Одна из мер уголовного наказания, заключающаяся в публичном выражении судом порицания виновному. 2. Мера воздействия общественности по отношению к лицам, совершившим какой-л. проступок' (ФСРЯ, с. 177), *hard sell* 'усиленное рекламирование товаров; настойчивые уговоры' (LID, p. 299), *hatchet job* 'резкая и несправедливая критика в печати, на телевидении' (LID, p. 158).

3.3. Макрогруппа 'личностно обусловленных свойств речевых произведений'. По материалу русского и английского языков фразеологический перечень личностно обусловленных свойств содержания и формы речевых произведений несколько шире лексического. Содержание высказывания, зависящее от применяемых говорящим речевых тактик, оценивается по следующим признакам:

а) правдивость, искренность (*правду-матку резать* 'прост. Высказываться откровенно, открыто, прямо' (ФСРЯ, с. 215), *paint sth in true colours* 'изображать что-л. правдиво' (АРФС, с. 212; БАРС I, с. 479)) vs ложность, неискренность (*отливать/лить пули* 'прост. 1. Хвастливо лгать, рассказывать что-л. неправдоподобное'; *speak with (a) forked tongue* 'пытаться обмануть; говорить неправду' (Online ID)); помимо именовании собственно обмана во фразеологии также имеются обозначения для клеветы и сплетен (*дуть в уши кому* 'сплетничать, наговаривать кому-л. на кого-л.' (ФСРЯ, с. 305), *dish the dirt* 'обсуждать частную жизнь других людей, говорить о них неприятные вещи; сплетничать' (LID, p. 86)), преувеличений (*делать из мухи слона* 'сильно преувеличивать что-л., придавать чему-л. незначительному большое значение' (ФСРЯ, с. 156), *lay on the colours too thickly* 'разг. Сгущать краски, сильно преувеличивать, хватать через край' (АРФС, с. 212; БАРС I, с. 479)), приукрашиваний (*сгладить (острые) углы* 'смягчить, сгладить резкие стороны чего-л.' (ФСРЯ, с. 300), *put a gloss on sth* 'говорить или писать о чем-л., представить что-л. в более привлекательном виде, чем есть на самом деле' (LID, p. 137)), унижений (*сгустить краски* 'чрезмерно усилить или преувеличить что-л. (обычно дурное, отрицательное) в рассказе, изображении' (ФСРЯ, с. 254), *blacken sb's name* 'выставить кого-л. в неблагоприятном свете, чтобы о нем сложилось неблагоприятное впечатление' (LID, p. 240)), искажений (*называть белое черным* 'толковать что-л. не так, как есть на самом деле, а наоборот' (ФСРЯ, с. 320), *put a false colour on sth* 'искажать, представлять что-л. в ложном свете' (АРФС, с. 211; БАРС I, с. 479; Online FD));

б) весомость, вескость (*живое слово* ‘о речи, содержащей свежие, интересные мысли и затрагивающей слушателя’ (ФСРЯ, с. 9), *say a mouthful* ‘сказать что-л. важное в нескольких словах’ (LDCE, р. 931)) vs легковесность, незначительность (*болтать языком* ‘прост. Говорить вздор; пустословить’ (ФСРЯ, с. 334), *talk through one's hat* ‘разг. Говорить нелепые вещи, говорить о том, о чем не имеешь представления’ (LID, р. 157));

в) релевантность (*говорить по существу* ‘говорить о самом главном, существенном’ (ФСРЯ, с. 283), *cut to the chase* ‘начинать говорить по существу, вместо того, чтобы тратить время на не имеющие отношения к делу разговоры’ (LID, р. 58)) vs нерелевантность (*из другой оперы* ‘шутл. и ирон. О чем-л. не относящемся к делу, к теме данного разговора’ (ФСРЯ, с. 181), *throw sb off the scent* ‘сбивать кого-л. с толку, говоря о не имеющих отношения к делу вещах’ (LID, р. 296));

г) достаточность изложенной информации (*ставить точку над «и»* ‘1. Уточнять все подробности, не оставлять ничего недосказанного’ (ФСРЯ, с. 293), *put flesh on the bones of sth* ‘добавить детали, чтобы пояснить точку зрения или сделать описание более интересным’ (LID, р. 125)) vs недостаточность (*обойти молчанием* ‘намеренно не сказать, не упомянуть о чем-л.’ (ФСРЯ, с. 154), *keep sb in the dark* ‘намеренно не сообщать важную для кого-л. информацию; держать кого-л. в неведении’ (LID, р. 79)) vs избыточность (*labour the point* ‘обсуждать, объяснять что-л. снова и снова, утомлять слушающих ненужными подробностями’ (LID, р. 268)).

Фразеологическая оценка формы речевых произведений, которая обуславливается преимущественно выбором языковых средств, осуществляется на основе следующих признаков:

а) уместность, тактичность (*попасть в тон* ‘сказать или сделать что-л. уместное или приятное кому-л.’ (ФСРЯ, с. 292), *keep a civil tongue in one's head* ‘говорить вежливо, учтиво, избегать грубостей’ (АРФС, с. 1098; НБАРС III, с. 526)) vs неуместность, бестактность (*показывать зубы* ‘1. Огрызаться’ (ФСРЯ, с. 94), *get fresh with sb* ‘1. разг. Неуважительно разговаривать со старшим по возрасту; дерзить кому-л.’ (LID, р. 129–130));

б) яркость, связанная с использованием фигур, тропов, шуток (*играть словами* ‘1. Каламбурить, острить’ (ФСРЯ, с. 95), *play on words* ‘шутка, основанная на использовании разных значений одного и того же слова, фразы; каламбур’ (LID, р. 267)) vs невыразительность, шаблонность (*сухой язык* ‘невыразительный, бледный, шаблонный язык’ (ФСРЯ, с. 282));

в) ясность, недвусмысленность (*называть вещи своими именами* ‘говорить прямо, без обиняков, не подыскивая смягчающих выражений’ (ФСРЯ, с. 98; РФИЭС, с. 95), *lay it on the line* ‘высказываться определенно и решительно’ (LID, р. 213)) vs иносказательность (*говорить загадками* ‘говорить обиняками, намеками’ (ФСРЯ, с. 83), *lead a double talk* ‘вести двусмысленный разговор’ (Online ID));

г) лаконичность (*в двух / в нескольких словах* ‘коротко, сжато’ (ФСРЯ, с. 263), *put something in a nutshell* ‘сказать кратко’ (Online IFD)) vs многословие, многократное повторение (*разводить разводы* ‘прост. Говорить пространно, многословно’ (ФСРЯ, с. 235), *go over the same ground* ‘повторять, вновь возвращаться к тому, что уже было сказано раньше’ (LID, р. 144));

д) последовательность vs сумбурность, противоречивость (*впасть в противоречие* ‘начать противоречить самому себе’ (ФСРЯ, с. 38), *lose track of sth* ‘2. Забыть, о чем говоришь, думая о чем-то другом’ (LID, р. 359));

е) нормативность vs ненормативность (*ломать язык* ‘говорить неправильно, искажая слова, звуки’ (ФСРЯ, с. 334), *break Priscian's head* ‘редк. Нарушать правила грамматики’ (АРФС, с. 519));

ж) простота, понятность (*русским языком говорить* ‘говорить ясно, понятно’ (ФСРЯ, с. 247)) vs замысловатость (*напустить туману* ‘сделать что-л. неясным, запутанным’ (ФСРЯ, с. 296), *blind sb with science* ‘говорить о чем-л. замысловато, используя много непонятных для обычных людей терминов’ (LID, р. 296)).

4. Тематическая структура поля. Русское и английское метаязыковые поля образуют три представленные как лексикой, так и фразеологией тематические (семантико-денотативные) макрогруппы: 1) наименования основных составляющих коммуникации; 2) именованные иллокутивные характеристики высказывания; 3) обозначения личностно обусловленных свойств речевых произведений.

В макрогруппу ‘основные составляющие коммуникации’ входят наименования ее типовых участников: субъекта (адресанта), объекта (адресата), предмета (темы), инструментов (средств); видов коммуникативной деятельности в зависимости от ее условий – формы коммуникации (устная, письменная речь), состава участников (монолог, диалог, полилог) и др.; продуктов языковой и речевой деятельности (словарь, книга), их элементов (эпиграф, развязка) и атрибутов (сюжет, композиция, жанр).

Иллокутивная макрогруппа представлена такими дифференцированными по целеустановке классами именованных, как репрезентативы (сообщения, доносы, предсказания, предупреждения, предостережения, признания, объяснения), прескрипции (приказы и требования, убеждения и уговоры, жалобы,

просьбы, вопросы), экспрессивы (одобрения, осуждения, упреки, насмешки, приветствия, пожелания, благодарности, извинения), комиссивы (обещания, клятвы, речительства, отказы от ранее сделанных утверждений, принятых обязательств), декларативы (присвоение имен, назначения и увольнения, вынесение приговоров).

Макрогруппу ‘личностно обусловленные свойства речевых произведений’ формируют номинации, характеризующие по ряду признаков содержание высказывания (правдивость – лживость, весомость – легковесность, релевантность – нерелевантность, достаточность – недостаточность – избыточность) и форму (уместность – неуместность, яркость – шаблонность, ясность – иносказательность, лаконичность – многословие, стройность – сумбуризм, нормативность – ненормативность, простота – замысловатость).

Распределение номинативных единиц по основным семантико-денотативным макрогруппам русского и английского полей метаязыковых обозначений представлено в табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес тематических (семантико-денотативных)
макрогрупп поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках

Table 1

The proportion of the thematic macrogroups of the metalanguage
lexical-phraseological field in the Russian and English languages

Тематические макрогруппы	Русский подкорпус		Английский подкорпус	
	Количество	%	Количество	%
Основные составляющие коммуникации	1229	49	1005	48
Иллокутивные характеристики речевых актов	752	30	649	31
Личностно обусловленные свойства речевых произведений	526	21	439	21
Всего	2507	100	2093	100

По количеству конститuentов в обоих языках первенствует технически ориентированная макрогруппа – наименования основных составляющих коммуникации. Уступают ей по объему, но вместе уравнивают ее две другие психологизированные (связанные с языковым и речевым поведением людей, с их коммуникативным взаимодействием) макрогруппы – обозначения речевых актов по реализуемой в них целеустановке говорящего и именования речевых произведений в зависимости от используемых говорящим речевых тактик и языковых средств. Такая уравновешенность свидетельствует об одинаковой значимости для русскоязычного и англоязычного сознания технической и психологической сторон коммуникативной деятельности.

4.1. Особенности отображения культурно vs когнитивно значимых феноменов в номинативных единицах языка. Семантико-денотативные макрогруппы технической и психологической направленности различаются по характеру образующих их элементов и отношений между ними, и это позволяет говорить о разной природе значимости технической и психологической составляющих речевой коммуникации.

Микрогруппы, образующие техническую макрогруппу ‘основные составляющие коммуникации’, представлены разнородными по смыслу номинативными единицами, слабо организуемыми в более мелкие семантические парадигмы. Так, в русском материале 44 члена микрогруппы ‘производитель языковой и речевой деятельности’ передают 38 различных значений (т. е. в среднем примерно по одной (1,2) номинативной единице на значение), соотносятся с 38 разными денотатами: *оратор* ‘1. Тот, кто произносит речь. 2. Тот, кто обладает ораторским даром’ (Online БТС), *базарная баба* ‘прост. презр. О грубой и крикливой женщине’ (ФСРЯ, с. 14), *посредник* ‘лицо или организация, государство, при содействии которого ведутся переговоры между сторонами’ (Online БТС), *филолог* ‘специалист по филологии’, *сценарист* ‘автор сценария’ (Online БТС), *репортер* ‘сотрудник газеты, журнала, радио, телевидения, пишущий или передающий репортажи’ (Online БТС), *диктор* ‘работник радио или телевидения, читающий перед микрофоном текст радио- или телепередач’ (Online БТС), *радиот* ‘специалист по приему и передаче звуковых сигналов, сообщений по радио’ (Online БТС), *редактор* ‘1. Тот, кто редактирует какой-л. текст’ (Online БТС), *издатель* ‘лицо или предприятие, издающее произведения печати’ (Online БТС), *дипломатический курьер* ‘служащий ведомства иностранных дел, перевозающий диплома-

тическую почту' (ФСРЯ, с. 128), *спикер* '2. спорт. Лицо, объявляющее зрителям решение судей на соревнованиях по боксу' (Online БТС) и др. Смысловой близостью отмечены только четыре группы наименований адресантов (продуцентов) – группа однокорневых и разнокорневых синонимов: *писатель* 'тот, кто профессионально занимается литературной деятельностью' (Online БТС), *писательница*, *литератор* 'человек, профессионально занимающийся литературным трудом' (Online БТС), *публицист* 'писатель, автор публицистических произведений' (Online БТС) – и пары однокорневых синонимов: *поэт* 'автор стихотворных произведений' (Online БТС), *поэтесса*; *переводчик* 'тот, кто занимается переводами с одного языка на другой' (Online БТС), *переводчица*; *журналист* 'профессиональный литературный работник, занимающийся журналистикой' (Online БТС), *журналистка*. Высокая номинативная плотность макрогруппы обозначений основных компонентов коммуникации создается главным образом за счет единичных имен для многочисленных видов коммуникации, ее участников, продуктов, атрибутов. Значимость технической составляющей коммуникативной деятельности можно охарактеризовать как культурную – внешнюю, обусловленную ее присутствием практически во всех сферах жизнедеятельности человека.

Микрогруппы, формирующие психологизированные макрогруппы 'иллокутивных характеристики речевых актов' и 'лично-обусловленные свойства речевых произведений', в основном репрезентированы близкими по семантике обозначениями, объединенными в синонимические ряды. Например, в русском корпусе 20 членов микрогруппы 'одобрение' (макрогруппа 'иллокутивные характеристики речевых актов') образуют синонимическую парадигму с общим значением 'положительный отзыв, похвала / положительно отозваться (отзываться), похвалить (хвалить)' (20 номинативных единиц на значение): *одобрить* 'положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-л.' (Online БТС), *одобрение* – доминанты синонимического ряда; *поддержать* 'выразить свое одобрение, согласие с чем-л.' (Online БТС), *поддержка*; *прославить* '2. Воздать хвалу кому-л., превознести кого-л.; восхвалить' (Online БТС), *петь славу* 'прославлять, воспевать' (ФСРЯ, с. 262), *гладить по головке* 'хвалить, одобрять; потворствовать чьим-л. поступкам' (ФСРЯ, с. 47), *квасной патриотизм* 'огольное восхваление всего своего' (ФСРЯ, с. 108) – идеографические, или семантические, синонимы, содержащие (имплицитно или эксплицитно) по отношению к доминанте различительные содержательные семы; *петь осанну* 'книжн. устар. Превозносить кого-л.' (ФСРЯ, с. 182) – идеографо-стилевой синоним (имплицитно содержит различительную содержательную сему 'очень', принадлежит к художественному стилю) и др. Наличие множества синонимичных (в разной степени) наименований для признаков, относящихся к психологической стороне коммуникации, говорит о ее когнитивной – внутренней – значимости (закон притяжения синонимов С. Ульмана), высокой актуальности для человека.

5. Различия между лексикой и фразеологией в выражении связанных с языком и речью значений. В русском и английском поле метаязыковых обозначений тематическая (семантико-денотативная) ориентация лексики и фразеологии различна. Русские лексемы и фраземы в макрогруппе 'основные составляющие коммуникации' представлены (округленно) в соотношении 1 : 1, в макрогруппе 'иллокутивные характеристики речевых актов' – в соотношении 2 : 1, в макрогруппе 'лично-обусловленные свойства речевых произведений' – в соотношении 1 : 3. Процентное соотношение лексем и фразем в трех семантико-денотативных макрогруппах русского метаязыкового поля показано на рис. 1.

Схожим является соотношение лексики и фразеологии в семантико-денотативных макрогруппах английского метаязыкового поля. Это отражено на рис. 2.

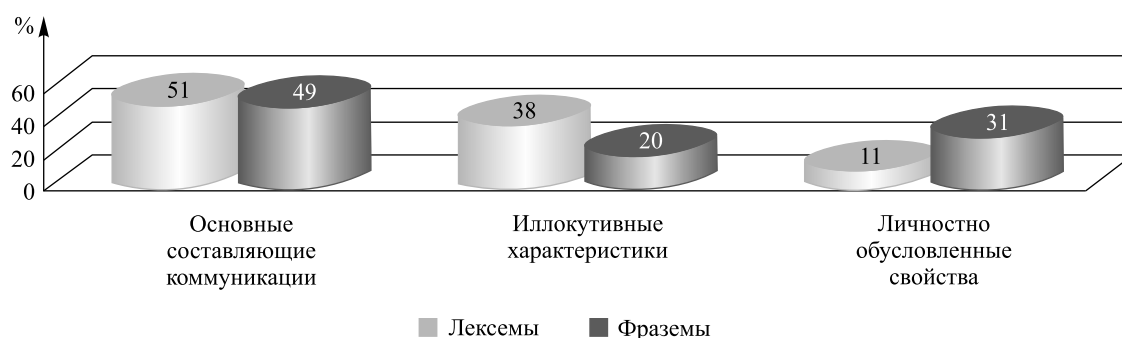

Рис. 1. Процентное соотношение лексем и фразем в тематических макрогруппах русского поля метаязыковых обозначений

Fig. 1. The percentage of the lexemes and phrasemes in the thematic macrogroups of the Russian metalanguage nominative field

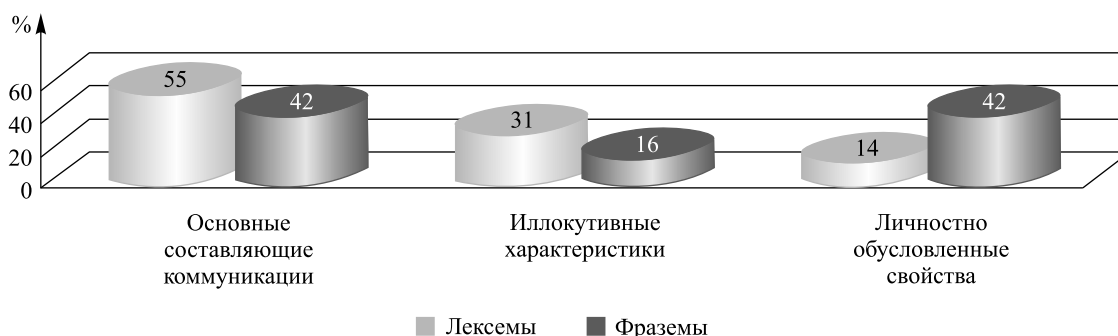

Рис. 2. Процентное соотношение лексем и фразем в тематических макрогруппах английского поля метаязыковых обозначений

Fig. 2. The percentage of the lexemes and phrasemes in the thematic macrogroups of the English metalanguage nominative field

5.1. Понятийные vs эмотивные значения, общие vs более частные значения. В ходе исследования было выяснено, что соотношение лексических и фразеологических единиц в семантических макрогруппах метаязыкового поля в русском и английском языках коррелирует с соотношением в группах понятийного (рационального) и эмотивного (эмоционально-оценочного) содержания, а также зависит от номинативных задач конституирующих их лексем и фразем.

Макрогруппы обозначений иллокутивных характеристик высказываний и наименований основных компонентов коммуникации носят интеллектуальный характер: они связаны с рациональным освоением сферы языка и речи, с вычленением и осмыслением ее предметов, процессов, признаков, отношений. В них превалирует понятийное содержание. Семантическая конкретизация в макрогруппе 'иллокутивные характеристики речевых актов' в русском и английском материале проводится главным образом с помощью лексики: лексем здесь в два раза больше, чем фразем (соотношение 2 : 1). Лексика этой макрогруппы сфокусирована на выражении понятийных значений, фразеология – эмотивных.

В макрогруппе обозначений базовых составляющих коммуникации соотношение лексики и фразеологии приблизительно равное: в русском материале – 1 : 1, в английском – 1,3 : 1. Однако фразеология этой макрогруппы примерно в равных долях представлена единицами двух видов: фраземами с понятийной и эмотивной семантикой. Среди первых – употребительные в общем (не специальном) языке фраземы-термины (в словарях снабжены пометами, указывающими на их принадлежность к определенной сфере знаний: *единственное число* 'грамм. Формы склонения и спряжения, употребляемые, когда речь идет об одном лице или предмете' (ФСРЯ, с. 76), *abstract noun* 'лингв. Существительное, называющее отвлеченное понятие' (Online FD)) и близкие к терминам составные обозначения понятий из специальных областей знаний (специальных помет в словарях не имеют: *части речи* 'грамматические разряды слов' (ФСРЯ, с. 318), *future tense* 'форма глагола, обозначающая действие или состояние, которое будет протекать в будущем (= future)' (Online FD)). Такие фраземы наравне с лексемами актуализируют понятийное содержание.

Отличия, касающиеся соотношения лексики и фразеологии в макрогруппе 'основные составляющие коммуникации' в русском (1 : 1) и английском (1,3 : 1) материале, отчасти объясняются различиями в словниках словарей, послуживших источниками материала: в английских фразеологических словарях общеупотребительные составные термины и наименования понятий из специальных сфер представлены уже, чем в русском. Релевантными здесь являются и типологически значимые различия в способах пополнения словаря двух языков. Для объективации понятийных (противопоставлены эмотивным) значений метаязыковой сферы в русском языке шире, чем в английском, используются прямые и нейтральные составные (т. е. фразеологические) наименования: *настоящее время* 'грамм. Категория глагола, указывающая на протекание действия во времени, совпадающем с моментом говорения' (ФСРЯ, с. 163), *действительный залог* 'грамм. Категория глагола, присущая глагольным словам, обозначающим действие, переходящее на прямой объект' (ФСРЯ, с. 63), *степени сравнения* 'грамм. Формы качественных прилагательных и наречий, выражающие качество предмета безотносительно к его мере (положительная степень) или сравнительно большую или самую высокую меру качества (сравнительная и превосходная степень)' (ФСРЯ, с. 277). В английском языке в этом случае употребляются в большинстве своем однословные, часто конверсивные обозначения: *present* '2. грамм. Настоящее время' (LDCE, p. 1112) (сущ. *present* соотносится с прил. *present* '4. грамм. Относящийся к категории, форме глагола, указывающей на протекание действия в момент говорения' (Online FD)); *active* 'грамм. Действительный залог' (LDCE, p. 14) (сущ. *active* соотносится с прил. *active*); *degree* '13. грамм. Степень сравнения; одна

из форм сравнения прилагательных, наречий' (*Online FD*). Конверсия, как известно, более продуктивна в аналитических языках, чем в синтетических [16, с. 119]. Общеупотребительные фраземы-термины и составные наименования понятий из специальных областей составляют около половины русских и трети английских фразеологических обозначений основных составляющих коммуникации.

Макрогруппа 'личностно обусловленные свойства речевых произведений' менее интеллектуальна, чем две первые группы: в ней отражены результаты эмоционально-оценочного переживания феноменов языка и речи, сопровождавшего процесс их рационального осмысления. В макрогруппе доминируют эмотивные смыслы. Семантическая специализация осуществляется в ней преимущественно за счет фразеологии: по материалу обоих языков лексем здесь в три раза меньше, чем фразем (соотношение 1:3). Фраземы означивают в основном эмотивное содержание, лексемы – понятийное.

Установлено, что в обоих исследуемых языках функции по выражению метаязыковых значений у лексем и фразем разные. Лексика прорисовывает общий понятийный план семантического поля, номинирует общие понятийные значения; фразеология дополняет лексически прорисованную понятийную основу рассудочными деталями. Так, многие субстантивные метаязыковые лексемы и фраземы находятся в родо-видовых связях: лексемы являются обозначениями родовых признаков, фраземы – видовых, ср.: *язык* '3. Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей' (*Online БТС*) – *родной язык* 'язык, на котором говорят с раннего детства' (ФСРЯ, с. 242), *литературный язык* 'обработанная форма общенародного языка, обладающая определенными нормами в грамматике, лексике, произношении и т. п.' (ФСРЯ, с. 134), *тайные языки* 'условные жаргоны обособленных групп людей или сообществ (офеней, воров и т. п.)' (ФСРЯ, с. 286), *древние языки* 'латинский и древнегреческий языки; классические языки' (ФСРЯ, с. 71), *живой язык* 'язык какого-л. существующего народа, употребляемый как средство общения' (ФСРЯ, с. 80), *мертвый язык* 'древний язык, на котором уже не говорят, известный только по письменным памятникам' (ФСРЯ, с. 147), *флективные языки* 'лингв. Языки, образующие формы слов при помощи флексий (в том числе и при помощи внутренних флексий)' (ФСРЯ, с. 308), *аналитические языки* 'языки, в которых отношения между словами в предложении выражаются не изменениями самих слов, а порядком слов, служебными словами, интонацией и т. п.' (ФСРЯ, с. 11), *сербскохорватский язык* 'язык сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-мусульман' (ФСРЯ, с. 256), *романские языки* 'группа языков, развившаяся на основе латинского языка, к которой принадлежат французский, итальянский, испанский, румынский, молдавский и некоторые другие' (ФСРЯ, с. 243) и т. д.

Специализация лексики на общих признаках, а фразеологии на частных – понятийных и эмотивных – прослеживается также в кругу метаязыковых наименований других частеречных классов. Например, многие вербативные фраземы обозначают не только связанное с языком или речью действие (часто имеющее лексическое обозначение), но и его характер, ср.: *listen* 'обращать слух на какие-л. звуки, чтобы услышать; воспринимать слухом' (*Online FD*) – *hang on sb's every word* 'внимательно слушать кого-л.' (LID, р. 390), *listen with half an ear* 'слушать кого-л. невнимательно; слушать вполуха' (LID, р. 98), *turn a deaf ear (to sth)* 'оставлять без внимания чьи-л. просьбы, высказывания; пропускать мимо ушей' (LID, р. 99), *pin back one's ears* 'слушать что-л. внимательно, настороженно' (LID, р. 99), *lend an ear* 'выслушать кого-л. внимательно, когда другие отказываются слушать' (LID, р. 98) и т. д.

В материале обоих языков среди номинативных единиц с общей понятийной семантикой процент лексем примерно в пять раз выше, чем доля фразем, в кругу наименований с более частными понятийными значениями процент фразем в полтора раза выше, чем удельный вес лексем.

Другой особенностью фразеологии является то, что она вносит эмотивные (экспрессивно-оценочные) оттенки в обозначенный лексически общий понятийный план метаязыкового поля. Метаязыковая сфера отличается высокой логической сложностью и интеллектуальностью – в метаязыке отражены размышления людей над языком и речью, закреплены «результаты рефлексии и контроля языкового сознания над своей работой» [17, с. 44]. Тяготением к рациональности объясняется сравнительно невысокий уровень прагматической маркированности поля метаязыковых обозначений. При этом лексемы с метаязыковой семантикой в большинстве своем безоценочно-нейтральны. Их основное назначение – именовать относящиеся к языку и речи явления, а не характеризовать их (хотя среди метаязыковой лексики имеются и экспрессивно-оценочные единицы: *шептать* '2. неодобр. Заниматься сплетнями; передавать друг другу слухи' (*Online БТС*), *sound off* 'разг. Выражать крайне отрицательное отношение к чему-л., грубо или надоедливо жаловаться, возмущаться' (*Online LDCE*), *понукай* '2. неодобр. Тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова' (*Online БТС*), *пан* '8. разг. Резкая критика, отрицательный отзыв' (*Online FD*), *пресловутый* 'неодобр. Вызавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность' (*Online БТС*)).

Характеризующую функцию (связанную с передачей отношения говорящего к сообщаемому) реализует преимущественно фразеология. Фраземы выражают широкий спектр частнооценочных значе-

ний – квалификативную оценку (качественную/количественную): *гладить против шерсти* ‘говорить или делать кому-л. неприятное’ (ФСРЯ, с. 47), *talk a blue streak* говорить много, быстро, без умолку’ (LID, р. 330); эпистемическую оценку (относящуюся к интеллектуальным способностям): *дар слова/речи* ‘2. Способность говорить свободно’ (ФСРЯ, с. 60), *twist in one’s tongue* ‘косноязычие, неумение говорить свободно’ (АРФС, с. 1125); деонтическую оценку (связанную с нормами речевого поведения): *не для чьих ушей что* ‘не следует слушать кому-л.’ (ФСРЯ, с. 305), *give sb the brush-off* ‘в грубой форме отказаться от общения с кем-л.’ (LID, р. 45); эстетическую оценку: *уши вянут у кого* ‘не хочется, противно слушать что-л.’ (ФСРЯ, с. 44; БРАФС, с. 747), *silver tongue* ‘красноречивость’ (АРФС, с. 1099) и др.

В материале обоих языков в составе именовании с эмотивной семантикой процент фразем в среднем в два с половиной раза выше, чем процент лексем. Данные о количестве русских и английских мета-языковых лексем и фразем в группах общепонятийных, частнопонятийных и эмотивных обозначений представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество (в процентном выражении) употребительных метаязыковых лексем и фразем в группах наименований с общепонятийной, частнопонятийной и эмотивной семантикой в русском и английском языках

Table 2

The percentage of the frequently-used metalanguage lexemes and phrasemes in the groups of nominative units with general cognitive, specific cognitive and emotive meanings in the Russian and English languages

Группы номинативных единиц	Русский подкорпус		Английский подкорпус	
	Лексемы, %	Фраземы, %	Лексемы, %	Фраземы, %
С общей понятийной семантикой	60	12	52	10
С частным понятийным значением	18	32	22	30
С эмотивной семантикой	22	56	26	60
Всего	100	100	100	100

В пользу ориентированности лексики на понятийную (рациональную) семантику, а фразеологии на эмотивную (экспрессивно-оценочную) говорит и тот факт, что отдельные понятийные семантические участки репрезентированы исключительно лексикой, оценочные – фразеологией. Так, все виды актов-установлений (декларативов) – присвоения имен, назначения, вынесения приговоров – в русском и английском материале имеют лишь лексическое обозначение; такие привнесенные личностью признаки речевых произведений, как достаточность – недостаточность vs избыточность представленной информации и простота – замысловатость изложения, в обоих языках поименованы только фразеологически.

Таким образом, человеческие знания о языке и речи формируются на основе их рационального осмысления и эмоционально-оценочного переживания. Это подтверждается наличием в русском и английском полях метаязыковых обозначений понятийных (преобладают) и эмотивных значений. В обоих языках функции лексики и фразеологии по выражению конституирующих метаязыковое поле значений разграничены: общие понятия означиваются преимущественно прямыми и нейтральными однословными единицами, более частные понятия – прямыми и нейтральными неоднословными (составными) единицами, эмотивные значения – переносными и экспрессивно-оценочными составными единицами.

Сокращения

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956; БАРС – Большой англо-русский словарь ABBYY Lingvo : в 2 т. М. : Рус. яз. – Медиа, 2007; БРАФС – Большой русско-английский фразеологический словарь / сост. С. И. Лубенская. М. : АСТ-Пресс КНИГА, 2004; НБАРС – Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Рус. яз., 2001; РФИЭС – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005; ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М. : Медиа : Дрофа, 2007; LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow : Pearson Educ. Ltd., 2000; LID – Longman Idioms Dictionary. Harlow : Pearson Educ. Ltd., 1998; PDEI – Gulland D. M., Hinds-Howell D. Penguin Dictionary of English Idioms. London : Penguin Books Ltd., 2002; Online БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 08.07.2017); Online ТСС – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / сост. Т. Ф. Ефремова. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 08.07.2017); Online FD – The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2017); Online ID – Idiom Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.idiomdictionary.com> (date of access: 07.07.2016); Online IFD – Idioms. The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2017); Online LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. URL: <http://www.ldceonline.com> (date of access: 07.07.2017); Online YD – Your Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.yourdictionary.com> (date of access: 07.07.2016).

Библиографические ссылки

1. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики [1916] // Соссюр. Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–285.
2. Кузнецов А. М. Поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 380–381.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
4. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 8–69.
5. Ульман С. Семантические универсалии [1963] // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5 : Языковые универсалии. С. 250–299.
6. Гutowская М. С. Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования // *Respectus Philologicus*. 2014. № 25 (30). С. 31–52.
7. Гutowская М. С. Семантическая организация фразеологического поля ‘спор’ в русском и английском языках // Вестн. БДУ. Сер. 4, Филология. Журналистика. Педагогика. 2012. № 1. С. 32–40.
8. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. : Высш. шк., 1980.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология [1980]. М. : Высш. шк., 1989.
10. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп [1989]. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
11. Шаманова М. В. Лексико-фразеологическое поле «общение» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Воронеж, 2000.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания [1984]. М., 2011.
13. Гutowская М. С. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 2. С. 58–71.
14. Shannon C. E., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana : Univ. of Illinois Press, 1949.
15. Jakobson R. Linguistics and Poetics // *Style in Language*. Cambridge ; Massachusetts, 1960. P. 350–377.
16. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. Минск : Амалфея, 2000.
17. Мечковская Н. Б. Философия языка и коммуникации. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017.

References

1. Saussure F. [Course in general linguistics]. In: Saussure F. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. P. 31–285 (in Russ.).
2. Kuznetsov A. M. [Field]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics Big encyclopedic dictionary]. Moscow, 1998. P. 380–381 (in Russ.).
3. Апресян Y. D. [The image of the person according to linguistic data: an attempt of systematic description]. *Vopr. yazykozn.* [Probl. of linguist.]. 1995. No. 1. P. 37–67 (in Russ.).
4. Postovalova V. I. [World image in human life and activities]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: language and the world image]. Moscow, 1988. P. 8–69 (in Russ.).
5. Ullmann S. [Semantic universals]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1970. Issue 5 [Language universals]. P. 250–299 (in Russ.).
6. Gutovskaya M. S. [Phraseological semantic field in contrastive cognitive linguistic study: directions and method of research]. *Respectus Philologicus*. 2014. No. 25 (30). P. 31–52 (in Russ.).
7. Gutovskaya M. S. Semantic structures of the phraseological field ‘arguing’ in the Russian and English languages. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2012. No. 1. P. 32–40 (in Russ.).
8. Rayhshteyn A. D. [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. Moscow : Vyssh. shk., 1980 (in Russ.).
9. Mokienko V. M. [Slavic phraseology]. Moscow : Vyssh. shk., 1989 (in Russ.).
10. Soloduho E. M. [The Theory of phraseological convergence: a case study of Slavic, Germanic, and Romance languages]. Moscow : Izdatel'stvo LKI, 2008 (in Russ.).
11. Shamanova M. V. [Lexical-phraseological field ‘communication’ in the modern Russian language] : diss. abstr. ... PhD (philology) : 10.02.01. Voronezh, 2000 (in Russ.).
12. Popova Z. D., Sternin I. A. [Lexical system of language: internal organisation, categorical framework and study methods]. Moscow, 2011 (in Russ.).
13. Gutovskaya M. S. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 58–71 (in Russ.).
14. Shannon C. E., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana : Univ. of Illinois Press, 1949.
15. Jakobson R. Linguistics and Poetics. In: *Style in Language*. Cambridge ; Massachusetts, 1960. P. 350–377.
16. Mechkovskaya N. B. [General linguistics. Structural and social typology of languages]. Minsk : Amalfeya, 2000 (in Russ.).
17. Mechkovskaya N. B. [Philosophy of language and communication]. Moscow : FLINTA : Nauka, 2017 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 11.09.2017.
Received by editorial board 11.09.2017.

УДК 81'1

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ И АЛЕТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В. Ю. КОСТЮЧЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Указано, что два вида познавательной модальности – эпистемическая и алетическая – различаются по семантике и средствам языкового выражения. Отмечено, что эпистемическая модальность сосредоточена в сказуемом, отражает интеллектуальное состояние субъекта-подлежащего и выражается глаголами мысли, знания, предположения; алетическая модальность находится за пределами синтаксической структуры высказывания и выражается с помощью вводных (модальных) слов и словосочетаний, которые дают модальную или эмоционально-модальную оценку того, о чем говорится в высказывании. На материале 8 русских и 8 английских фрагментов сетевых ток-шоу (объем каждого фрагмента – 1000 слов) выделены познавательные модальные значения. Сделан вывод о том, что эпистемические глаголы выступают в двух модальных значениях: глаголы мнения, предположения и глаголы знания. Показано, что алетические модальные значения по степени уверенности/сомнения можно разделить на две группы: ассерторические и предположительные. Выявлены основные сходства и различия в составе и употребительности этих модальных значений в русских и английских ток-шоу: количественная представленность значений познавательной модальности (эпистемическая и алетическая в совокупности) в 1,8 раза выше в английском материале по сравнению с русским; в классе эпистемических модальных значений английские и русские тексты ток-шоу различаются по удельному весу глаголов, выражающих уверенное знание, и глаголов допущения, предположения: в русских ток-шоу преобладают глаголы знания (90 словоупотреблений, что составляет 74 % всех эпистемических глаголов), в то время как в английском материале зафиксировано больше глаголов мнения (105 словоупотреблений, 58 %); в обоих рассматриваемых языках преобладают ассерторические модальные значения по сравнению с предположительными, что говорит о желании говорящего быть убедительным.

Ключевые слова: познавательная модальность; алетическая модальность; эпистемическая модальность; ассерторические модальные значения; предположительные модальные значения; эпистемические глаголы; алетические вводные слова, обороты и частицы; интернет-коммуникация.

ЕПІСТЕМІЧНА І АЛЕТЫЧНА МАДАЛЬНАСЦЬ У СЕТКАВЫХ ТОК-ШОУ НА РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ

В. Ю. КАСЦЮЧЭНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Сцвярджаецца, што два віды пазнавальнай мадальнасці – эпістэмічная і алетычная – адрозніваюцца семантыкай і сродкамі моўнага выражэння. Адзначана, што эпістэмічная мадальнасць сканцэнтравана ў выказніку, адлюстроўвае інтэлектуальны стан суб'екта-дзеяльніка і выражаецца дзеясловамі думкі, ведання, меркавання; алетычная мадальнасць знаходзіцца за межамі сінтаксічнай структуры выказвання і выражаецца з дапамогай пачатковых (мадальных) слоў і словазлучэнняў, якія даюць мадальную або эмацыянальна-мадальную ацэнку таго, пра што гаворыцца ў выказванні. На матэрыяле 8 рускіх і 8 англійскіх фрагментаў сеткавых ток-шоу (аб'ём кожнага фрагмента – 1000 слоў) былі вылучаны пазнавальныя мадальныя значэнні. Зроблена выснова пра тое, што

Образец цитирования:

Костюченко В. Ю. Эпистемическая и алетическая модальность в сетевых ток-шоу на русском и английском языках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 66–78.

For citation:

Kastsyuchenka V. Y. Epistemic and alethic modalities in online talk shows in Russian and English languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 66–78 (in Russ.).

Автор:

Виктория Юрьевна Костюченко – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

Author:

Viktoryia Y. Kastsyuchenka, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. vk-82@tut.by

эпістэмічныя дзеясловы выступаюць у двух мадальных значэннях: вылучаюцца дзеясловы думкі, меркавання і дзеясловы ведання. Паказана, што алетычныя мадальныя значэнні па ступені ўпэўненасці/няўпэўненасці можна падзяліць на дзве групы: асертарычныя і меркавальныя значэнні. Былі выяўлены падабенства і адрозненні ў складзе і ўжыванні гэтых мадальных значэнняў у рускіх і англійскіх ток-шоу: колькасная прадстаўленасць значэнняў пазнавальнай мадальнасці (эпістэмічная і алетычная ў сукупнасці) у англійскім матэрыяле ў 1,8 разу вышэй, чым у рускім; у класе эпістэмічных мадальных значэнняў англійскія і рускія тэксты ток-шоу адрозніваюцца паводле ўдзельнай вагі дзеясловаў, якія выказваюць упэўненае веданне, і дзеясловаў дапушчэння, меркавання: у рускіх ток-шоу пераважаюць дзеясловы ведання (90 словаўжыванняў, або 74 % усіх эпістэмічных дзеясловаў), у той час як у англійскім матэрыяле выяўлена больш дзеясловаў меркавання (105 словаўжыванняў, 58 %). Адзначана, што ў абедзвюх разгледжаных мовах пераважаюць асертарычныя мадальныя значэнні ў параўнанні з меркавальнымі, што сведчыць аб жаданні моўцаў быць больш перакананымі.

Ключавыя словы: пазнавальная мадальнасць; алетычная мадальнасць; эпістэмічная мадальнасць; асертарычныя мадальныя значэнні; меркавальныя мадальныя значэнні; эпістэмічныя дзеясловы; алетычныя пабочныя словы, звароты і часціцы; інтэрнэт-камунікацыя.

EPISTEMIC AND ALETHIC MODALITIES IN ONLINE TALK SHOWS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

V. Y. KASTSIUCHENKA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Two cognitive modalities (epistemic and alethic) differ in the semantics and means of language expression. Epistemic modality is concentrated in the predicate, reflects the intellectual state of the speaker (subject) and is expressed by the verbs of thought, knowledge and assumption; the alethic modality is outside the syntactic structure of the utterance and is expressed by means of parenthetical (modal) words and phrases that give modal or emotional-modal assessment of what is said in the statement. On the material of 8 Russian and 8 English fragments of online talk shows (the fragment consists of 1000 words in each researched language) cognitive modal meanings were identified. Epistemic verbs appear in the following modal meanings: verbs of opinion, assumption; verbs of knowledge. Alethic modal meanings in terms of confidence/doubt can be divided into two groups: assertive and presumptive. The main similarities and differences in the lexical composition and use of these modal meanings between Russian and English talk shows were found, namely: the quantitative representation of the meanings of cognitive modality (epistemic and alethic together) is 1.8 times higher in English material than in Russian; in the class of epistemic modal meanings, English and Russian texts differ in the unit weight of verbs expressing confident knowledge, on the one hand, and the verbs of assumption, on the other hand: in Russian talk shows verbs of knowledge predominate (90 usages, which is 74 % of the number of all the usage of epistemic verbs), while in the English material the majority are verbs of opinion (105 usages, 58 %). In both languages the assertive modal meanings predominate in comparison with the presumptive ones, which indicates the speaker's desire to be convincing.

Key words: cognitive modality; alethic modality; epistemic modality; assertive modal meanings; presumptive modal meanings; epistemic verbs; alethic parenthetical words, phrases and particles; Internet communication.

1. Два вида познавательной модальности: различия между эпистемической и алетической модальностью в содержании и средствах языкового выражения. Феномен модальности суждения, т. е. той или иной оценки говорящим высказываемой мысли по отношению к действительности, с античных времен был предметом разных дисциплин: наук о языке и речи (риторика, грамматика) и наук о мышлении (логика, философия). Содружество логики и лингвистики в понимании модальности сохраняется и в современном гуманитарном знании. Это отчетливо видно по представлению слова «модальность», в частности, в общем (неспециальном) словаре под редакцией С. А. Кузнецова: логическое и лингвистическое определения модальности совпадают в понимании назначения данной категории. Модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; в лингвистике – «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [1, с. 550]. Легко заметить, что различие между данными определениями состоит в том, что для логиков важно содержание (семантика) и назначение категории модальности, а для лингвистов – содержание и средства ее языкового выражения.

В данной статье рассматривается познавательная модальность (противопоставляемая аксиологической, деонтической, телеологической и некоторым другим категориям модальной логики [2, с. 515])

в ее двух разновидностях: эпистемической (*знаю, допускаю, верю*) и алетической (*возможно, конечно, скорее всего*). Фактически эпистемическая (греч. *epistḗmē* ‘знание’) и алетическая (греч. *aletheia* ‘истина’) разновидности модальности проистекают из осознания ограниченности знаний говорящего субъекта. Область значений познавательной модальности простирается от абсолютной уверенности до полной неуверенности, образуя таким образом модальный континуум, на двух противоположных полюсах которого находятся ассерторические (от лат. *asserto* ‘утверждаю’) и предположительные модальные значения. В широком смысле и эпистемическая, и алетическая модальность связана с формированием в сознании говорящего человека оценки сообщаемого с точки зрения вероятности события и достоверности сообщения. Эпистемическая модальность выражает отношение говорящего к информации с позиции достоверности, характеризует степень обоснованности знания. В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» (1996) приводится следующее определение: «*Epistemic* – относящийся к знаниям о реальном положении дел» [3, с. 202]. Алетическая модальность дает оценку степени уверенности говорящего в достоверности утверждаемого, насколько высказывание соответствует или не соответствует действительности: «*Alethic (алетический)* – связанный со знаниями об истинности высказывания» [3, с. 24].

В современной модальной логике названные виды рассматриваемой категории не всегда различаются, поэтому термины «эпистемическая модальность» и «алетическая модальность» иногда заменяют друг друга либо используется только один из них. Для лингвистов различия между двумя видами познавательной модальности вполне ощутимы, потому что они выражаются разными классами языковых средств, которые различаются по своей семантике. Эпистемическая модальность (обозначения того или иного вида ментального состояния субъекта действия (подлежащего)) обычно выражается с помощью сказуемого, в качестве которого могут выступать эпистемические глаголы или их дериваты (*верю, уверен, уверенно*) или глаголы речи и восприятия в эпистемическом значении (*предполагал, допускал, увидел* ‘понял’, *почувствовал*). Алетическая модальность (оценка истинности высказывания) выражается преимущественно за пределами высказывания как синтаксически организованного целого с помощью вводных слов и предложений, а также в некоторых случаях модальными предикатами *может, должно быть* в русском материале и *can, may, might, must* в английском. Таким образом, лингвисты, опираясь на анализ языковых средств и их семантики, более отчетливо, чем логики с помощью логических операторов, различают два вида познавательной модальности – эпистемическую и алетическую.

2. Состав текстов и их источники. Методика исследования. Статья построена на основе анализа текстов ток-шоу как жанра сетевой коммуникации. Сетевое ток-шоу – вид передачи в формате свободного обмена мнениями на заданную тему на телевидении и в интернете. Ток-шоу, рассматриваемые в статье, были взяты из интернета. Список исследованных текстов приводится в конце статьи (см. сокращения). Для преобразования звуковой записи в письменный текст были использованы ресурсы портала *Speechpad.ru*.

Интернет представляет собой свободную коммуникативную среду, соответствует стремлению людей к естественному прямому и открытому общению. Интернет-среда позволяет участникам ток-шоу активно высказывать свои предположения и убеждения, выбирая соответствующие средства выражения собственного мнения. Часто они дают оценку достоверности знаний и фактов, что обуславливает интенсивное использование в их речи языковых средств выражения эпистемической и алетической модальности.

Материал исследования составили 8 русских и 8 английских фрагментов сетевых ток-шоу (по 1000 слов в каждом фрагменте). Все участники программ являются актерами. В исследованных ток-шоу отсутствуют зрители, что, с одной стороны, делает беседу более спокойной, сдержанной и менее экспрессивной, с другой – способствует тому, что речь участников становится более содержательной и лексически разнообразной. В текстах были выявлены и охарактеризованы семантические группы познавательной модальности, установлены сходства и различия между сетевыми английскими и русскими ток-шоу в разнообразии эпистемических и алетических модальных значений и насыщенности ими, показан удельный вес познавательной модальности среди других категорий модальной логики, выделяемых в исследовании: аксиологической, деонтической, познавательной, телеологической и метакommunikативной модальности. В статье представлено количественное и процентное соотношение выделяемых алетических и эпистемических значений в исследуемом материале, отражено лексическое разнообразие и количество словоупотреблений (далее – с/у) выявленных эпистемических глаголов и алетических вводных слов, оборотов и частиц, проведено их ранжирование по убыванию частотности.

В исследованных фрагментах были отмечены 1432 факта наличия модального значения в русских ток-шоу и 1131 – в английских интернет-текстах. В табл. 1 представлен удельный вес показателей эпистемической и алетической модальности среди всех выявленных фактов наличия модального значения.

Таблица 1

Количественное и процентное соотношение показателей
эпистемической и алетической модальности в общем массиве модальных значений,
представленных в рассмотренных русских и английских сетевых ток-шоу

Table 1

The quantitative and percent ratio of the indices of epistemic and alethic modalities in the general array
of modal meanings presented in the examined Russian and English online talk shows

Вид модальности	Русскоязычный материал		Англоязычный материал	
	Количество	%	Количество	%
Эпистемическая	121	8,5	180	16
Алетическая	116	8	134	12
Весь массив модальных значений	1432	100	1131	100

Таким образом, познавательная модальность (в совокупности двух ее составляющих) в большей степени представлена в английском материале по сравнению с русским (28 % (314 единиц) vs 16,5 % (237 единиц) соответственно). Количественная и процентная корреляция эпистемических и алетических модальных значений в русском материале отличается незначительно (16 % vs 12 %), в английских ток-шоу практически совпадает (8,5 % vs 8 %).

3. Эпистемическая модальность в русских и английских ток-шоу: между знанием и догадкой.

Можно выделить следующие семантические группы эпистемических глаголов: 1) глаголы мнения, предположения (*I guess he was able to be himself* 'Я предполагаю, он мог быть самим собой'¹; *It was an extraordinary relationship founded on mutual respect I think* 'Это были необычайные отношения, основанные на взаимном уважении, я думаю' (Winsl); *I felt like your performance was so nuanced* 'Я чувствовал, что ваша игра была настолько тонкой' (Carl)); 2) глаголы знания и близкие к ним в жизни (не в науке) глаголы веры/уверенности (*What was daunting was just learning the language because I don't know yeah I don't know this world I didn't grow up in it* 'Что мне представлялось пугающим, это просто выучить язык, потому что я не знал, да, я не знал этот мир, я не вырос в нем' (Carl); *Мне нравится здесь работать, я понимаю, что я там, наверно, все-таки чужая и своей там никогда не стану* (Ходч); *А я считаю, что Доминго поет естественно* (Сигл); *I realized that your accent can really kind of defining you* 'Я поняла, что твой акцент может, на самом деле, определять тебя' (Winsl); *I couldn't believe that I got offered the part* 'Я не могла поверить, что мне предложили эту роль' (Shann)). В табл. 2 представлено количественное и процентное соотношение выделяемых семантических групп эпистемической модальности в русских и английских сетевых ток-шоу.

Таблица 2

Количественное и процентное соотношение глаголов знания и глаголов мнения
в рассмотренных русских и английских записях сетевых ток-шоу

Table 2

The quantitative and percent correlation of verbs of knowledge and verbs of opinion
in the examined Russian and English records of online talk shows

Семантические группы эпистемических глаголов	Русскоязычный материал		Англоязычный материал	
	Количество	%	Количество	%
Глаголы знания	90	74	75	42
Глаголы мнения	31	26	105	58
Всего	121	100	181	100

В русских ток-шоу преобладают эпистемические глаголы знания, а в английском материале в большей степени представлены эпистемические глаголы мнения, которые характерны для более мягкого, сдержанного, менее категоричного выражения говорящими своей точки зрения. Чтобы лучше пред-

¹ Здесь и далее перевод наш. – В. К.

ставить лексическое разнообразие эпистемических глаголов и их употребительность в исследованных русских и английских текстах, приведем ранжированный список этих глаголов по убыванию частотности их использования. В русском материале эпистемические глаголы знания представлены следующими лексемами:

- 1) *понимать* (30 с/у, I ранг);
- 2) *знать* (23 с/у, II ранг);
- 3) *считать* (11 с/у, III ранг);
- 4) *видеть* 'понимать' (9 с/у, IV ранг);
- 5) *доверять* (3 с/у, V ранг);
- 6) *дошло* 'понял' (3 с/у, V ранг);
- 7) *представлять* (3 с/у, V ранг);
- 8) *быть в курсе* (1 с/у, VI ранг);
- 9) *верить* (1 с/у, VI ранг);
- 10) *воткнула* 'поняла' (1 с/у, VI ранг);
- 11) *известно* (1 с/у, VI ранг);
- 12) *признавать* (1 с/у, VI ранг);
- 13) *существует мнение* (1 с/у, VI ранг);
- 14) *убежден* (1 с/у, VI ранг);
- 15) *узнать* (1 с/у, VI ранг).

Мнение и предположение выражаются при помощи следующих глаголов и предикативов:

- 1) *кажется* (18 с/у, I ранг);
- 2) *думать* (11 с/у, II ранг);
- 3) *такое ощущение* (1 с/у, III ранг);
- 4) *чувствовать* (1 с/у, III ранг).

В английских текстах семантическая группа глаголов знания включает следующие лексемы:

- 1) *know* 'знать, узнавать, иметь представление' (43 с/у, I ранг);
- 2) *realize* 'понимать, осознавать' (7 с/у, II ранг);
- 3) *find* 'обнаружить, приходить к заключению, считать' (5 с/у, III ранг);
- 4) *believe* 'верить, думать' (3 с/у, IV ранг);
- 5) *have no idea* 'не иметь понятия' (3 с/у, IV ранг);
- 6) *to be sure* 'быть уверенным' (3 с/у, IV ранг);
- 7) *get a sense* 'понять, уяснить' (2 с/у, V ранг);
- 8) *imagine* 'думать, предполагать' (2 с/у, V ранг);
- 9) *understand* 'понимать' (2 с/у, V ранг);
- 10) *come into head* 'понять' (1 с/у, VI ранг);
- 11) *learn* 'узнавать' (1 с/у, VI ранг);
- 12) *see* 'видеть, понимать' (1 с/у, VI ранг);
- 13) *to be aware* 'знать, сознавать' (1 с/у, VI ранг);
- 14) *to be true* 'быть правдой' (1 с/у, IV ранг).

Познавательные глаголы мнения и предположения представлены менее разнообразно:

- 1) *think* 'думать, считать, полагать' (62 с/у, I ранг);
- 2) *feel* 'чувствовать; ощущать, полагать' (31 с/у, II ранг);
- 3) *seem* 'казаться, представляться' (6 с/у, III ранг);
- 4) *suppose* 'полагать, предполагать, допускать' (3 с/у, IV ранг);
- 5) *guess* 'считать, полагать' (2 с/у, V ранг);
- 6) *to be hesitant* 'сомневаться, быть неуверенным' (1 с/у, VI ранг).

Таким образом, по лексическому разнообразию представленных эпистемических глаголов наполняемость исследованных текстов на обоих языках практически одинакова, но различается частота их употребления. Наиболее частотным эпистемическим глаголом знания является глагол *понимать* в русских ток-шоу и глагол *know* в английских; среди глаголов мнения наиболее активно употребляется лексема *казаться* в русском материале и *think* в английских текстах. Рассмотрим подробнее основные модальные значения этих лексем. Слово *понимать* среди всех эпистемических глаголов в русских ток-шоу используется наиболее часто. В «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова глагол *понимать* имеет следующее значение: «Иметь тот или иной взгляд, ту или иную точку зрения на кого-, что-л.; иметь в виду, подразумевать» [1, с. 919]. Тем не менее этот глагол представляет особый случай

в аспекте эпистемичности его семантики. Понимание тесно связано с мыслительным процессом, поэтому может соотноситься как с мнением, так и с выводным знанием. Часто понимание базируется на тех знаниях и представлениях, которыми обладает человек, и связано с анализом ситуации: *Они мне не нравились, потому что я не понимала, что мне не нравится их персонаж* (Алдн); *А когда ты с самого первого момента начинаешь понимать, что, по-моему, мне доверяют, то становится сразу легко* (Ходч). Это понимание, приходящее с течением времени и накоплением жизненного опыта: «Для понимания обычно требуется определенная мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта. Знание или представление, полученное таким образом, дает возможность предвидеть, как ситуация будет развиваться в дальнейшем» [4, с. 46].

Другой вид понимания связан с восприятием информации об окружающем мире. Оно предстает как уяснение, которое требует ментального усилия. В этом значении данный эпистемический глагол близок к таким языковым единицам, как *установить, прийти к выводу, выяснить, догадаться*. Понимание может также относиться к восприятию эмоциональных состояний и внутренних мотивов поступков других людей. Понимание чужого горя, радости, тоски и иных чувств основано на сходстве психической организации людей, известной общности жизненного опыта и умении субъекта поставить себя на место другого человека. Отталкиваясь от своих представлений о том, что можно делать, а чего нельзя, «примеряя» поведение других людей на себя, говорящий при экспликации своего понимания или непонимания людей одновременно выражает отношение к ним: одобряет или осуждает их поступки, сочувствует им или высказывает равнодушие. Так, если в реплике *Зачем нам нужен такой театр и кино, я не понимаю* (Алдн) звучит осуждение, то в высказывании *А некоторых понимаю, кому мужчинам надо семью содержать, хватает за все* (Ходч) присутствует одобрение. Глагол *понимать* во втором случае выступает как призыв понять говорящего, принять его позицию. На сложность и неоднозначность модальной характеристики этого глагола обращал внимание Ю. Д. Апресян, подчеркивая следующую особенность его толкования: «...наличие семантического компонента ‘представлять’ в толковании *понимать*, свидетельствующее о неполной сводимости понимания к чистому знанию. Компонент ‘представлять’ в значении ‘понимать’ как раз и высвечивает эти творческие аспекты процесса понимания, потому что содержит указание на усиление мысли и воображения» [5, с. 47]. Таким образом, понимание по своей сути – это не единый процесс, он реализуется в большом количестве разных ситуаций, поскольку «в основе понимания лежит знание или представление, содержанием которых являются достаточно сложные совокупности фактов» [4, с. 46]. Семантическую широту и диффузность глагола *понимать* отмечала также М. А. Дмитриевская: «Он является своего рода универсальным предикатом для обозначения множества ментальных операций» [6, с. 186].

Ранг глагола *понимать* в рассматриваемых языках существенно различается: в русском материале лексема занимает первое место по употребительности среди эпистемических глаголов с семантикой знания, в английских текстах – пятое (предпоследнее) место (30 c/y vs 2 c/y соответственно). В английских ток-шоу этот глагол выступает в следующем эпистемическом значении: *To know or realize how a fact, process, situation etc works, especially through learning or experience* [7, p. 1803] ‘Знать или понимать, как происходит явление, процесс, ситуация и т. д., особенно в процессе изучения или в результате приобретенного опыта’: *Do you feel like after being in the film and reading the book that you have like a real full understanding of what happened and how it happened?* ‘Вы чувствуете, что после того, как вы снялись в фильме и прочитали книгу, у вас появилось полное понимание того, что случилось и как это произошло?’ (Carl).

Глагол *feel*, широко представленный в английских сетевых ток-шоу (второй ранг в количественной иерархии среди глаголов с семантикой мнения), выступает в следующем эпистемическом значении: *To have a particular opinion, especially one that is based on your feelings, not on facts* [8, p. 581] ‘Иметь определенное мнение, основанное на ощущениях, интуиции, чувственных переживаниях’, ср.: *I felt like your performance was so nuanced* ‘Я чувствовал, что ваша игра была настолько тонкой’ (Carl).

Глагол *казаться* обладает самой высокой употребительностью в русских интернет-текстах среди эпистемических глаголов мнения. Он выражает предположение, в достоверности которого говорящий не уверен, т. е. глагол указывает на субъективность мнения, основанного на интуиции или составленного по аналогии с ранее известным событием: *Мне кажется, что это не так, потому что оперное искусство, оно вообще было придумано как искусство народное; И мне кажется, что идет какая-то растрата за счет кучи информации, интернета* (Сигл). У глагола *казаться* есть два значения, которые можно охарактеризовать как ментальное и перцептивное. Как отмечала Е. В. Падучева, «ментальное и перцептивное значения различаются слабо, в обоих случаях это заключение на базе наблюдаемого признака» [9, с. 501]. Так, в следующем высказывании довольно трудно найти различие между двумя составляющими значения этого глагола: *Что касается пропасти, она, на самом деле, не настолько*

и глубока, и широка, как бы нам это не *казалось* (Ходч). В некоторых высказываниях глагол *казаться* может выражать несогласие говорящего, противопоставление: *А у нас, мне кажется, не стыдно. Все актеры очень достойные; Если ты любишь, в первом там браке плохое слово, во втором, надо, все-таки один раз живем, не мучиться в любви, а искать настоящую любовь со второго, третьего раза, мне кажется* (Ходч).

В английском языке глагол *seem* может обладать разной степенью гипотетичности: в некоторых случаях (особенно когда после него следует инфинитив *to be*) этот глагол принимает ассертивное значение: *We prefer seem to be when we are talking about objective facts – things that seem definitely to be true* [10, p. 507] ‘Мы предпочитаем *seem to*, когда говорим про объективные факты – события, которые кажутся (представляются) правдой’. В «Словаре современного английского языка» (*Longman Dictionary of Contemporary English*) дефиниция этого глагола также свидетельствует о высокой степени вероятности сообщаемого: *To appear to exist to be true, or to have a particular quality* [7, p. 1486] ‘Представляется правдой или обладает определенным качеством’, ср.: *They don't seem to be American and because to be American you have to be American from your feet through to your head* ‘Они не кажутся американцами, потому что, чтобы быть американцем, ты должен быть американцем с головы до пят’ (Blanch). С другой стороны, этот глагол обладает и предположительным значением, т. е. с его помощью высказывается мнение, основанное на чувствах, интуиции говорящего, особенно когда после него не следует инфинитив *to be*: *Seem is used without to be when we are talking about subjective impressions* [10, p. 494] ‘*Seem* используется без *to be*, когда мы говорим о субъективных впечатлениях’, ср.: *Right yeah it didn't seem political, yeah it was a love story and... and a very a very kind story* ‘Да, фильм не кажется политическим, это история любви и... и очень, очень добрый рассказ’.

Глагол *думать* в русском материале занимает второй ранг по частоте среди эпистемических глаголов мнения и выражает невысокую степень уверенности говорящего в сообщаемом, несет гипотетическое модальное значение в случаях ввода изъяснительного придаточного предложения: *Я думаю, что будет справедливо, если кто-то захочет задать вопрос* (Ходч). Однако в ряде контекстов этот глагол может приобретать довольно высокую степень достоверности: *Два медийных лица, надувной диван и думают, что все должны растаять* (Ходч). Возможно, это связано с тем, что в семантике указанного глагола присутствует компонент «считать», который и придает большую уверенность высказываемому [1, с. 287]. Глагол *think* в английском материале занимает первое место по употребительности среди всех эпистемических глаголов и выступает в следующем значении: *I think used when you are saying that you believe something is true, although you are not sure* [7, p. 1724] ‘*I think* используется, когда вы говорите, что считаете что-либо правдой, хотя вы не уверены’, ср.: *I thought the movie did a great job of depicting that time* ‘Я думаю, проделана большая работа, чтобы показать то время’ (Carl). Это свойство глагола *думать* – принимать то гипотетический, то ассертивный характер – в обоих рассматриваемых языках подтверждает его способность сочетаться с другими словами, указывающими на степень достоверности сообщаемого: *I think the script was really good* ‘Я думаю, что сценарий был действительно хорош’ (Carl); *I think maybe because I was probably in my late twenties at the time that I had read the novel* ‘Я думаю, возможно, потому что мне было около тридцати в то время, когда я читала роман’ (Winsl). Высокая употребительность лексемы *think* в английском языке связана также с этикетными нормами и этнокультурной спецификой использования этого глагола в различных конструкциях, особенно в разговорной речи.

Глагол *считать* выражает допущение с высокой степенью уверенности: как и многие другие эпистемические глаголы, обозначающие ментальное состояние, он занимает промежуточное положение между высокой степенью предположения и уверенностью, приобретая в то же время дополнительный оттенок значения – передает оценку сообщаемой информации, что подтверждается его дефиницией в словаре: «Расценивать, воспринимать каким-либо образом, иметь какое-либо мнение, полагать» [1, с. 1298]. То, что человек считает, может быть частью его мировоззрения, системы взглядов. Чем сложнее какое-либо положение вещей, чем больше различных интерпретаций оно допускает, чем труднее найти истину, тем больше оснований для употребления глагола *считать*. Как правило, лексема *думать* связана с фактическим аспектом – отражает само действие (его осуществление/неосуществление), а глагол *считать* – с интенциональным аспектом, т. е. передает интерпретацию этого действия, оценку (*Он иногда заставляет смыкаться только вот в одном этом театре и считает, что это нормально* (Ходч); *А почему вы считаете это ошибкой?* (Алдн)). Глагол *считать* часто выступает как разновидность знания, являющегося аналогом истины, хотя и субъективной, так как говорящий, скорее всего, осознает, что оценка того же объекта другим человеком может быть иной. Субъективный характер этого эпистемического глагола подчеркивала М. А. Дмитриевская: «Мнение-оценку можно назвать “субъективным знанием”, поскольку оно имеет для говорящего статус субъективной истины.

Ряд оценочных суждений вообще не нуждается в мотивировке и не может быть никогда опровергнут» [11, с. 14].

По частоте употребления глагол *знать* занимает второе место среди эпистемических глаголов с модальной семантикой знания. В русском языке можно выделить следующие семы в значении глагола *знать*: 1) иметь сведения о ком-, чем-л.; 2) быть знакомым с кем-л.; 3) понимать, осознав, предполагать, догадываться; 4) испытать, пережить что-л. [1, с. 368]. В английских и русских текстах основное значение глагола *знать* – иметь некоторое суждение, оцениваемое как достоверное. Этот глагол свидетельствует о готовности субъекта привести обоснования истинности или достоверности сообщаемых сведений. В английском языке он выступает в следующих эпистемических значениях: *be sure* ‘быть уверенным’, *be familiar with sb/sth* ‘быть знакомым с кем-л. (чем-л.)’, *realize* ‘понимать, осознавать, представлять себе’ [7, р. 893]. В обоих языках можно выделить следующие составляющие знания: информационное знание, опытное знание, знание «о другом». Информационное знание анализируется разумом (*Ну это вредно, вы **знаете** об этом* (Алдн); *There’s a lot of information that I **didn’t know** before I started digging* ‘Есть много информации, которую я не знал раньше, прежде чем начал изучать проблему’ (Carl)), достоверность опытного знания оценивается чувством (*Нет, иногда это случается, кто **знает**, это страшно* (Алдн); *Because I **don’t know** yeah I **don’t know** this world* ‘Потому что я не знал, да, я не знал этот мир’ (Carl)). Эти два вида знания находятся между собой в постоянном взаимодействии, опытное знание часто служит основанием для суждения. Знание «о другом» сочетает в себе информацию, получаемую из разных источников, и опытное знание (*Venture he is **known** to do a lot of takes* ‘Финчер известен тем, что делает много дублей’ (Carl)). Глагол *знать*, как и большинство других фактивных глаголов, может управлять косвенным вопросом, в отличие, например, от глагола *считать*, который такой способностью не обладает: *Не то что я **знаю**, с кем она живет, кто у него этот, а этот, а этот* (Ходч). Несмотря на свой фактивный характер, глагол *знать* в исследуемом материале в некоторых случаях оказывается смещенным в сторону понимания, уверенности, убеждения, мнения, ощущения: *И **знаете**, еще в чем отличие: у нас нет желания кого-то подсадить, у нас нет интриг* (Ходч) – сдвиг в сторону понимания; *Я даже **не знаю**, как точнее обозначить* (Алдн) – сдвиг в сторону мнения. Как указывал Ю. Д. Апресян, сдвиг в сторону мнения происходит «особенно в отрицательных предложениях в контексте высказываний о конкретных будущих событиях, когда субъект знания не имеет четкого представления о том, как следует действовать в сложившейся обстановке» [5, с. 50]. Таким образом, несмотря на то, что глагол *знать* является основным фактивным глаголом в обоих языках и, как правило, относится к семантически примитивным глаголам, в некоторых употреблениях он не поддается однозначному толкованию. По утверждению Ю. Д. Апресяна, «его реальное лексическое значение располагается между полюсами “истинное знание” и “мнение”, покрывая целиком первый полюс, пересекаясь с семантикой таких промежуточных ментальных предикатов, как понимать, быть уверенным, верить, быть убежденным, и доходя до границ второго» [5, с. 52].

В исследуемых текстах глагол *видеть* допускает замену на глагол *знать*, что свидетельствует об их близости. Интересен тот факт, что глагол *видеть* вводит не «что-предложения» (это более характерно для глагола *знать*, который указывает на некоторый достоверный факт), а «как-предложения», что характерно для восприятия какого-либо наблюдаемого процесса: *Я **вижу**, как он относится к нам, артистам, я **вижу**, как он относится к выбору материала, как идет подготовительный репетиционный период, и никуда не хочется бежать* (Ходч). Семантически сложный глагол *find* (третий по частоте в рассмотренных английских текстах) выступает в следующем эпистемическом значении: *To have the experience of discovering that something happens or is true* [7, р. 593] ‘Обнаружить что-либо, что на самом деле имеет место быть, истинно’, ср.: *I **found** in watching it that the script was very efficient and there wasn’t there wasn’t anything extraneous about it* ‘Когда я смотрел фильм, то обнаружил, что сценарий был очень умело написан и там не было ничего лишнего’ (Carl).

Границы между значениями многих эпистемических глаголов, как и степень уверенности/неуверенности, заложенная в семантику слов с алетической модальностью, условны, они образуют языковой континуум. Глаголы *знать*, *понимать*, *считать*, *видеть* часто внутренне настолько близки, что их реальные лексические воплощения в разных употреблениях скользят от одного смысла к другому. Как отмечала М. А. Дмитриевская, «возможность этих замен подчеркивает субъективный характер истинности пропозиций, которые каждый субъект формирует для себя сам, исходя из особенности своей натуры» [6, с. 178]. Таким образом, сложность эпистемической модальности заключается в том, что многие мыслительные процессы протекают подсознательно, поэтому результаты принятия решения могут быть лишены четкого обоснования и даваться субъекту в виде ощущений.

4. Алетические модальные значения в русских и английских ток-шоу: между ассерцией и неуверенностью. Алетическая модальность выражается вводными (модальными) словами, оборотами

и частицами, которые по степени достоверности можно разделить на две группы: ассерторические (уверенно утвердительные) и предположительные вводные слова. Ассерторические вводные слова, обороты и частицы выражают уверенность, высокую степень достоверности высказываемого: *It wasn't really the role that drew me* 'На самом деле меня привлекла не роль'; *There's tons of films obviously that were made during that time period* 'Конечно, есть много фильмов, которые сняты в этот период' (Carl); *The process must have been very difficult* 'Процесс, должно быть, был очень сложным' (Winsl); *Наверняка, он не сидел бы здесь, если бы он не снимался в фильме «Три мушкетера»* (Ходч); *В своем танце, да, конечно, в своем узком коридоре, профессионал, несомненно; Он популярен невозможно, действительно* (Сигл). Предположительные вводные слова и предикаты выражают неуверенность, допущение: *Maybe speaking much more in their own voices* 'И, возможно, все больше говорят они своими собственными голосами' (Blanch); *I think it can be one of the most complicated relationships* 'Я думаю, это могут быть одни из самых сложных отношений' (Winsl); *Кино может и театр нести радость; У меня, наверно, нет этих амбиций* (Ходч).

Модальные (вводные) слова имеют разный морфолого-синтаксический облик в исследованных текстах и представлены собственно вводными словами (рус. *конечно, наверняка, естественно*; англ. *really, obviously, actually, probably*), сочетаниями слов (рус. *на самом деле, может быть*; англ. *really and truly*), частицами (рус. *вряд ли, прямо, ли, вроде как*).

В табл. 3 представлено количественное и процентное соотношение ассерторических и предположительных модальных значений в рассматриваемых русских и английских интернет-текстах.

Таблица 3

Количественные и процентные различия в представленности в русских и английских записях сетевых ток-шоу двух групп алетической модальности значения неполной уверенности (предположительные)

Table 3

Quantitative and percent differences in the representation in the Russian and English records of online talk shows of two groups of alethic modalities

Разновидности алетической модальности	Русскоязычный материал		Англоязычный материал	
	Количество	%	Количество	%
Ассертивная модальность	61	53	101	75
Модальность неполной уверенности (предположительная)	55	47	33	25
Всего	116	100	134	100

Алетические модальные значения более широко представлены в английском материале. В текстах на обоих языках преобладают ассерторические модальные значения по сравнению с предположительными, однако их удельный вес выше в английском материале в сопоставлении с русским (101 и 61 с/у соответственно), что является результатом высокой активности вводного слова *really* в английском языке (63 с/у).

Рассмотрим лексемный состав и представленность в текстах алетических вводных слов, оборотов и частиц, а также предикатов, приведем их ранжированный список по убыванию частот. Вводные слова и предикаты, выражающие уверенность, в русских текстах представлены следующими лексемами:

- 1) *конечно* (26 с/у, I ранг);
- 2) *на самом деле* (9 с/у, II ранг);
- 3) *действительно* (8 с/у, III ранг);
- 4) *прямо* (5 с/у, IV ранг);
- 5) *естественно* (4 с/у, V ранг);
- 6) *правда* (3 с/у, VI ранг);
- 7) *должен* (2 с/у, VII ранг);
- 8) *очевидно* (2 с/у, VII ранг);
- 9) *наверняка* (1 с/у, VIII ранг);
- 10) *несомненно* (1 с/у, VIII ранг).

В английском языке эта группа включает следующие вводные слова:

- 1) *really* 'в самом деле' (63 с/у, I ранг);
- 2) *actually* 'на самом деле' (15 с/у, II ранг);
- 3) *obviously* 'очевидно' (10 с/у, III ранг);

- 4) *clearly* 'очевидно, конечно' (3 с/у, IV ранг);
- 5) *must* 'должно быть' (3 с/у, IV ранг);
- 6) *of course* 'конечно' (2 с/у, V ранг);
- 7) *certainly* 'безусловно, конечно' (2 с/у, V ранг);
- 8) *really and truly* 'действительно' (1 с/у, VI ранг);
- 9) *surely* 'конечно' (1 с/у, VI ранг);
- 10) *definitely* 'определенно, несомненно' (1 с/у, VI ранг).

В русских ток-шоу предположительные модальные значения выражаются с помощью следующих вводных слов, оборотов и частиц:

- 1) *наверное* (15 с/у, I ранг);
- 2) *может* (10 с/у, II ранг);
- 3) *ли* (10 с/у, II ранг);
- 4) *допустим* (8 с/у, III ранг);
- 5) *может быть* (7 с/у, IV ранг);
- 6) *вроде как (бы)* (2 с/у, V ранг);
- 7) *видимо* (2 с/у, V ранг);
- 8) *вряд ли* (1 с/у, VI ранг).

В английских текстах вводные слова и предикаты предположения (сомнения) представлены следующими лексемами:

- 1) *maybe* 'может быть' (10 с/у, I ранг);
- 2) *probably* 'вероятно' (7 с/у, II ранг);
- 3) *can* 'может' (5 с/у, III ранг);
- 4) *might* 'может быть' (3 с/у, IV ранг);
- 5) *not necessarily* 'необязательно' (3 с/у, IV ранг);
- 6) *allow* 'делать возможным' (2 с/у, V ранг);
- 7) *may* 'может' (1 с/у, VI ранг);
- 8) *possibly* 'возможно, может быть' (1 с/у, VI ранг);
- 9) *perhaps* 'возможно, может быть' (1 с/у, VI ранг).

В русских ток-шоу лексема *конечно* является самым активным вводным словом с ассерторическим модальным значением, а вводное слово *наверное* наиболее частое среди вводных слов, выражающих предположение, неуверенность. В английском материале самыми частыми выступают вводные слова *really* (как выражение уверенности) и *maybe* (как выражение сомнения, предположения).

Вводное слово *really* максимально продуктивное в рассмотренных английских ток-шоу, иногда оно используется для того, чтобы подчеркнуть, что сообщаемое является правдой и, возможно, другие ошибочно воспринимают это иначе: *It wasn't really the role that drew me* 'На самом деле меня привлекла не роль' (Carl). Часто слово *really* усиливает значение следующего за ним прилагательного, т. е. выполняет еще и функцию акцентирования: *The script was really good* 'Сценарий был действительно хороший' (Carl). В вопросительных предложениях вводное слово *really* выражает сомнение, удивление. Вводное слово *obviously* используется для того, чтобы подчеркнуть, что информация, передаваемая в высказывании, очевидна, известна и вполне понятна собеседнику по каким-либо причинам: *...used to mean that a fact can easily be noticed or understood* '...используется, чтобы показать, что явление (факт) можно легко заметить или понять' [7, p. 1132], ср.: *There's tons of films obviously that were made during that time period and then there's tons of films that have been made about that time* 'Очевидно, есть много фильмов, которые сняты в этот период, и масса фильмов, которые рассказывают об этом периоде'. Его русский переводной эквивалент *очевидно* также может употребляться в этом значении: *Очевидно, что между российским кино и голливудским существует пропасть* (Ходч).

Вводное слово *конечно*, которое в русском материале уверенно занимает первый ранг в количественной иерархии модальных слов с алетической семантикой, используется в ситуациях, когда собеседник знает, что сообщаемое является правдой, или ожидает это услышать: *Потому что, конечно же, процесс важен, но разве не важен результат* (Ходч). Это характерно и для лексемы *of course* в английских ток-шоу: *Of course there's the temptation of wanted to know how they did that but it's kind of better not to know* 'Конечно, бывает соблазн узнать, как у них получилось так, но лучше этого не знать' (Carl). Вводное слово *surely*, наоборот, используется в значении *to show that you think something must be true, especially when people seem to be disagreeing to you* [7, p. 1670] 'для выражения уверенности в тех ситуациях, когда слушающий не согласен с вами', т. е. оно передает контраст с ожиданиями собеседника. Часто вводное слово *конечно* в русском материале употребляется вместе с частицей *же*, что делает высказывание более убедительным и эмоциональным (*Ну конечно же, театр, потому что он более живой* (Ходч);

И, конечно же, показать молодые таланты, которые существуют (Алдн)). Вводное сочетание *на самом деле*, выражающее убежденность говорящего, в русском материале и его английский переводной эквивалент в английских текстах *actually* проявляют высокую активность в обоих языках и занимают третье место по употребительности в своей группе. Интересно, что в некоторых случаях эти вводные слова в обоих рассматриваемых языках могут использоваться для опровержения: *Что касается пропасти, она на самом деле не настолько и глубока, и широка* (Ходч); *Actually if you want someone's attention whisper* 'На самом деле, если вы хотите привлечь внимание, говорите шепотом' (Carl). Таким образом, в русских ток-шоу слова *действительно* и *в самом деле* используются в контекстах подтверждения, тогда как сочетания *в действительности* и *на самом деле* могут выступать в контекстах опровержения. Предположительные вводные слова и предикаты употребляются для выражения предположения, неуверенности, помогают говорящему не выглядеть слишком резким, напористым, самоуверенным, чрезмерно настойчивым, смягчают категоричность высказываемого: *Это такие совершенно разные жанры, разные форматы, и, наверное, в обоих этих форматах может быть комфортно* (Ходч); *Не может ли это быть потому, что до финала дошли абсолютно равнозначные по силе своей люди* (Сигл).

5. Познавательная модальность в русских и английских сетевых ток-шоу: чем объяснить сходства и различия. В обоих языках по количеству с/у шире представлены глаголы с эпистемической модальностью по сравнению с алетическими вводными (модальными) словами. В английском языке их в 1,5 раза больше, чем в русских интернет-текстах, что можно объяснить высокой активностью эпистемического глагола *think* (34 % от общего количества слов с эпистемической модальностью), далее следует глагол *feel* (17 %). Эти эпистемические глаголы говорят о менее категоричном, сдержанном и неконфликтном характере коммуникации. С другой стороны, расхождения объясняются тем, что в рассмотренных английских ток-шоу отсутствует модератор, участники больше нацелены на обмен мнениями, обсуждение каких-либо событий, чувств, опыта. В английском языке преобладают эпистемические глаголы мнения, а в русских текстах – эпистемические глаголы знания. Преобладание в русских текстах глаголов знания подчеркивает желание говорящего быть убедительным, воздействовать на участников беседы. Для многих эпистемических глаголов рассматриваемых классов характерна размытость и неопределенность их семантики, невозможность провести четкие границы между значениями. При описании одного и того же мыслительного состояния говорящего могут быть употреблены разные эпистемические предикаты в зависимости от коммуникативной ситуации, коммуникативных интересов и установок говорящего и слушающего, что подчеркивает прагматический характер познавательной модальности. Как утверждал И. Б. Шатуновский, «различия между эпистемическими глаголами носят поверхностный характер и отражают не столько различия в объективных ментальных состояниях людей, сколько различия в коммуникативной перспективе предложений с этими глаголами и в отношении говорящего к одной и той же объективной ситуации» [12, с. 22]. Например, понимание не является по своей сути единым процессом и реализуется в большом количестве разнородных ситуаций, которые различаются по способу достижения понимания, поэтому глагол *понимать*, как и многие другие глаголы интеллектуальной деятельности, можно отнести к семантически сложному предикату, который не сводим к какому-то одному смыслу. Иногда знание содержательно приближается к вере, а вера может рассматриваться как разновидность знания. В выражении мнения часто присутствует определенная доля уверенности, и, наверное, только сам говорящий, как носитель мнения или знания, может определить степень его уверенности или неуверенности. Как отмечала М. А. Дмитриевская, «мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности. Окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы оцениваются, принимаются или отвергаются; человек, «переживая» жизнь, формирует свой характер, взгляды и убеждения. <...> То, как человек «существует», зависит от того, как (или что) он мыслит. Не может быть двух одинаковых жизней, потому что не может быть двух одинаковых личностей и стилей мышления» [11, с. 8].

Алетическая модальность по количеству имеющихся фактов шире представлена в английских текстах. В английских и русских сетевых ток-шоу преобладают вводные слова, выражающие высокую степень уверенности, убежденности в высказанной мысли. Эти слова передают информацию, основанную на подлинных фактах, концентрируют внимание собеседника на том, что говорящий считает важным.

Широкая представленность алетических и эпистемических модальных значений обусловлена спецификой той среды, в которой они функционируют, – устной разговорной речи. Ее основными свойствами являются диалогичность, непринужденность, оценочность, ситуативность, желание воздействовать на собеседника, а все это предполагает использование рассматриваемых модальных значений.

6. Выводы. Эпистемические глаголы в сетевых ток-шоу выступают в двух модальных значениях: выделяются глаголы мнения, предположения и глаголы знания. Основные алетические значения варьи-

руются от полной убежденности (ассерторические модальные значения) до средней и слабой уверенности (предположительные модальные значения). Таким образом, основой для установления иерархии алетических и эпистемических модальных значений может служить характер информации в сознании говорящего: степень его уверенности либо сомнения.

Количественная представленность познавательных модальных значений (алетических и эпистемических) в 1,8 раза выше в английских ток-шоу, что объясняется высокой частотностью эпистемического глагола *think* и алетического вводного слова *really*.

В русском материале в классе эпистемических модальных значений преобладают глаголы знания, в английских ток-шоу – глаголы мнения. Большая степень представленности в исследованных английских текстах эпистемических глаголов мнения и лексическое разнообразие этой семантической группы могут свидетельствовать о некатегоричном, сдержанном характере коммуникации, избегании прямой оценочности. Также это может быть связано с особенностями исследуемого жанра, в частности со свободным, открытым характером коммуникации, возможностью выражать свои мнения и взгляды без ограничений.

Как в русском, так и в английском материале среди алетических вводных (модальных) слов преобладают ассерторические модальные значения, выражающие высокую степень уверенности в высказанной информации. Наличие алетических вводных слов с модальной семантикой уверенности говорит о желании быть максимально убедительным, в какой-то степени воздействовать на собеседника, подчеркивает диалогичность и эмоциональность разговорной речи.

Сокращения

Алдн – Шоу Парк КиО [В гостях Сергей Алдонин и Петр Красилов]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SoHGx-1gzvJM> (дата обращения: 18.08.2017); **Сигл** – Шоу Парк КиО [В гостях Анна Сигалова и Дмитрий Бертман]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4yI2QEDWgE0> (дата обращения: 03.11.2017); **Ходч** – Светлана Ходченкова: «В Америке я чужая и своей никогда не стану» [Видеоверсия встречи театрального клуба «Антракт» с актерами]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XKu6nnzJH_k (дата обращения: 20.02.2017); **Blanch** – Actors on Actors: Cate Blanchett and Ian McKellen [«Актеры об актерам», участники – Кэтрин Элис Бланшетт и Иэн Макрей Маккеллен]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ThpcJDTo-Bow> (дата обращения: 20.02.2017); **Carl** – Actors on Actors: Steve Carell and Rooney Mara [«Актеры об актерам», участники – Стив Кэрелл и Патриция Руни Марк]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lk4fQLLS-tA> (дата обращения: 22.02.2017); **Di-Capr** – The Today Show: Kate Winslet and Leonardo DiCaprio [Участники – Кейт Уинслет и Леонардо Ди Каприо]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kerFC2d51FM> (дата обращения: 17.10.2017); **Shann** – Actors on Actors: Emma Stone and Molly Shannon [«Актеры об актерам», участники – Эмма Стоун и Молли Шеннон]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UxzuhuW_FFo (дата обращения: 11.10.2017); **Winsl** – Actors on Actors: Kate Winslet and Saoirse Ronan [«Актеры об актерам», участники – Кейт Уинслет и Сирша Ронан]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NzyN5kcbusY> (дата обращения: 13.04.2017).

Библиографические ссылки

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
2. Ивин А. А. Модальная логика // Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 515–516.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н. [и др.]. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике : около 8000 терминов : в 2 т. М. : Помовский и партнеры, 1996. Т. 1.
4. Апресян Ю. Д. Основные ментальные предикаты состояния в русском языке // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М., 1999. С. 44–53.
5. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопр. языкознания. 1995. № 4. С. 43–63.
6. Дмитриевская М. А. Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988. С. 166–187.
7. Longman Dictionary of Contemporary English / direct. D. Summers. Harlow ; Essex : Pearson Educ., 2003.
8. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge : Univ. Print. House, 2015.
9. Падучева Е. В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер : к 60-летию В. М. Живова / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2006. С. 498–514.
10. Swan M. Practical English Usage. 3rd ed. Oxford : Oxf. Univ. Press, 2005.
11. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ человека и образ мира // Логический анализ языка. Знание и мнение : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988. С. 6–18.
12. Шатуновский И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка. Знание и мнение : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988. С. 18–23.

References

1. Kuznetsov S. A. (compil.). [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg : Norint, 2000 (in Russ.).
2. Ivin A. A. [Modal logic]. In: *Filosofiya* [Philosophy] : encycl. dict. Moscow, 2004. P. 515–516 (in Russ.).
3. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., Mikhailov M. N., et al. [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics] : about 8000 terms : in 2 vols. Moscow : Pomovskii i partnory, 1996. Vol. 1 (in Russ.).

4. Apresyan Y. D. [Basic mental predicates of the state in Russian language]. In: *Slavyanskije etyudy* [Slavic etudes] : collect. for the jubil. of S. M. Tolstaya. Moscow, 1999. P. 44–53 (in Russ.).
5. Apresyan Y. D. [The problem of factivity: *to know* and its synonyms]. *Vopr. yazykozn.* [Probl. of linguist.]. 1995. No. 4. P. 43–63 (in Russ.).
6. Dmitrovskaya M. A. [Knowledge and authenticity]. *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and intensionality problems]. Moscow, 1988. P. 166–187 (in Russ.).
7. Summers D. (direct.). Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow ; Essex : Pearson Educ., 2003.
8. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge : Univ. Print. House, 2015.
9. Paducheva E. V. [Introductory verbs: verbal and narrative mode of interpretation]. *Verenitsa liter* [String of letters] : to the 60th anniv. of V. M. Zhivov. Moscow, 2006. P. 498–514 (in Russ.).
10. Swan M. Practical English Usage. 3rd ed. Oxford : Oxf. Univ. Press, 2005.
11. Dmitrovskaya M. A. [Knowledge and opinion: the image of a person and the image of the world]. *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language. Knowledge and opinion] : collect. of sci. pap. Moscow, 1988. P. 6–18 (in Russ.).
12. Shatunovsky I. B. [Epistemic verbs: communicative perspective, presumptions, pragmatics]. *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of the language. Knowledge and opinion] : collect. of sci. pap. Moscow, 1988. P. 18–23 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.01.2017.
Received by editorial board 12.01.2017.

ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ НА ОСНОВЕ РЕМИНИСЦЕНТНОГО ПОЛЯ

А. И. ЖИШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются различные подходы к определению понятия «реминисценция». Предложено трактовать его как обобщение всех форм интертекстуальных включений, т. е. осознанные либо неосознанные, точные либо преобразованные цитаты или ассоциативные отсылки к более или менее известным явлениям, выраженным в материальной и нематериальной текстовых формах в составе более позднего текста. Утверждается, что на основе такого представления о реминисценции все формы интертекстуальных включений, объединенные на основе функциональной общности, можно рассматривать как реминисцентное поле, ядром которого является цитата, а периферийной частью – аппликация, парафраз и аллюзия.

Ключевые слова: интертекстуальность; реминисценция; аллюзия; цитата; парафраз; аппликация; реминисцентное поле.

ТЫПАЛОГІЯ ФОРМ ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНЫХ УКЛЮЧЭННЯЎ НА АСНОВЕ РЭМІНІСЦЭНТНАГА ПОЛЯ

А. І. ЖЫШКЕВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца розныя падыходы да вызначэння паняцця «рэмінісцэнцыя». Прапанавана трактаваць яго як абагульненне ўсіх форм інтэртэкстуальных уключэнняў, гэта значыць пад рэмінісцэнцыяй разумеюцца ўсвядомленыя або неўсвядомленыя, дакладныя або пераўтвораныя цытаты ці асацыятыўныя адсылкі да больш ці менш вядомых з'яў, якія выражаны ў матэрыяльнай і нематэрыяльнай тэкставай формах у складзе больш позняга тэксту. Сцвярджаецца, што на падставе такога ўяўлення аб рэмінісцэнцыі ўсе формы інтэртэкстуальных уключэнняў, аб'яднаныя на аснове функцыянальнай агульнасці, можна разглядаць як рэмінісцэнтнае поле, ядром якога з'яўляецца цытата, а перыферыяльнай часткай – аплікацыя, парафраз і аллюзія.

Ключавыя словы: інтэртэкстуальнасць; рэмінісцэнцыя; аллюзія; цытата; парафраз; аплікацыя; рэмінісцэнтнае поле.

Образец цитирования:

Жишкевич А. И. Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 1. С. 79–83.

For citation:

Zhyshkevich A. I. Typology of forms of intertextual inclusions on the basis of a reminiscence field. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 1. P. 79–83 (in Russ.).

Автор:

Алёна Игоревна Жишкевич – аспирантка кафедры общего и русского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. П. Кудреватых.

Author:

Aliona I. Zhyshkevich, postgraduate student at the department of general and Russian linguistics, faculty of philology.
dhyan_deepa@list.ru

TYPOLOGY OF FORMS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS ON THE BASIS OF A REMINISCENCE FIELD

A. I. ZHYSHKEVICH^a

^a*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Savieckaja Street, 220030 Minsk, Belarus*

The article analyzes various approaches to the definition of the concept of reminiscence. As a result, reminiscence is defined as a generalization of all forms of intertextual inclusions. That is, under reminiscence we mean realized vs unconscious, accurate vs transformed quotations or associative references to more or less known phenomena, expressed in material and non-material textual form as a part of a later text. Based on this idea of reminiscence, all forms of intertextual inclusions, combined on the basis of a functional community, are considered as a reminiscence field, the core of which is a quotation. Paraphrase, applique and allusion are referred to the peripheral part.

Key words: intertextuality; reminiscence; allusion; quotation; paraphrase; applique; field of reminiscence.

В конце XX – начале XXI в. теория интертекстуальности вошла в круг исследовательских проблем различных филологических дисциплин и стала разрабатываться учеными из разных стран. Однако многие проблемные вопросы остались нерешенными ввиду того, что до настоящего времени не существует единого подхода к изучению данного явления, отсутствует единая типология форм интертекстуальных включений, их функций и способов маркирования. В зависимости от своих научных взглядов авторы по-разному трактуют термин «интертекстуальность», обосновывая собственную типологию форм интертекстуальных включений, которая является приемлемой для их исследований. Как показал анализ лингвистической литературы, в настоящее время самым неопределенным понятием в области форм интертекстуальности является реминисценция. Исследователи по-разному трактуют данное явление. Попробуем разобраться в этом спорном вопросе.

В словарях даются следующие определения понятия «реминисценция»:

- «Смутное воспоминание; явление, наводящее на воспоминание, сопоставление с чем-либо» [1, с. 607];
- «Отдельная мелодия музыкального произведения, литературный прием и т. п., используемые в других произведениях» [1, с. 607];
- «Намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения» [2, с. 338];
- «Нясыны ўспаміны; адбітак уплыву чыёй-н. творчасці ў мастацкім творы» [3, с. 575].

В работах современных исследователей выделяются несколько подходов к определению понятия «реминисценция»:

1. Реминисценция включена в состав понятия «аллюзия» и находится на его периферии (А. С. Евсеев, Т. Б. Цырендоржиева). Так, Т. Б. Цырендоржиева выдвинула гипотезу о том, что аллюзия является родовым понятием по отношению к цитате и реминисценции. Исследователь обосновывает это тем, что «в основе таких смежных явлений, как аллюзия, цитация, реминисценция, ссылка, эхо, лежит единый когнитивно-дискурсивный процесс (процесс аллюзирования), проявляющийся в динамическом функционировании интертекстуальных образцов, что позволяет объединить их в единую категорию аллюзивных средств языка» [4, с. 6]. Под аллюзированием Т. Б. Цырендоржиева понимает «процесс инкорпорирования предшествующих текстовых элементов в новый текст» [4, с. 80]. В исследовании А. С. Евсеева мы также находим попытку представить аллюзию как обобщение. Автор соотносит аллюзию и реминисценцию следующим образом: «...понятие “реминисценция” уже понятия “аллюзия”, входит в него и находится на его периферии» [5, с. 6]. По мнению А. С. Евсеева, аллюзия является родовым понятием и для цитаты. Исследователь выделяет номинативную и цитатную аллюзии, разграничивая их по типу денотата: «В номинативной аллюзии денотат практически любой, в цитатной аллюзии – это прежде всего текст, а также метонимически связанные с текстом объекты» [5, с. 7].

2. Реминисценция – видовое понятие по отношению к цитате. По мнению исследователя И. В. Фоменко, цитата выступает как общее понятие, включающее в себя собственно цитату, аллюзию и реминисценцию. Исследователь отмечает, что «цитатой – в широком смысле – можно считать любой элемент чужого текста, включенный в авторский (“свой”) текст» [6 с. 497].

3. Реминисценция рассматривается как результат ненамеренного (бессознательного) включения в текст. По мнению таких исследователей, как С. А. Казаева [7], Е. Н. Золотухина [8], А. П. Квятковский [2], реминисценция предстает как результат ненамеренного включения в текст элементов, отсылающих читателя к некоторому текстовому, но чаще нетекстовому источнику. На наш взгляд, этот критерий

рий не обоснован, так как при проведении интертекстуального анализа текста невозможно установить, осознанными или неосознанными являются те или иные интертекстуальные включения. К тому же нет принципиального различия в восприятии осознанных и неосознанных реминисценций. В том и другом случаях адресат сопоставляет в своей памяти интертекстуальное включение с прецедентным текстом, и лишь тогда реминисценция становится для него реминисценцией.

4. Реминисценция – отсылка не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое безусловно узнаваемо (Н. А. Фатеева).

5. Реминисценция – обобщение всех форм интертекстуальных включений, являющееся родовым по отношению к другим формам интертекстуальных включений (В. П. Москвин, А. Е. Супрун, С. Н. Плотников, В. Е. Хализев).

Таким образом, все исследователи сходятся в том, что термин «реминисценция» обозначает присутствие в тексте отсылки к предшествующим произведениям. Но одни исследователи определяют реминисценцию как видовое понятие по отношению к родовым понятиям «аллюзия» или «цитата» либо как родовое понятие по отношению ко всем формам интертекстуальных включений. Некоторые авторы разграничивают эти термины по степени осознанности/неосознанности включений.

Нам импонирует представление о реминисценции таких лингвистов, как В. П. Москвин, А. Е. Супрун, С. Н. Плотников, В. Е. Хализев, которые определяют ее как «удобное обобщение» для всех форм интертекстуальных включений. В частности, В. П. Москвин трактует данное понятие следующим образом: «Реминисценция – текстовый парафраз, текстовая аппликация и текстовая аллюзия как ассоциативные отсылки к определенному опорному тексту» [9, с. 173]. Лингвист А. Е. Супрун предложил свое определение: «Текстовая реминисценция – это осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [10, с. 17].

Базируясь на таком представлении о реминисценции, предлагаем рассмотреть все формы интертекстуальных включений как реминисцентное поле. Для начала, вслед за В. П. Москвиным, разграничим реминисценции на текстовые и нетекстовые. Формы интертекстуальных включений ученый называет фигурами интертекста, среди которых выделяет аллюзию, аппликацию, парафраз, цитату. При этом исследователь разграничивает аллюзии текстовые (литературные, библейские, мифологические) и нетекстовые (исторические и бытовые). К текстовым реминисценциям В. П. Москвин относит текстовую аппликацию, текстовый парафраз и текстовую аллюзию, а А. Е. Супрун включает в данную группу также и цитату. Поскольку бытовые и исторические аллюзии, по мнению В. П. Москвина, не имеют отношения к интертекстуальности, ученый предлагает рассматривать ее только в текстовых формах. Однако если не ограничивать интертекстуальность только литературными текстами и принять во внимание утверждение Ю. М. Лотмана о том, что культура в целом может рассматриваться как текст, то логично будет говорить об интертекстуальности и в случае бытовых и исторических аллюзий и даже аллюзий на произведения искусства, которые не выражены в виде текста как материального объекта. В связи с этим мы переосмыслили понятие реминисценции и дополнили утверждения известных ученых, избрав свой подход к проблеме на рис. 1.

В соответствии с изложенными выше утверждениями все формы интертекстуальных включений, объединенных на основе функциональной общности, которые мы называем родовым понятием «реминисценция», можно представить в виде реминисцентного поля (рис. 2).

Ядром реминисцентного поля является цитата. Она обладает полным набором характеристик в отличие от других форм, которые относятся к периферии. Таким образом, цитата, во-первых, графически маркирована (курсив, кавычки, изменение шрифта и т. д.); во-вторых, сохраняет грамматические и лексические формы прецедентного текста; в-третьих, имеет указание на автора и (или) название прецедентного текста. Цитаты всегда легко заметны в тексте любого стиля и выполняют функцию отсылки к прецедентному тексту. В художественных произведениях такая форма включений, как дословная атрибутивная цитата, не является распространенной, хотя и используется в тех случаях, когда автору нужно, чтобы читатель безошибочно определил прецедентный текст. Чаше встречаются трансформированные цитаты (расширенные, усеченные).

Более распространенной формой интертекстуального включения в художественной литературе является аппликация. Такую форму интертекстуального включения выделил В. П. Москвин, при этом исследователь разграничил понятия «цитата» и «аппликация»: «Аппликация – [лат. *application* ‘присоединение’] – прием, состоящий в использовании автором в качестве “строительных блоков” для собственного текста 1) различного рода устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, поговорок; 2) фрагментов (например, словосочетаний, фраз, стихотворных строк) известного текста без указания на источник» [9, с. 42]. Таким образом, от цитаты текстовая аппликация отличается отсутствием ссылки, но она сохраняет грамматические и лексические формы прецедентного текста, а также графическое маркирование.

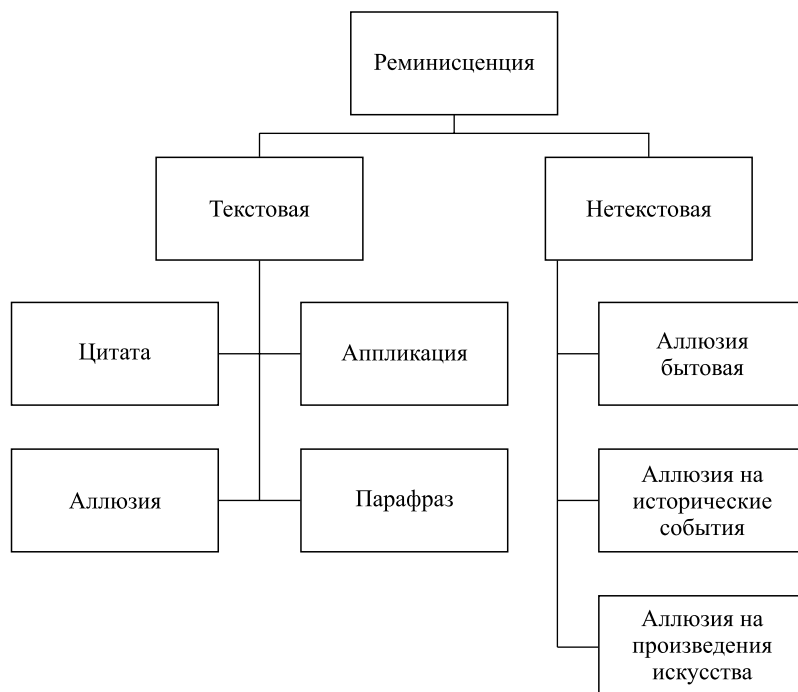

Рис. 1. Виды реминисценций
Fig. 1. Types of reminiscences

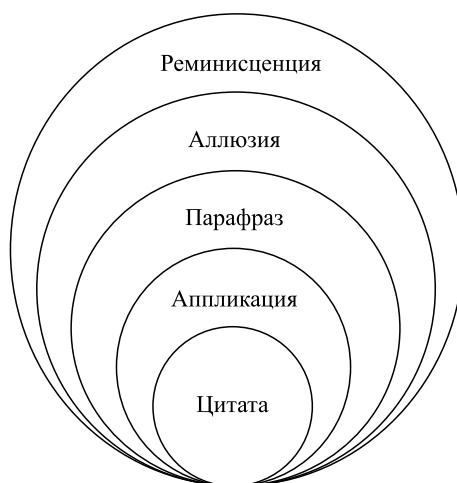

Рис. 2. Реминисцентное поле
Fig. 2. Reminiscent field

Следующим структурным элементом реминисцентного поля является парафраз (парафраз). У данного элемента ссылка на автора и текст-источник может отсутствовать, изменяется лексический и грамматический состав заимствованного фрагмента, графическое маркирование чаще всего отсутствует. Парафраз цитаты в лингвистической литературе иначе называется «псевдоцитацией» или «квазицитацией» (термин Е. А. Земской).

Наиболее распространенной формой межтекстового взаимодействия в художественной литературе является аллюзия. В отличие от цитаты или парафраза аллюзия представляет собой намек, ассоциативную отсылку к тексту-источнику или историко-культурному факту, событию. Аллюзия представляет собой фрагментарное, неточное воспроизведение прецедентного текста, и это отличает ее от аппликации. Как отмечает С. А. Казаева, при разграничении цитат и аллюзий нужно принимать во внимание тип источника: «Источником цитат может быть только текст как материальный объект, зафиксированный в печатной практике, аллюзия может иметь своим источником не только текстовый, но и внетекстовый источник» [7, с. 47]. При использовании такой формы интертекстуальных включений, как аллюзия,

ссылка на автора и прецедентный текст чаще всего отсутствует, грамматические и лексические формы прецедентного текста не сохраняются. Вслед за В. П. Москвиным и С. А. Казаевой мы выделяем аллюзии текстовые (библейские, литературные, мифологические) и нетекстовые (бытовые, культурно-исторические, аллюзии на произведения искусства).

Все рассмотренные формы интертекстуальных включений (цитата, аппликация, аллюзия, парафраз (парафраза), как текстовые, так и нетекстовые) входят в состав понятия «реминисценция» и являются частью реминисцентного поля. Таким образом, под реминисценцией, вслед за А. Е. Супруном, мы понимаем «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты» или ассоциативные отсылки к более или менее известным явлениям, выраженным в материальной и нематериальной текстовой форме в составе более позднего текста [10, с. 17].

Библиографические ссылки

1. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд : в 23 т. Т. 23. М. : Наука, 2014.
2. Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. и сост. И. Б. Роднянская. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2013.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. 4-е выд. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2005.
4. Цырендоржиева Т. Б. Дискурсивная модель аллюзивных средств (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1999.
5. Евсеев А. С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1990.
6. Фоменко И. В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Л. В. Чернец [и др.]. М., 1999. С. 496–497.
7. Казаева С. А. Особенности реализации категории интертекстуальности в современных английских научных и газетных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. СПб., 2003.
8. Золотухина Е. Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Киров, 2009.
9. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М. : Едиториал УРСС, 2004.
10. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопр. языкознания. 1995. № 6. С. 17–30.

References

1. Gerd A. S. (ed.). [A large academic dictionary of the Russian language] : in 23 vols. Vol. 23. Moscow : Nauka, 2014 (in Russ.).
2. Kvyatkovskii A. P. [Poetical dictionary]. 3rd ed. Moscow : Publ. Cent. of Russ. State Humanit. Univ., 2013 (in Russ.).
3. Sudnik M. R., Krywko M. N. (eds). [Monolingual dictionary of the Belarussian language]. 4th ed. Minsk : Belarus. jencyklapedyja imja Petrusja Browki, 2005 (in Belarus.).
4. Tsyrendorzhiyeva T. B. [Discursive model of allusive means: on the material of modern English] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.04. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Evseev A. S. [Fundamentals of the theory of allusion: on the material of the Russian language] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.01. Moscow, 1990 (in Russ.).
6. Fomenko I. V. [Quot]. In: Chernets L. V., Esin A. B., Nesterov I. V., et al. *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy* [Introduction to literary criticism. A literary work: basic concepts and terms]. Moscow, 1999. P. 496–497 (in Russ.).
7. Kazaeva S. A. [Features of the implementation of the category of intertextuality in modern English scientific and newspaper texts] : thesis of diss. ... PhD (philol.) : 10.02.04. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
8. Zolotukhina E. N. [Category of intertextuality in the modern Russian language] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.01. Kirov, 2009 (in Russ.).
9. Moskvina V. P. [Expressive means of modern Russian speech: trails and figures. Terminological words-reference]. Moscow : Editorial URSS, 2004 (in Russ.).
10. Suprun A. E. [Reminiscences of the text as a linguistic phenomenon]. *Voпр. yazykozn.* [Topics in the study of language]. 1995. No. 6. P. 17–30 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 19.09.2017.
Received by editorial board 19.09.2017.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Сомин А. А. Белорусский язык. Самоучитель. М. : Живой язык, 2017. 224 с.

Сомін А. А. Беларуска мова. Дапаможнік для саманавучання. М. : Живой язык, 2017. 224 с.

Somin A. A. Belarusian language. Self-study book. Moscow : Zhivoi yazyk, 2017. 224 p.

Несмотря на непростую социолингвистическую ситуацию в Беларуси – асимметричный билингвизм – белорусский язык как иностранный более или менее интенсивно изучается в ряде университетов за пределами страны. Отличие в изучении белорусского языка в странах-соседях – России, Украине, Польше и Литве – состоит в статусе самого предмета «белорусский язык» в университетах. Так, в Вильнюсе, Киеве, Варшаве, Люблине и Белостоке он преподается как специализация. В российских университетах (в Брянске, Москве, Санкт-Петербурге и др.) белорусский язык может изучаться как обязательный предмет (например, на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова это необходимый «сопровождающий» предмет в конкретной специализации). Изучение белорусского языка практикуется и в белорусских диаспорах в России, в частности в Иркутске и Екатеринбурге. В феврале 2016 г. в Москве был организован проект «Школа языков соседей», где среди других языков изучается и белорусский.

Между тем белорусский язык как иностранный и во втором десятилетии XXI в. все еще остается очень мало разработанной и в научном, и в методическом аспектах сферой. Поэтому издание каждого пособия по изучению белорусского языка как иностранного является определенным событием. Одним из таких событий стал выход книги «Белорусский язык. Самоучитель» в московском изда-

тельстве «Живой язык». Ее автор – бывший минчанин, лингвист по образованию и сфере своей деятельности, аспирант и преподаватель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) Российской академии народного хозяйства и гуманитарной службы при Президенте Российской Федерации, сотрудник лингвистической лаборатории компании «Ашманов и партнеры» и, наконец, инициатор и руководитель Минского фестиваля языков Антон Сомин. Очевидно, что автор – человек компетентный, очень заинтересованный и... начинающий в сфере дидактики. Кроме того, автор относится к так называемым детям асфальта, тем молодым людям, которые социализировались в городской семье на русском языке, но с какого-то времени стараются в повседневном общении (по возможности) пользоваться белорусским языком, выученным в школе и (или) самостоятельно.

Принципиальное отличие рецензируемого самоучителя от ранее изданных книг (например: Кривицкий А. А., Подлужный А. И. Учебник белорусского языка: для самообразования (1994); Аляксандраў С., Мыцык Г. Гавары са мной па-беларуску (в 2001 г. – интернет-версия, в 2008 г. – бумажное издание)) состоит в подаче учебного материала: «Все правила в самоучителе приводятся в соответствии с официальным стандартом¹ языка, однако каждый раз специально оговариваются и отличия от него, имеющиеся в тарашкевице (то, что касается классического стандарта, записывается в самоучителе уменьшенным шрифтом)» (с. 8). Новизна издания, во-первых, заключается в том, что автор взял на себя смелость «объединить»

¹Стандартом автор вслед за Е. А. Потехиной, А. А. Лукашанцем, И. П. Климовым называет два варианта (две литературные нормы) белорусского литературного языка – официальный и классический, т. е. *тарашкевицу*.

две разновидности белорусского литературного языка – современного и дореформенного – под одной обложкой; во-вторых, А. А. Сомин старался в обоих вариантах придерживаться по возможности строго описательного, а не предписательного, нормативного принципа в подаче материала. Такое компромиссное решение предусматривает «притяжение» разных по своим взглядам и предпочтениям приверженцев белорусского языка.

В предложенном авторском решении есть несомненные плюсы: прежде всего это стремление угодить вкусу любого потенциального ученика, а тем самым не ограничивать учебную аудиторию. С другой стороны, есть и свои минусы: указанный способ подачи материала предполагает следование одной и второй нормам, что достаточно сложно выдержать на протяжении всей книги – от теории до поурочных ключей к упражнениям. Понимая это, автор уже в предисловии оговаривает свои отступления от официального стандарта в учебном материале, ссылаясь на непростую ситуацию с функционированием языка: «Так как отнесение каждого конкретного слова к тому или иному стандарту является лишь тенденцией, а не строгим правилом, в некоторых случаях читатели, владеющие белорусским языком, могут не согласиться с моими решениями, однако я старался максимально объективно описать сложную ситуацию бытования белорусской лексики» (с. 8). Проблема, по моему мнению, заключается не в том, что лексика из одного стандарта используется во втором, а прежде всего в прерогативах самого автора и его позиции.

Созданное с опорой на действующие европейские образовательные стандарты, с учетом актуальных принципов лингводидактической теории, пособие А. А. Сомина предлагает обучающемуся самостоятельно работать в разных направлениях учебной деятельности: чтение, речь, письмо – за исключением аудирования, так как сама серия самоучителей издательства «Живой язык», к которой принадлежит этот учебник, не рассчитана на такой вид самостоятельной работы. Пособие имеет детальную структуру, которая не только в двух языках (русском и белорусском), но и в разных цветах представлена как в содержании, так и в самой книге. Использование цвета, несомненно, содействует и лучшему структурированию материала, и его наглядности, и запоминанию.

Базой для изложения материала в пособии стал ситуативно-тематический принцип, цель которого – отобразить специфику функционирования предложенного языкового материала в определенных ситуациях и темах. Автор ориентирует потенциального ученика на конечную цель изучения языка – формирование коммуникативной

компетенции, что и нашло отображение в самом учебном материале, который максимально приближен к реальным условиям общения. Учитывая вторичность разговорного белорусского языка в городской среде, автор очень удачно выбрал коммуникативную ситуацию, ставшую реалистичной базой для построения всех уроков: общение молодых людей, которые приехали в Минск на летние курсы белорусского языка.

В книге представлены 18 тематически разработанных уроков (например, «Знакомство/Знаёмства», «В городе. Транспорт / У горадзе. Транспарт», «У врача. Части тела / У лекара. Часткі цела», «Планы на день. Время / Планы на дзень. Час» и т. д.), каждый из которых имеет от двух до четырех уровней членения. Повторяющимися из урока в урок являются две рубрики: «Лексика» и «Грамматика» (за исключением первого урока); рубрики «Фонетика и орфография», «Чтение» варьируются от урока к уроку в зависимости от предложенного учебного материала. Если рубрика «Лексика» включает такие постоянные составляющие, как «Словарь к тексту», «Словарь к уроку» и «Примечания», то «Грамматика» имеет более детальное и информативное (в том числе и терминологическое) внутреннее деление.

Текстоцентрический подход, на основе которого осуществляется формирование коммуникативной компетенции, нашел свое отражение в разработке самих тематических уроков. Каждый из них начинается достаточно продолжительным текстом-полилогом с белорусско-русским словарем к нему, есть отдельно тематический словарь к уроку, теоретические сведения по фонетике или/и грамматике, в том числе и синтаксису предложения, орфографии и т. д., поданные в доступной для потенциального ученика форме, а также практические задания для отработки полученных знаний. Кроме того, автором предусмотрено «окувание» иностранцев в реалии белорусской жизни, ее самобытность, приобщение к национальным и культурным ценностям и умение строить свои диалоги и реплики (а в итоге и поведение) в соответствии с этой спецификой.

Описание фонетических, лексических и грамматических особенностей белорусского языка дается, как правило, исходя из его отличий от русского литературного языка. В предисловии автор обращает внимание читателя на лексическое подобие белорусского и русского языков и предостерегает: «Наличие совпадающих слов или схожих слов создает опасную иллюзию возможности легко говорить по-белорусски, просто подгоняя русские слова под правила белорусской фонетики и орфографии. Такая стратегия неизбежно приведет к речи на тряснке – смеси русского и белорус-

ского языков» (с. 7). Акцентирование внимания на ложной легкости усвоения и использования белорусского языка – важный методический момент. К сожалению, самому автору не удалось избежать подобного смешения языков в своем пособии. Позволю себе остановиться на некоторых ошибках и прокомментировать их.

Автор обоснованно указывает на проблему с ударениями (с. 41, 78 и др.), с которой может столкнуться обучающийся, но, к сожалению, и сам не единожды ошибается, причем в тех случаях, где ударение связано с грамматической формой существительных или глаголов. Если ударение стоит в нетипичной позиции, как, например, в слове *пра сям'ю* (с. 30), то обучающийся поймет, что это всего лишь опечатка, и без труда ее исправит: *пра сям'ю́*. Но совсем иной случай, когда автор ставит ударения по аналогии с русским языком, тем самым нарушая грамматические нормы белорусского языка, и потенциальные ученики могут усвоить именно эти ложные формы (ведь это *самоучитель!*): *сабраліся* (с. 19) вместо *сабра́ліся*; *ператвары́цца* (с. 163) вместо *ператво́рыцца* (3 ас. адз. л.); *перанасіць* (с. 178) вместо *перано́сіць* (3 ас. адз. л.); *спазні́мся* (с. 202) вместо *спо́знiмся*; *хаці́це* (с. 75) вместо *хо́чаце* (хотя на с. 87 автор предупреждает о возможности такой ошибки); *лакцём* (с. 81) вместо *ло́кцем*; *з Юрасем* (с. 213) вместо *з Юрасе́м* и др.

Образцы спряжения глаголов в настоящем времени проиллюстрированы на с. 86–87, 112–113, но в самих текстах, диалогах, предложениях, к сожалению, нередко ошибки смешения форм повелительного наклонения и настоящего времени для первого лица множественного числа: *спадзяемся* (с. 19), *перакладзем* (с. 81), *адпачнем* (с. 147), *пакладзем* (с. 163), *кладзем* (с. 165), *няем* (с. 198), *б'ем* (упр. 11, с. 217), *даем* (упр. 3, с. 223) при норме *спадзяёмся*, *перакладзём*, *адпачнём*, *пакладзём*, *кладзём*, *спяваем ці няём*, *б'ём*, *даём*; или для второго лица множественного числа: при норме *вы не гледзіце́*, *вы гледзіце́* использованы формы *вы не глядзіце* (с. 93), *вы глядзіце* (с. 181), что обуславливает ошибку и в корневой морфеме.

Очень важно в пособиях для иностранцев, а тем более в самоучителе, указывать ударения во всем тексте и отдельных словах, чтобы не было недоразумений, как в предложении: *Гэта дачкі майго дзядзькі...* (с. 30). Кроме того, в словаре к уроку дана лишь форма единственного числа с ударением на окончании: *дачка́* (с. 31), но не указана форма множественного числа, где ударение падает уже на основу: *дóчки*. К месту было бы здесь и сочетание с числительными, о которых автор говорит на с. 144. Тема «Семья» предполагает, что будут использованы числительные *два*, *тры*,

чатыры, поэтому в словаре к уроку следовало бы дать несколько самых частотных сочетаний, которые достаточно трудны для иностранцев, так как с изменением ударной гласной в формах числа происходит чередование звуков, например: *дачка́* – *дóчки* – 2, 3, 4 *дачкі́*; *сястра́* – *сёстры* – 2, 3, 4 *сястры́*; *цесць* – *цяці́* – 2 *цёсці́* (отсюда и ошибка в ответе в разделе «Ключи к упражнениям», упр. 8, с. 210).

Выбрав свой подход в подаче материала и стараясь «угодить» и тем и другим, автор не замечает, что ненамеренно множит ошибки, собственные приверженцам «нового» стандарта. В данном случае речь идет о приставочных глаголах, образованных от инфинитива *ісці*: *надысці/нады́йсці*, *падысці/пады́йсці*, *сысці/сыйсці́* (с. 39). Согласно правилу начальный звук *і* в глаголе *ісці* после приставок на согласный (*над-*, *пад-*, *з-/с-* и др.) проносится и пишется как *ы*, а после приставок на гласный (*па-*, *за-* и др.) – как *й*; в приведенных словах на тарашкевице *і* не может образовывать два звука, так как на него не падает ударение, как, например, в сочетании [з'йімі]. Поэтому приведенные лексемы, которые якобы соответствуют классическому стандарту, ошибочны; если они и были в текстах начала XX в., то были обусловлены устной диалектной речью, в самоучителе же такие формы следовало сопроводить надлежащим комментарием.

Не совсем понятно, на основании каких статистических данных автор делает заключение о частотности использования того или иного белорусского слова, маркируя его в словаре урока пометой *реже*, например: *шмат*, (*реже*) *многа* (с. 31). То же самое касается и других, по моему мнению, необоснованных заключений: «В белорусском языке изредка встречаются формы давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта)» (с. 103). Как носитель белорусского языка, должна констатировать, что эти формы живут полнокровной жизнью не только в диалектах, но и в речи интеллигенции, разговаривающей в повседневности по-белорусски, и тем более в текстах художественной литературы.

Автор утверждает: «Союз *чым* использовать не рекомендуется: многими он оценивается как русизм. *Ад* в современном языке в подобных конструкциях встречается чаще, чем *як*, но *реже*, чем *за*» (с. 122); такое же заключение относительно обозначения времени (с. 133). Возникают вопросы: кем не рекомендуется, кем оценивается, на чем основываются такие выводы?

Хотела бы посоветовать автору несколько осторожнее использовать в своих заключениях слова «всегда» и «только», как в данном случае: «Русским приставкам *пол-* и *полу-* соответствует

белорусская *паў*-, которая пишется всегда слитно» (с. 200). На самом деле не всегда: через дефис эта приставка пишется с именами собственными: *паў-Беларусі, паў-Масквы, паў-Еўропы*. «Суффикс [степени сравнения наречий] всегда находится под ударением» (с. 201), – этот пассаж также не соответствует реальности: например, есть компаративы с безударным суффиксом *-ей*: *інтэнсіўна – інтэнсіўней, марудна – марудней, ахвотна – ахвотней, мала – мёней* и др.

Совсем не соответствует правилам и утверждение, что «удвоенные согласные в корнях пишутся и произносятся только в трех словах (Ганна *Анна*, Жанна *Жанна*, ванна *ванна*)» (с. 16), так как такое же удвоение в качестве исключений сохраняется в целом ряде заимствованных

лексем, например: *Мадонна, Сюзанна, Мекка, панна, бонна, донна, саванна, мецца, дурра* и др.

В заключение хочется отметить, что рецензируемая книга, несомненно, представляет большой интерес не только для желающих изучить белорусский язык самостоятельно, но и для преподавателей-методистов, так как это одно из тех пособий, которое указывает на смену тенденции в подаче учебного материала: наравне с устоявшейся нормой есть место и узуальным закономерностям, трактованным ранее исключительно как отступления от нее.

Т. Р. Рамза,

доктор филологических наук, доцент

Zeller J. P. Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt. Oldenburg : BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2015. 491 S. (Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Zeller J. P. Phonic variation in the Belarusian «Trasyanka». Language change and change of language in the Belarusian-Russian language contact. Oldenburg : BIS-Verlag of the Carl von Ossietzky University of Oldenburg, 2015. 491 p. (Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Манаграфія нямецкага даследчыка Яна Патрыка Цэлера (*Jun.-Prof. Dr. Jan Patrick Zeller*) «Фанетычная варыяцыя ў беларускай “трасянцы”». Моўныя змены і змены мовы пры беларуска-рускім моўным кантакце» выйшла ў выдавецтве Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага ў серыі «Studia Slavica Oldenburgensia» (том 27) і стала, на маю думку, новым словам у гісторыі замежнай беларусістыкі. Піянерскі характар названай працы заключаецца найперш у самім аб'екце навуковага даследавання – спантаным неафіцыйным беларуска-рускім змешаным маўленні (сямейныя размовы), а таксама метадах яго даследавання (інструментальны і статыстычны), што грунтуецца на самым вялікім на сёння Альдэнбургскім корпусе змешанага беларуска-рускага маўлення (прыкладна 38 000 выказванняў, што ўключаюць 212 000 словаформ). Упершыню ў славістыцы фанетычныя асаблівасці спантаннага беларуска-руска-

га змешанага маўлення даследаваліся на такім рэпрэзентатыўным аб'ёме жывога матэрыялу – аўдыязапісах і іх транскрыпцыі.

У беларускай лінгвістыцы апаратурныя метады даследавання вуснай беларускай мовы выкарыстоўваліся ў Лабараторыі эксперыментальнай фанетыкі (1969), арганізаванай пры тагачасным Інстытуце мовазнаўства Акадэміі навук БССР. Вынікам працы спецыялістаў (А. М. Андрэеў, Л. Ц. Выгонная, Г. В. Лосік, А. І. Падлужны, П. В. Садоўскі, В. М. Чэжман, Э. Р. Якушаў і інш.) стаў шэраг манаграфічных публікацый, звязаных з артыкуляцыйнымі характарыстыкамі беларускіх гукаў (у тым ліку ў параўнанні з гукамі рускай, украінскай і польскай моў), іх акустычнымі і фаналагічнымі інтэрпрэтацыямі, перцептыўным аналізам і аналізам спалучальнасці гукаў у межах слова і іх змен у моўнай плыні: «Галосныя беларускай мовы (акустычны аналіз)» (1975), «Нарыс акустычнай фанетыкі беларускай мовы» (1977), «Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў» (1982), «Фанетыка слова ў беларускай мове» (1983) і інш. На той час, у 1970–80-я гг., гэта быў сапраўдны крок наперад у даследаванні фанетыкі і прасодыі кадыфікаванай беларускай літаратурнай мовы. Дасягненні ж сучасных камп'ютарных тэхналогій і кантактнай лінгвістыкі адкрываюць перад навукоўцамі зусім іншыя перспектывы аналізу вуснага маўлення, у тым ліку і спантаннага, і змешанага. Прыклад такой наватарскай працы – рэцэнзуемая манаграфія нямецкага даследчыка.

Навуковыя росшукі спадара Цэлера праводзіліся ў межах міжнароднага праекта «Трасянка

ў Беларусі: змешаны код як прадукт беларуска-рускага моўнага кантакту. Моўнае структураванне, сацыялінгвістычныя механізмы ідэнтыфікацыі і «эканоміі» мовы» (2008–2014 гг., кіраўнік – Г. Генчэль, Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Германія)¹, дзе ўпершыню лінгвістычны бок беларуска-рускага змешанага маўлення (БРЗМ)² даследаваўся на базе канкрэтнага эмпірычнага матэрыялу. Гэты матэрыял склалі сямейныя размовы, запісаныя ў сталіцы і шасці невялікіх беларускіх гарадах, якія знаходзяцца ў асноўных зонах беларускіх дыялектаў: паўночна-ўсходняй, паўднёва-заходняй, цэнтральнай, ці пераходнай. Манаграфія з’яўляецца вынікам скрупулёзнай працы маладога аўтара як з самім Альдэнбургскім корпусам беларуска-рускага змешанага маўлення, так і з найноўшымі камп’ютарнымі праграмамі, а таксама з навуковымі тэорыямі і даследаваннямі ў галіне акустычнай фанетыкі і моўных кантактаў, што дазволіла П. Цэлеру, улічыўшы напрацоўкі папярэднікаў, у тым ліку і беларускіх фанетыстаў, зрабіць уласныя высновы, выказаць свае меркаванні, абгрунтаваць свае назіранні адносна пэўных фанетычных з’яў і іх стабілізацыі ў БРЗМ.

Манаграфія складаецца з трох вялікіх частак, кожная з якіх уключае главы са скразной нумарацыяй; усяго такіх глаў 11, і яны маюць свае падраздзелы. Асноўнаму зместу папярэднічае сціслая прадмова, у якой аўтар указвае, што стала грунтам для манаграфіі і яе ўвасаблення. Завяршае выданне, апрача дадатку, спіс крыніц: спасылка на Альдэнбургскі корпус БРЗМ (OK-WRGR 2014), пералік выкарыстанай навуковай літаратуры (больш за 320 пазіцый), баз даных (*Software*).

Кніга П. Цэлера ўжо візуальна вызначаецца не толькі аб’ёмам (амаль 500 старонак), але і адметнай прэзентацыяй матэрыялу: наяўнасцю шматлікіх структураваных у супастаўляльным плане табліц (усяго іх 145, у тым ліку са статыстычнымі данымі), якія адпаведна са зместам глаў сцісла і наглядна даюць абагульненую інфармацыю аб моўцах (горад, пакаленне, пол, узрост, мовы, дыялектны фон, падзел іх адносна дысімільнага акання і пад.), а таксама дэталёвыя звесткі аб даследаваных фанетычных з’явах. Акустычныя адрозненні ў вымаўленні галосных і зычных гукаў рознымі інфармантамі прэзентуюцца праз ілюстрацыі апаратурных вымярэнняў (зноў жа выкананыя ў супастаўляльным аспекце; усяго іх 121), якія пераканаўча паказваюць рэалізацыю пэўных

гукаў (у герцах) моўцамі розных пакаленняў. Змястоўны дадатак, які займае 70 старонак (з 421 па 491), дапаўняе тэарэтычны і ілюстрацыйны матэрыял асноўнага зместу малюнкамі апаратурных вымярэнняў індывідуальных гукавых рэалізацый інфармантаў і статыстычнымі звесткамі ў адпаведнасці з прааналізаванымі фанетычнымі з’явамі ў другой і трэцяй частках кнігі. Такі дадатак, з аднаго боку, выразна падмацоўвае высновы і заключэнні, зробленыя ў пэўных главах, а з другога боку, наглядна дэманструе глыбіню і камплектнасць праведзенага інструментальна-статыстычнага даследавання фанетычнага вар’іравання ў змешаным беларуска-рускім маўленні трох пакаленняў моўцаў.

У першай частцы «Уводзіны – Фон – Метад» (*Einleitung – Hintergrund – Methode*)³ аўтар напачатку (глава 2 «Беларуска-рускае змешанае маўленне (БРЗМ)» (*Weißrussisch-russisch gemischte Rede (WRGR)*)) арыентуе нямецкамоўнага чытача ў сацыялінгвістычнай сітуацыі ў Беларусі. Абапіраючыся на шэраг больш ранніх публікацый беларускіх і замежных навукоўцаў, а таксама на ўласныя назіранні, П. Цэлер апісвае месца БРЗМ у беларускім моўным ландшафце, прычыны з’яўлення самога феномена, расшыфроўваючы метафару і тлумачачы стэрэатыпы, звязаныя з БРЗМ, асобна спыняецца на вызначэнні лінгвістычнага статусу гэтай з’явы, разглядаючы яе ў межах апошніх напрацовак у галіне моўных кантактаў, змешвання кодаў і змешанага маўлення (працы П. Аўэра, Д. Грына, Я. Матраса, П. Мэйскена, М. Парадзіса, Л. Селінкера, П. Традгіла і інш.).

Зыходзячы з агляду навуковых крыніц, вынікаў альдэнбургскага праекта і таго факта, што «БРЗМ па меншай меры перадаецца другому пакаленню», спадар Цэлер крытычна ставіцца да высноў беларускіх даследчыкаў, «што ў БРЗМ няма тэндэнцыі да стабілізацыі ў кірунку надындывідуальнай сістэмы» (S. 33). Падзяляючы пункт гледжання Г. Генчэля, згодна з якім у Беларусі «прагматычна БРЗМ – гэта новы, трэці код нароўні з рускай і беларускай мовамі» (S. 36), аўтар разумее БРЗМ дваіста: «...у вузкім сэнсе, гэта значыць змешаны код, які выяўляецца ва ўнутрыказавым чаргаванні ‘беларускіх’ і ‘рускіх’ элементаў, і БРЗМ у шырокім сэнсе, як “змешаны дыскурс”, а значыць, як прысутнасць аднаго пры адным беларускага, змешанага і рускага кодаў у дыскурсе, які праяўляецца ў чаргаванні ‘беларускіх’, ‘рускіх’ і ‘гібрыдных’ выказванняў» (S. 36).

¹ Абагульненыя вынікі даследавання прадстаўлены ў шэрагу публікацый, поўная бібліяграфія якіх і самі матэрыялы (створаныя ў рамках праекта карпусы беларуска-рускага змешанага маўлення з усімі данымі) размешаны для свабоднага доступу ў інтэрнэце: <http://www.uni-oldenburg.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/schwerpunkt-mischvarietaeten/publikationen-wrgr/#c6895> і <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>.

² Сам тэрмін «беларуска-рускае змешанае маўленне», як і яго абрэвіатура (нямец. WRGR, бел. БРЗМ, рус. БРСР), уведзены ў навуковы ўжытак Г. Генчэлем замест лінгвініма «трасянка» (гл. Вопр. языкознания. 2013. № 1. С. 66).

³ Тут і далей пераклад з нямецкай мовы мой. – Т. Р.

Глава 3 «Фанетычная варыяцыя ў беларуска-рускім змешаным маўленні – фон і пастаноўка пытанняў» (*Phonische Variation in weißrussisch-russischer gemischter Rede – Hintergrund und Fragestellung*) прысвечана дэталёваму аналізу на працовак, у тым ліку і адпаведных дыскусій, заходнееўрапейскіх і амерыканскіх сацыялінгвістаў у галіне фанетычных варыяцый пры моўных кантактах. Пры гэтым аўтар канстатуе, што спецыфіка БРЗМ у параўнанні з разгледжанымі прыкладамі заключаецца ў тым, што кантактуюць блізкароднасныя, структурна падобныя і ў большыні сваёй узаемазразумелыя коды, а ў класічных работах па моўных кантактах (У. Вайнрайх, С. Томасан і С. Каўфман, Я. Матрас) на адметнасці такіх канстэляцый увага не засяроджвалася, таму БРЗМ варта разглядаць зыходзячы, з аднаго боку, з ключавога слова *Dialektkontakt* (у традыцыі П. Традгіла), а з другога – з паняццяў *Code-Mixing* (П. Мэйскен) і *Code-Shifting* (П. Аўэр), а значыць, як «адначасовы рух на розных моўных узроўнях у адным ці другім кірунку» (S. 44).

Прадметам даследавання ў манаграфіі сталі з’явы ‘беларускіх’ і ‘рускіх’¹ фанетычных рыс у БРЗМ, адпаведна, і пошук аргументаў для пацвярджэння статусу БРЗМ як трэцяга кода нароўні з беларускай і рускай мовамі. Пры выбары пераменных для даследавання ўлічвалася іх адпаведнасць шэрагу крытэрыяў, гэта мусілі быць, па-першае, рэгулярныя, чыста фанетыка-фаналагічныя апісанія адрознення паміж абедзвюма стандартнымі мовамі, а пры неабходнасці паміж беларускімі дыялектамі і рускай моваю; па-другое, не толькі гістарычна, але і сінхронічна дзеючыя фанетыка-фаналагічныя працэсы, прынамсі, такую магчымасць нельга выключыць; па-трэцяе, такія асаблівасці, якія сустракаюцца ў дастатковай колькасці (S. 53). Зыходзячы з гэтага, у двох мовах былі абраны 13 фанетычных адрозненняў, ці пераменных: 1) якая «нерэдукаванае» аканне ў беларускай мове vs якая «рэдукаванае» аканне ў рускай мове ў першым пераднаціскным складзе (аканне1); 2) якая «нерэдукаванае» аканне ў беларускай мове vs якая «рэдукаванае» аканне ў рускай мове ў другім пераднаціскным складзе (аканне2); 3) беларускае яканне vs рускае іканне ў першым пераднаціскным складзе (яканне1); 4) беларускае яканне/еканне vs рускае іканне ў другім пераднаціскным складзе (яканне2); 5) ненаціскны /e/ ці /o/ пасля непалаталізаваных, асабліва зацвярдзелых зычных (e/Š_); 6) беларускі [s’] vs рускі [s] (s’); 7–8) беларускія [ts’] і [dz’] vs рускія [tʃ] і [dʒ] (tʃ і dʒ); 9–10) беларускія [tʂ] і [ʂʂ] vs рускія [ʃ] і [ʃʃ] (ʃ і ʃʃ); 11) беларускі [r] vs рускі [rʲ] (rʲ); 12) беларускі [ʁ] vs рускі [g] (g); 13) беларускія [u/ʊ] vs рускія [v/f] (v).

Названыя апазіцыі гукаў (акрамя згаданых у п. 11–13, што без праблем адрозніваюцца на слых) даследаваліся на аснове апаратурнага вымярэння іх акустычных характарыстык. Аўтар зазначае, што інструментальны метадаў у фанетыцы, несумненна, мае шэраг пераваг перад індывідуальным успрыманням з голасу, але патрабуе нашмат болей высілкаў, каб сегментаваць акустычны сігнал і зразумець «агульнае ўражанне» гука для вызначэння спектральнай інфармацыі. Звязаная з гэтым метадалагічная цяжкасць – выкарыстаць акустычныя даныя для параўнання рознастайных моўцаў, паколькі нават два з іх ніколі не будуць мець аднолькавыя галасавыя тракты, таму абсалютныя вымярэнні магчыма параўноўваць не наўпрост адно з адным, а праз нармалізацыю. На сёння для даследавання галосных гукаў, як зазначае аўтар, выкарыстоўваюцца розныя тэхнікі, грунтоўна апісанія ў навуковай літаратуры (У. Лабоў, Э. Томас), але для вывучэння зычных іх фактычна няма, а тыя, што ёсць, часта грунтоўна на лёгкаадрознівальных варыянтах, і тады інструментальны метадаў сам па сабе збытоўны. Пры гэтым менавіта пры моўных кантактах, як указваюць Г. Дочэрты і П. Фулкс, Л. Мілрой і М. Гордан, у сферы зычных гукаў могуць з’яўляцца тонкія, карэлюючыя з сацыяльнымі фактарамі варыяцыі, якія немагчыма паказаць праз успрымання на слых. Пры акустычных вымярэннях спадар Цэлер выкарыстаў метадаў нармалізацыі гукаў, прапанаваны беларускім даследчыкам Б. М. Лабанавым у працы «Класіфікацыя рускіх галосных гукаў, вымаўленых рознымі моўцамі» (*Classification of Russian vowels spoken by different speakers*, 1971), аднак для галосных аўтар манаграфіі мадыфікаваў гэты метадаў (S. 105), а для вымярэння шыпячых зычных развіў лабанаўскую працэдуру нармалізацыі галосных (S. 222). Мяркую, што такое аўтарскае рашэнне з’яўляецца важкім унёскам у тэорыю і метадалогію інструментальнага даследавання гукаў.

Для інструментальнага аналізу матэрыялу з кожнага з сямі гарадоў былі выбраны (па магчымасці) па адной жанчыне і аднаму мужчыну – прадстаўнікі прататыпных пакаленняў, якія карыстаюцца ў сваіх сем’ях БРЗМ. Даследавалася маўленне трох пакаленняў: генерацыя 1 – вясковыя (гарадскія) мігранты, генерацыя 2 – дзеці вясковых мігрантаў; генерацыя 0 – вясковыя і познія мігранты, гэта значыць, бацькі вясковых (гарадскіх) мігрантаў; у сукупнасці аналізу падлягала маўленне 34 моўцаў.

Другая частка «Аналіз асобных з’яў» (*Analysen der Einzelphänomene*) складаецца з пяці глаў, што ахопліваюць 300 старонак (S. 99–309), і ўключае разгляд варыяцый у сферы ненаціскавага вакалізму

¹ Тут і далей спосабы вылучэння і напісання спецыяльных паняццяў адпавядаюць іх афармленню ў рэцэнзуемай манаграфіі.

(розныя тыпы акання/якання) і кансанантызму ў супастаўляльным з рускай мовай аспекце ([tsʰ] і [dzʰ]; [tʲ] і [dʲ]; [sʲ] і [ʃʲ]; [rʲ] і [r]; [ɣ] і [g]; [ɯ] і [v]). Гэту частку дапаўняе і паглыбляе трэцяя частка «Паглыбленне – падсумаванне – высновы» (*Vertiefung – Zusammenfassung – Fazit*) (S. 313–388), дзе аўтар, зыходзячы з вынікаў даследавання матэрыялу папярэдняй часткі, больш дэтальна спыняецца на «гібрыдных» формах і выказваннях. Ключавыя пытанні, як рэалізуюцца названыя вышэй фанетычныя апазіцыі ў БРЗМ і ці супадаюць яны з рускай або беларускай мовамі, якія фактары на гэта ўплываюць, атрымалі свае адказы менавіта ў гэтых дзвюх частках. Абедзве яны ўласна і рэпрэзентуюць апісанне праведзенага інструментальна-фанетычнага аналізу і высновы адносна пастаўленых пытанняў.

Аналізу як галосных, так і зычных гукаў папярэдняе дэтальнае і даходлівае апісанне самой методыкі даследавання, скарыстаных праграм, адбору і сегментацыі вымярэнняў. Акрамя таго, усе названыя фанетычныя пераменныя ў БРЗМ аналізуюцца на шырокім фоне акустычных даследаванняў папярэднікаў у галіне кадыфікаваных літаратурных беларускай і рускай моў, рэалізацыі гэтых з’яў у дыялектным і гутарковым маўленні, а таксама ў беларускім варыянце рускай мовы, прычым аўтар або канстатуе пацвярджэнне пэўных выказванняў беларускіх навукоўцаў, або дыскутуе з імі. Напрыклад, выказвае сумненне, што ў рэальным беларускім вымаўленні няма рэдукцыі пры аканні ў першым ці другім пераднаціскным складах (S. 198). Падвяргаецца сумненню і той факт, што яканне ў спантаным маўленні адпавядае пастуліраваным у беларускай мове нормам (S. 371). Тут хацелася б заўважыць, што беларускія фанетысты, перадусім Л. Ц. Выгонная, якая займалася даследаваннем галосных гукаў, яшчэ ў 1975 г. у сваім артыкуле «Успрыманне ненаціскных галосных носьбітамі беларускай мовы» ўказвала на фарміраванне «прамежкавага е-эталона», тэндэнцыю да разбурэння проціпастаўлення [’i] і [’a] у беларускай літаратурнай мове, што абумоўлена двухмоўным асяроддзем. Гэту ж з’яву (еканне пасля мяккіх зычных у ненаціскай пазіцыі) у публікацыі «Беларускае літаратурнае вымаўленне» (1998) яна кваліфікавала як рэгулярны недахоп маўлення і беларускамоўных дыктараў, і радыёжурналістаў.

Пры акустычным аналізе ўлічваліся адрозненні ў маўленні прадстаўнікоў не толькі розных пакаленняў і розных дыялектных зон, але і розных палоў. Між тым аўтар указвае, што пол адыгрывае зусім нязначную ролю пры вымаўленні (S. 375). Так, пры беларускім яканні (яканне1) інфарманткі жаночага полу больш схільныя да ‘беларускай’

рэалізацыі, а пры аканні1 у БРЗМ прадстаўніцы жаночага полу другой генерацыі «ідуць мацней у кірунку рускай мовы» (S. 146), у адрозненне ад прадстаўнікоў першай і нулявой генерацый, якія больш моцна выяўляюць ‘беларускі’ ўзор вымаўлення. У першым пераднаціскным складзе (яканне1) рэалізацыя гук адрозная ва ўсіх трох пакаленняў: калі ў нулявой генерацыі моцная [i]-рэалізацыя, у першай генерацыі – кірунак на [e], то ў іх дзяцей (другая генерацыя) зноў жа праяўляецца вымаўленне [i] (S. 190). Гэтыя працэсы маюць пад сабой розныя ўплывы: дыялектны для нулявога і першага пакаленняў, які саступае ўплыву рускай мовы ў прадстаўнікоў генерацыі 2 (S. 199). Пры рэалізацыі гук не ў першым пераднаціскным складзе (яканне2) карціна вельмі падобная да папярэдняй: старэйшае пакаленне паказвае [i]-рэалізацыю – дыялектны ўплыў; для мігрантаў больш моцны кірунак да націскага [e]; для генерацыі 2 – зноў [i]-рэалізацыя. Відавочна, што маладое пакаленне гараджан у вымаўленні даследаваных галосных у БРЗМ найбольш моцна «рухаецца» ў кірунку рускай мовы, паколькі дыялектны ўплыў (дысімілятыўнае аканне) неактуальны для іх у параўнанні з іх бацькамі і дзядзямі (генерацыі 1 і 0).

Грунтуючыся на даных аналізу зычных [tʲ], [dʲ], [sʲ], аўтар указвае, што паміж генерацыямі няма адрозненняў у вымаўленні: ‘беларуская’ фрыкатыўнасць застаецца стабільнай, хаця паміж моўцамі пэўнай генерацыі варыяцыі якраз могуць быць вельмі моцныя (S. 240). Пры пераменных [ʃʲ] і [ʒʲ] «генерацыя 2 указвае на моцную ‘рускую’ тэндэнцыю, гэта значыць больш моцную палаталізацыю варыянтаў» (S. 372), тое ж самае адзначаецца і адносна [rʲ], а таксама [g] і [v]. Між тым аўтар зноў звяртае ўвагу на вялікую розніцу ў вымаўленні паміж самімі моўцамі юнага пакалення. Гэта датычыцца [ɣ] і [g], [ɯ] і [v]: калі адны ўказваюць на ‘рускую’ рэалізацыю, другія – на ‘беларускую’, то трэція вар’іруюць абедзве.

Каб адказаць на пытанне, як адбываецца стабілізацыя змешаных варыянтаў, спадар Цэлер разглядае два аспекты: ступень варыяцый у індывідуальным маўленні моўцаў і ступень варыяцый паміж рознымі моўцамі. Пры гэтым аўтару было важна выявіць, ці варыяцыі ў прадстаўнікоў пэўнага пакалення павялічваюцца, ці памяншаюцца. У ‘гібрыдных’ выказваннях, як адзначае аўтар, генерацыя 2 указвае на моцнае ‘руское’ вымаўленне, што «павышае ў гэтай генерацыі магчымасць (ці нават неабходнасць) дыферэнцаваць коды» (S. 377). У заключэнні аўтар прыводзіць табліцу (S. 380), дзе паказвае фанетычныя рэалізацыі аналізаваных галосных і зычных гукаў у трох кодах – беларускай, рускай мовах, БРЗМ – і канстатуе, што менавіта «ў генерацыі 2 пачы-

наецца фанетычнае адрозненне гэтых кодаў» (S. 388).

На карысць БРЗМ як трэцяга коду, акрамя стабілізацыі вымаўлення моўцаў у кірунку рускай мовы (галосныя) ці беларускай мовы (зычныя), а таксама свядомага пераходу моўцаў з кода на код, сведчыць, на думку аўтара, і той факт, што «БРЗМ для некаторых моўцаў мае прыхаваны прэстыж» (S. 379). Можна меркаваць, што погляд звонку з'яўляецца больш аб'ектыўным, але, на мой унутраны погляд, гэты факт хутчэй можна было б вызначыць як неадчужальнасць (у сэнсе 'маўленне, якім карыстаюцца з дзяцінства, мае натуральны характар').

Дакладнасць і аб'ектыўнасць праведзенага інструментальна-статыстычнага даследавання, вынікі і высновы, да якіх прыйшоў спадар Цэлер, на маю думку, ставяць перад навукоўцамі заканамер-

нае пытанне: калі ў БРЗМ выяўляюцца стабільныя моўныя рысы, то чым адрозніваецца гэты ідыём ад *нацыялекту* (*этналекту*, *рэгіялекту*) рускай мовы ў Беларусі? Асноўным адрозненнем дасюль называліся рэгулярныя заканамернасці ў нацыялекце, якія праяўляюцца на ўсіх моўных узроўнях (А. Я. Міхневіч), чаго, як адзначалі беларускія даследчыкі, бракуе БРЗМ.

Манаграфія спадара Цэлера – гэта наватарскае даследаванне не толькі ў беларусістыцы, але і ў славістыцы, і ў сацыялінгвістыцы таксама, паколькі ўпершыню інструментальна-статыстычнаму аналізу падлягала фанетыка вуснага спантаннага змешанага маўлення прадстаўнікоў розных пакаленняў дзвюх блізкародных моў.

Т. Р. Рамза,
доктар філалагічных навук, дацэнт

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

CHRONICLE, INFORMATION

XXVI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ»

XXVI МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «ПОЛЬСКА-БЕЛАРУСКІЯ КУЛЬТУРНЫЯ, ЛІТАРАТУРНЫЯ І МОЎНЫЯ СУВЯЗІ»

XXVI INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «POLISH-BELARUSIAN CONNECTIONS IN CULTURE, LITERATURE AND LANGUAGE»

У Вішніцах (Бяльскі павет, Люблінскае ваяводства) 22–23 чэрвеня 2017 г. прайшла XXVI Міжнародная навуковая канферэнцыя «Польска-беларускія культурныя, літаратурныя і моўныя сувязі». Яе арганізатарамі былі тры кафедры Люблінскага ўніверсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай (кафедра беларусістыкі, кафедра гісторыі краін Усходняй Еўропы, кафедра міжкультурнай адукацыі), Польскае таварыства беларусістаў, грамадскае аб'яднанне «Разам для Вішніц» і публічная бібліятэка гміны Вішніцы.

У канферэнцыі ўзялі ўдзел больш за 50 вучоных, якія прадстаўлялі 19 навукова-даследчых устаноў шасці краін: Польшчы (Люблін, Варшава, Беласток, Познань, Аполе, Кракаў), Беларусі (Мінск, Гродна, Гомель), Расіі (Санкт-Пецярбург), Украіны (Харкаў, Вінніца), Славакіі (Банска Быстрыца) і Вялікабрытаніі (Лондан).

Канферэнцыя была адкрыта старшынёй аргкамітэта прафесарам Міхалам Саевічам – дырэктарам Інстытута славянскай філалогіі Люблінскага ўніверсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай, які прывітаў гасцей і падкрэсліў асаблівую ролю навуковых кантактаў у польска-беларускім дыяло-

гу, распачатым старэйшым пакаленнем польскіх беларусістаў больш як 20 гадоў таму. Пажаданні плённай працы і творчай дыскусіі ўдзельнікам канферэнцыі выказалі віцэ-консул Рэспублікі Беларусь у г. Бяла-Падляска Сяргей Ботвіч, воіт гміны Вішніцы Пётр Драган, кіраўнік рэспубліканскага бюро Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў Ірына Багдановіч. Таксама быў прачытаны прывітальны ліст прафесара Ніны Баршчэўскай з Варшавы.

На пленарным пасяджэнні прагучалі восем дакладаў. Пётр Драган распавёў пра багатую традыцыю ўзаемадзеяння гміны Вішніцы і беларускіх улад у справе наладжвання дарожнай інфраструктуры, эканамічных абменаў і культурных, адукацыйных і азнаямляльных праектаў па абодва бакі мяжы. Ірына Багдановіч (БДУ) падала інтэрпрэтацыю біблейскіх матываў у польскамоўнай паэзіі Беларусі XIX ст. Ірэна Матус (Беластоцкі ўніверсітэт) прадставіла асаблівасці рытуальнага печыва на Беласточчыне. Сяргей Кавалёў (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) прааналізаваў нацыянальную праблематыку ў рускамоўнай літаратуры Беларусі і Украіны. Аўтары двух выступленняў закранулі

мовазнаўчыя праблемы: Вікторыя Ляшук разглядала тыпалагічныя прыметы беларускай і польскай літаратурных моў, а прафесар Фелікс Чыжэўскі (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) прадставіў вынікі даследавання лексікі польска-ўсходнеславянскага памежжа. Выступленне Марыуша Карчыньскага і Агаты Свідзінскай было прысвечана міжкультурнай адчувальнасці студэнтаў польска-беларускага памежжа.

На канферэнцыі працавалі пяць секцый: дзве мовазнаўчыя, літаратуразнаўчая, гістарычная і культуразнаўчая. У мовазнаўчых падсекцыях, якімі кіравалі Алена Рудэнка (БДУ), Ядвіга Казлоўская-Дода (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай), Ірына Галуза (Нацыянальная акадэмія навук Беларусі) і Марэк Алейнік (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай), былі прачытаны шаснаццаць дакладаў. Іх тэматыка датычылася асобных праблем польска-беларускага моўнага ўзаемадзеяння (Алена Рудэнка – «Беларуска-польскі моўны кантынум у тэкстах Вялікага Княства Літоўскага»; Марына Свістунова (БДУ) – «Вывучэнне і стаўленне да паланізмаў у беларускім мовазнаўстве (40-я гады XX ст. – пачатак XXI ст.)»; Анжаліка Літвіновіч (Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы) – «Сістэмная арганізацыя беларускіх дзеясловаў абароны на фоне польскіх адпаведнікаў», розных анамастычных аспектаў на польска-ўсходнеславянскім памежжы (Міхал Саевіч – «Мянушкі жыхароў Ляўкова Старога і ваколіц у Гайнаўскім павеце на Беластоцчыне, матываваныя імем і прозвішчам носьбіта або іншых асоб»; Вольга Трацяк (Варшаўскі ўніверсітэт) – «Назвы польска-беларускага памежжа як адлюстраванне гістарычных, культурных і моўных працэсаў»; Людміла Лабовіч – «Назвы жонак ад імя, прозвішча, мянушкі і месца паходжання мужа ў гаворках гміны Чыжы ў Гайноўскім павеце»; Марцін Койдэр (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) – «Даследаванне гістарычнай антрапаніміі польска-беларускага памежжа»), а таксама лексікі асобных літаратурных твораў (Малгажата Аструўка (Польская акадэмія навук у Варшаве) – «Назвы раслін у раманах Фларыяна Чарнышэвіча»; Ірына Галуза – «Тэрміналагічныя словазборы Язэпа Драздовіча»). Некалькі дакладаў датычыліся сучаснай беларускай мовы (Ядвіга Казлоўская-Дода – «Беларускі “памяркоўны”, “цяпімы”, “талерантны” з пункта гледжання семантыкі і аксіялогіі»; Ганна Бераніка Сівірска (Варшаўскі ўніверсітэт) – «Беларуская мова як сімвалічны элемент сучаснай нацыянальнай свядомасці») і супастаўляльных польска-беларускіх даследаванняў (Агнешка Гораль (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) – «Асавовыя *substantiva masculina*

са словаўтваральным фармантам *-ant* у польскай і беларускай мовах»).

У літаратурнай секцыі пад старшынствам Ірыны Багдановіч і Сяргея Кавалёва былі выслуханы дзесяць дакладаў. Распачаў працу секцыі Уладзімір Кароткі (БДУ), які паведаміў пра перакладчыцкі опус гетмана Вінцэнта Гасеўскага 1650 г. Літаратуразнаўцы ў сваіх выступленнях аналізавалі вынікі даследавання творчасці Уладзіслава Сыракомлі (Жанна Некрашэвіч-Кароткая, БДУ) і Адама Міцкевіча (Мікола Хаўстовіч, Варшаўскі ўніверсітэт). Адзін даклад быў прысвечаны вобразу Палесся ў польскай і беларускай аповесці 1918–1939 гг. (Мікалай Хмяльніцкі, БДУ). Са свайго боку, польскія навукоўцы прадставілі вынікі даследаванняў, праведзеных на матэрыяле твораў Вольгі Іпатавай (Беата Сівэк, Люблінскі каталіцкі ўніверсітэт імя Яна Паўла II), Юркі Геніюша (Ганна Саковіч, Беластоцкі ўніверсітэт), Уладзіміра Арлова (Дзмітрый Клябанаў, Ягелонскі ўніверсітэт), Мікалая Рудкоўскага (Наталля Русецкая, Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) і Ірыны Багдановіч (Людміла Сірык, Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай).

Гістарычная і культуразнаўчая секцыі пад кіраўніцтвам Марыюша Кажанеўскага (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) і Вікторыі Барэцкай (Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. Сухого) працавалі ў гарадской публічнай бібліятэцы. Удзельнікі канферэнцыі і вольныя слухачы мелі задавальненне пачуць дзесяць дакладаў, прысвечаных як старажытнасці (Марыюш Аўш (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) – «Адукацыйная дзейнасць піяраў на Беларусі»; Вітольд Колбук (Люблінскі каталіцкі ўніверсітэт імя Яна Паўла II) – «Фарміраванне сеткі праваслаўных парафій у межах сучаснага Падляшскага ваяводства на працягу стагоддзяў»; Ганна Жаброўская (Познаньскі ўніверсітэт імя Адама Міцкевіча) – «Мінуўшчына вачамі жыхароў беларуска-літоўска-польскага памежжа»), так і сучаснасці (Вікторыя Барэцкая – «Дзейнасць каталіцкіх святароў польскага паходжання ў Гомелі ў XX ст.»; Іаанна Дварэцкая (Познаньскі ўніверсітэт імя Адама Міцкевіча) – «Польская і беларуская ідэнтычнасць каталіцкага касцёла на Беларусі. Гісторыя і сучасныя дзілемы»).

Асабліваю цікавасць даследчыкаў выклікала дзейнасць палякаў, звязаных з гісторыяй беларускай сталіцы, на пачатку XX ст. (даклады прадставілі Марыюш Кажанеўскі – «Дзейнасць мінскіх палякаў у 1917–1918 гг. у святле выдання “Dziennik Miński” (“Мінскі дзённяк”»); Дарыюш Тарасюк (Люблінскі ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай) – «Уладзімір Двожа-

чак – публіцыстычная дзейнасць у Мінску на пачатку XX ст.)), а таксама асоба Зыгмунта Глогера (Катажына Канчэўская – «Гродзеншчына ў даследаваннях Зыгмунта Глогера. Каментарыі да першага выдання “Pism rozproszonych Zygmunta Glogera” (“Твораў розных гадоў Зыгмунта Глогера”))» і Ёзафа Ігнацыя Крашэўскага (Ганна Колбук – «Усходняе хрысціянства на Палессі ў творчасці Ёзафа Ігнацыя Крашэўскага»)).

Дарэчы, асоба Ёзафа Ігнацыя Крашэўскага на доўга застаецца ў памяці ўдзельнікаў канферэнцыі дзякуючы сентыментальнаму падарожжы за 15 км ад Вішніц у сядзібу сям’і пісьменніка ў Раманове.

У гэтым годзе Міжнародная навуковая канферэнцыя «Польска-беларускія культурныя, літаратурныя і моўныя сувязі» сабрала філолагаў (літэратуразнаўцаў і лінгвістаў), гісторыкаў, сацыёлагаў, этнографікаў, рэлігіязнаўцаў. Вынікі сваёй працы прадставілі як сталыя, добра вядомыя ў вучэнні польска-беларускага дыялогу вучоныя, так і тыя, хто толькі распачынае дзейнасць у навуцы, а таксама аўтары, якія праводзяць свае

даследаванні незалежна ад навукова-даследчых устаноў. Канферэнцыя паспрыяла кансалідацыі польскай і беларускай славістычнай навуковай супольнасці і дапамагла намеціць напрамкі далейшага супрацоўніцтва паміж прадстаўнікамі розных навукова-даследчых цэнтраў па абодва бакі мяжы. Канферэнцыі з цыклу «Польска-беларускія сувязі...», якія традыцыйна арганізуюцца па чарзе ў Польшчы і Беларусі, заўсёды вызначаюцца спрыяльнай, асабліва для маладых даследчыкаў, атмасферай, удзельнікі актуалізуюць дагэтуль не даследаваныя або маладаследаваныя навуковыя праблемы. Як і кожны год, усе выступленні выклікалі ажыўленыя дыскусіі. Арганізатары плануюць апублікаваць прачытаныя на канферэнцыі даклады ў штогодніку «Studia Białorutenistyczne» – навуковым часопісе, які выдаецца Люблінскім універсітэтам імя Марыі Кюры-Складоўскай.

А. Гораль,

кандыдат філалагічных навук, ад’юнкт Люблінскага ўніверсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 1. 51 с. : ил. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188646>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000316012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 1 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках – языки общения». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 2. 129 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188660>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000416012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 2 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 3. 189 с. : ил. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188661>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000516012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 3 содержит материалы проблемного поля «Инновационные технологии и методы обучения иностранным языкам». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 4. 114 с. : табл. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188664>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000616012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются

проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 4 содержит материалы проблемного поля «Инновационный педагогический менеджмент». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. (Минск, 2018. Т. 5. 59 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188666>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000716012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 5 содержит материалы проблемного поля «Проблемы художественного и научно-технического перевода». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 6. 189 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188668>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000816012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 6 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иден. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.) : в 7 т. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Т. 7. 79 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/188672>. Загл. с экрана. Деп. 16.01.2018, № 000916012018.

В сборнике статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания. Том 7 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы». Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Некрашевич-Короткая Ж. В.</i> Изучение древней белорусской литературы в контексте проблемы литературной канонизации.....	5
<i>Шода М. Ю.</i> Мифопоэтические основы лирики У. Б. Йейтса	14
<i>Шпаковская Н. Г.</i> Из мифа в сказку: трансформация сверхъестественных персонажей скандинавского фольклора	21
<i>Хаецкая О. Л.</i> Тематическая полифония эссе Р. У. Эмерсона «Доверие к себе»	25
<i>Янкута А. В.</i> Ревизионистские стратегии в англоязычной феминистской критике и женской литературе второй половины XX – начала XXI в.	30
<i>Кабылкова А. А.</i> Почвеннические традиции первой волны русской эмиграции в творчестве В. Н. Крупина	40

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

<i>Гутовская М. С.</i> Тематическая организация лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках	49
<i>Костюченко В. Ю.</i> Эпистемическая и алетическая модальность в сетевых ток-шоу на русском и английском языках.....	66
<i>Жишкевич А. И.</i> Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля.....	79

РЕЦЕНЗИИ

<i>Рамза Т. Р.</i> Сомин А. А. Белорусский язык. Самоучитель	84
<i>Рамза Т. Р.</i> Zeller J. P. Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt [Целлер Я. П. Фонетическая вариация в белорусской «трясянке». Языковые изменения и изменения языка при белорусско-русском речевом контакте].....	87

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Гораль А.</i> XXVI Международная научно-практическая конференция «Польско-белорусские культурные, литературные и языковые связи»	92
Аннотации депонированных в БГУ работ	95

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Некрашэвіч-Кароткая Ж. В.</i> Вывучэнне даўняй беларускай літаратуры ў кантэксце праблемы літаратурнай кананізацыі.....	5
<i>Шода М. Ю.</i> Міфапаэтычныя асновы лірыкі У. Б. Ейтса.....	14
<i>Шпакоўская Н. Г.</i> З міфа ў казку: трансфармацыя звышнатуральных персанажаў скандынаўскага фальклору.....	21
<i>Хаецкая А. Л.</i> Тэматычная поліфанія эсэ Р. У. Эмерсана «Давер да сябе».....	25
<i>Янкута Г. В.</i> Рэвізіянісцкія стратэгіі ў англамоўнай фемінісцкай крытыцы і жаночай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI ст.	30
<i>Кабылкова А. А.</i> Почвеніцкія традыцыі першай хвалі рускай эміграцыі ў творчасці У. М. Крупіна.....	40

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Гутоўская М. С.</i> Тэматычная арганізацыя лексіка-фразеалагічнага поля метамоўных абазначэнняў у рускай і англійскай мовах.....	49
<i>Касцючэнка В. Ю.</i> Эпістэмічная і алетычная мадальнасць у сеткавых ток-шоу на рускай і англійскай мовах.....	66
<i>Жышкевіч А. І.</i> Тыпалогія форм інтэртэкстуальных уключэнняў на аснове рэмінісцэнтнага поля.....	79

РЭЦЭНЗІІ

<i>Рамза Т. Р.</i> Сомін А. А. Беларуская мова. Дапаможнік для саманавучання.....	84
<i>Рамза Т. Р.</i> Zeller J. P. Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt [Цэлер Я. П. Фанетычная варыяцыя ў беларускай «трасянцы». Моўныя змены і змены мовы пры беларуска-рускім моўным кантакце].....	87

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Гораль А.</i> XXVI Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Польска-беларускія культурныя, літаратурныя і моўныя сувязі».....	92
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	95

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Nekrashevich-Karotkaja Zh. V.</i> Studying of old Belarusian literature in the context of literary canonization	5
<i>Shoda M. J.</i> Mythopoetical basis of the poetry of W. B. Yeats	14
<i>Shpakouskaya N. G.</i> From myth to tale: a transformation of the supernatural characters in the scandinavian folklore	21
<i>Khaetskaya O. L.</i> Topic polyphony of R. W. Emerson's essay «Self-Reliance»	25
<i>Yankuta H. V.</i> Revisionist strategies in the English-language feminist critics and women's literature in the second half of the XX century and at the beginning of the XXI century	30
<i>Kabylkova A. A.</i> Nativism traditions of the first wave of Russian emigration in the works by V. N. Krupin.....	40

LINGUISTICS

<i>Gutovskaya M. S.</i> Thematical organization of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages	49
<i>Kastsiuchenka V. Y.</i> Epistemic and alethic modalities in online talk shows in Russian and English languages...	66
<i>Zhyshkevich A. I.</i> Typology of forms of intertextual inclusions on the basis of a reminiscence field	79

REVIEWS

<i>Somin A. A.</i> Belarusian language. Self-study book.....	84
<i>Zeller J. P.</i> Phonic variation in the Belarusian «Trasyanka». Language change and change of language in the Belarusian-Russian language contact	87

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Goral A.</i> XXVI International scientific conference «Polish-Belarusian connections in culture, literature and language».....	92
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	95

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2018
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *А. С. Люкевич, Л. А. Меркуль,*
О. С. Гладкова

Подписано в печать 28.02.2018.
Тираж 115 экз. Заказ 92.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.
Correspondence address: Kal'varyjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreaders *A. S. Lykevich, L. A. Merkul',*
O. S. Gladkova

Signed print 28.02.2018.
Edition 115 copies. Order number 92.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2018